63.3(2)5
Ш-65

Л.Э. Шишко

Общественное движение

БА высыла-
или микро-
пий и микро-
ниц (не бо-
есплатно за
ля издания;
икрофильмов
ного объема
иблиотеки-за-

Заверенный бланк-заказ с распиской отве
издания или с указанием номера банд
библиотека-абонент несет ответственност

Место и год изд. ——— Том———

Автор и название статьи———

стр. от——— до ——— жел
мик

ШИФРЫ

Место печати

Подпись
отв. лица (р

БА высыла
или микро
пий и микро
ниц (не б
есплатно з
ля издани
икрофильмо
ного объем
иблиотеки-з

63.3(2)5
9(47)8
Ш65

91

Л. Э. Шишко.

ПРОВЕРЕНО
1929 г.

1965

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

въ

шестидесятыхъ и первой половинѣ семидесятыхъ годовъ.

47469

Инв. 3358
№ 47469

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

28.6.5

ИЗДАНИЕ
Русскаго Библіографическаго Института бр. А. и И. Гранатъ и К°

Москва—1920.

2047

1941

БА высыла
или микро
пий и микро
ниц (не б
есплатно з
ля издани
икрофильмо
ного объем
иблиотеки-з

14-я типография Горсовнархоза (бывш. Городская).

Р. В. Ц. Москва.

15.000 экз.

9(47)
1245

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

ГЛАВА I.

Шестидесятые годы.

I.

Кризисъ въ русской государственной жизни, вызванный крымской войной, совпалъ съ перемѣной царствованія. Такое совпаденіе дало сильный толчокъ въ сторону правительственной инициативы въ дѣлѣ преобразованій. Явные интересы правительства не противорѣчили личнымъ наклонностямъ новаго монарха, не связаннаго субъективно съ крайностями предшествовавшей политики. Такимъ образомъ начался періодъ правительственныхъ реформъ.

Идейной основой всей николаевской системы были отрицаніе свободы мнѣнія гнетъ офиціальнаго міросозерцанія, выражавшійся въ цензурныхъ стѣсненіяхъ, преслѣдованіяхъ науки, обращенія университетовъ въ казенныя школы. И вотъ первыя освободительныя мѣры Александра были направлены именно въ эту сторону: въ теченіе перваго-же года царствованія былъ упраздненъ бутурлинскій комитетъ, висѣвшій грозой не только надъ печатью, но и даже надъ самой цензурой, было разрѣшено изданіе двухъ новыхъ журналовъ съ общественно-политической программой, «Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды», и былъ нѣсколько ослабленъ, административнымъ порядкомъ, цензурный гнетъ. Затѣмъ, въ томъ же 1855 году, былъ разрѣшенъ доступъ въ университеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ и была возстановлена посылка заграницу молодыхъ ученыхъ для подготовки ихъ къ профессурѣ.

Эти мѣры вызвали въ обществѣ радостное настроеніе. Не только Кавелинъ и другіе представители умѣреннаго либерализма, но даже Чернышевскій высказывалъ тогда свое отношеніе къ наступавшимъ перемѣнамъ въ тонѣ неограниченнаго довѣрія къ Александру II: «Успѣхи просвѣщенія—писалъ онъ въ августѣ 1856 г,—составляютъ предметъ заботъ и желаній нашего Монарха, любящаго свой народъ и любимаго имъ». Далѣе, онъ говорилъ о «непоколебимости надеждъ на счастливыя судьбы народа подъ кроткимъ

и правосуднымъ правленіемъ Александра II...» [1]).

Въ 1857 г. появились рескрипты, возвѣстившіе о рѣшеніи правительства отмѣнить крѣпостное право. Эта вѣсть была встрѣчена взрывомъ восторга. «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—писалъ Герценъ.—Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая, а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи; онъ столько же наслѣдникъ *14 декабря*, какъ и Николая. Онъ работаетъ съ нами—для великаго будущаго» [2]). Въ томъ же духѣ была написана статья Чернышевскаго «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта»: «Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г.,—говорилъ онъ, благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ... Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ будущность, но уже одно дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ» [3]).

Поворотъ правительства отъ системы крайняго абсолютизма въ сторону либеральныхъ реформъ не могъ быть встрѣченъ обществомъ иначе, какъ выраженіемъ самаго полнаго сочувствія и самыхъ радостныхъ надеждъ. Но по мѣрѣ того какъ выяснялся истинный характеръ начинавшихся преобразованій, по мѣрѣ того какъ опредѣлялись тѣ узкія рамки, изъ которыхъ не суждено было выйти преобразовательнымъ стремленіямъ Александра II, первоначальныя надежды, возлагавшіяся на нихъ, должны были очень скоро разрушиться.

Рамки освободительныхъ мѣропріятій новаго царствованія не выходили изъ предѣловъ административнаго усмотрѣнія. Система осталась та же, измѣнился только способъ пользованія ею. Въ дѣлѣ печати гнетъ цензуры былъ нѣсколько ослабленъ, но не было принято никакой органической мѣры, которая обезпечила бы печать отъ административнаго произвола. Въ концѣ 1858 г., въ еженедѣльной славянофильской газетѣ «Молва» была напечатана статья К. Аксакова «Публика и народъ»; въ ней проводилась параллель между верхними слоями общества и народной массой: «Когда публика ѣдетъ на балъ, народъ идетъ ко всенощной; когда публика танцуетъ, народъ молится. Публика спитъ, народъ давно уже всталъ и работаетъ... Публика презираетъ народъ, народъ прощаетъ публикѣ... и т. д.». Эта статья была признана опасной, вызывающей вражду между сословіями. «Статья эта мнѣ извѣстна», писалъ Александръ II на докладѣ министра народнаго просвѣщенія Норова: «Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ тонѣ». И вскорѣ «Молва» была запрещена [1]). Въ 1859 г. была запрещена газета «Парусъ» за статью Погодина. Въ ней авторъ, въ ультра-патріотическомъ тонѣ, возмущается тѣмъ пассивнымъ положеніемъ, какое заняла Россія въ международныхъ дѣлахъ послѣ заключенія парижскаго мира.

[1]) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. II, стр. 561.

[2]) «Колоколъ», 1858 г., № 9.

[3]) Собр. соч., т. 4, стр. 50—54.

[1]) См. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. 15, стр. 319 и слѣд.

БА высыла
или микро
пий и микро
ниц (не б
есплатно
ля издани
икрофильм
ого объем
иблиотеки-з

«Что же дѣлаетъ она теперь на поприщѣ европейской политики?»—спрашиваетъ авторъ: «Она безмолвствуетъ, повторяемъ, какъ-будто нѣтъ нигдѣ ея представителей...и т.д.». Здѣсь было усмотрѣно «вмѣшательство частныхъ лицъ въ виды и соображенія правительства, несообразное съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства» [1]). Въ 1859 г. мы уже встрѣчаемся, въ перепискѣ Добролюбова, съ жалобами на безудержную свирѣпость цензуры; вопросъ объ откупахъ былъ совершенно изъятъ изъ обсужденія въ печати, вслѣдствіе чего была «ободрана на четвертую долю» статья Добролюбова «О трезвости» («Народное Дѣло»); въ просьбѣ о разрѣшеніи издавать газету «Свистокъ» ему и Некрасову было отказано; былъ запрещенъ переводъ «Исторіи французскихъ крестьянъ» Боннера; была запрещена статья «О дворовыхъ»—на томъ основаніи, что она «несогласна съ видами правительства»; статья «О современномъ состояніи Франціи» была запрещена потому, что въ ней отзывались дурно о Наполеонѣ; изъ состава одной сентябрьской книжки «Современника», представленной въ цензуру, было не пропущено около 15 листовъ, т.-е. почти половина книжки; 3-го октября былъ изданъ циркуляръ, чтобы отъ всѣхъ редакцій и авторовъ цензура требовала фактическихъ доказательствъ, когда они хотятъ напечатать что-нибудь обличительное [2]).

То же самое происходило и съ дѣломъ освобожденія крестьянъ. Несмотря на нѣкоторыя колебанія самого Александра II въ сторону гуманности и доброжелательства по отношенію къ освобождаемымъ, несмотря даже на преобладающую роль въ періодъ выработки Положенія 1861 г. бюрократической партіи Николая Милютина, относившейся враждебно къ притязаніямъ крупнаго дворянства, дѣло освобожденія крестьянъ было рѣшено, въ концѣ концовъ, въ пользу именно дворянской партіи. Путемъ цѣлаго ряда уступокъ, которыя дворянская партія вынудила у Александра II, первоначальный проектъ редакціонныхъ комиссій былъ сведенъ, какъ извѣстно, на ничто: «другое дѣло—измѣненія въ нашемъ проектѣ, сдѣланныя Главнымъ Комитетомъ и Государственнымъ Совѣтомъ»,—писалъ князь Черкасскій Я. Соловьеву: «нельзя представить себѣ ничего безобразнѣе постановленныхъ ими высокихъ размѣровъ оброка и уменьшенныхъ maxim'овъ земли» [1]).

Независимо отъ личныхъ взглядовъ Александра II, въ значительной степени, впрочемъ, проникнутыхъ принципами стараго порядка, правительственныя реформы должны были идти тѣмъ путемъ, какой опредѣлялся основами существующаго государственнаго строя. Всѣ попытки перейти эту границу со стороны доктринеровъ общественнаго блага на почвѣ старыхъ неизмѣнившихся устоевъ—какимъ былъ, напримѣръ, Н. Милютинъ,—неизбѣжно должны были потерпѣть неудачу. Вліяніе Милютина,

---

[1]) Ibidem, т. 16, стр. 319 и слѣд.

[2]) «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», изданіе Солдатенкова, стр. 528, 542.

[1]) Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго, т. I, кн. 2, стр. 287.—Черкасскій, Соловьевъ, Н. Милютинъ и Ю. Самаринъ были, какъ извѣстно, наиболѣе вліятельными членами редакціонныхъ комиссій.

Ланского, Головнина и другихъ либераловъ, не отвергавшихъ принциповъ абсолютизма, было кратковременно. Постоянное и прочное вліяніе на дѣло получили въ концѣ концовъ Долгорукій, Панинъ, Строгановъ, Гагаринъ, Валуевъ и другіе защитники стараго порядка. «Строгановъ, Панинъ и Долгоруковъ, — писалъ Милютинъ Черкасскому въ маѣ 1861 г.—составили тріумвиратъ, который замѣтно завладѣлъ мыслями царя. Сообщниковъ у нихъ—легіонъ; Бутковъ—ихъ вѣрный слуга. Мой другъ Шуваловъ (нынѣ III отдѣленіе) будетъ имъ помогать по убѣжденію и по расчету, хотя смотритъ и въ другую сторону на всякій случай.... Тріумвирату поручено придумать мѣры къ обузданію и **сокращенію числа** студентовъ... Между тѣмъ всѣ усилія обращены теперь на устраненіе людей, которыхъ тріумвиратъ считаетъ неблагонадежными. Наибольшія нападки обращены на Головнина.... Великій князь (Конст. Ник.) въ тѣни, и я ему предсказалъ на прощаніи, что зимой онъ здѣсь не будетъ, что, видимо, его разсердило»[1]).

Если мы вдумаемся въ смыслъ этихъ словъ, вырвавшихся даже у такого убѣжденнаго оптимиста самодержавія, какимъ былъ Милютинъ, продолжавшій объяснять совершившійся поворотъ «личными интригами» при дворѣ и все еще надѣявшійся, что перемѣны ограничатся «кое-какими полумѣрами [2]),—если мы присоединимъ къ этому свѣдѣнія о томъ, что происходило съ печатью уже въ 1858—1859 гг., то мы увидимъ, что такъ называемая «реакція» въ царствованіе Александра II наступила даже ранѣе 1862 года; мы увидимъ, что эта реакція таилась въ самыхъ первыхъ, самыхъ, повидимому, либеральныхъ актахъ новаго правительства и что она не замѣчалась на первыхъ порахъ только вслѣдствіе той иллюзіи, какая была вызвана представленіемъ о **возможности** даже самыхъ крупныхъ, самыхъ величайшихъ преобразованій въ томъ случаѣ когда иниціативу ихъ беретъ на себя правитель, обладающій могуществомъ абсолютной власти.

Гласность необходима, но только «у насъ дурное направленіе»—говорилъ Александръ II въ самомъ началѣ царствованія[1]). Возвѣщенная отмѣна крѣпостного права должна была быть совмѣщена съ неприкосновенностью дворянскихъ правъ и дворянскихъ интересовъ: «Всемилостивѣйшій государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству», писалъ въ своемъ циркулярѣ новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской[2]). Во всѣхъ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ 1858 г., во время поѣздки по губерніямъ, Александръ II не переставалъ повторять, что онъ считаетъ дворянство «первой опорой престола», а себя «первымъ дворяниномъ», что онъ «считаетъ за особую честь принадлежать, какъ помѣщикъ московской губерніи, къ средѣ московскаго дворянства»[3]), и т. д. За спиной Александра II съ первыхъ шаговъ его царствова-

---

[1]) Ibidem, стр. 276.

[2]) См. то же письмо.

[1]) Корниловъ. «Общественное движеніе при Александрѣ II», «Минувшіе годы» февраль, 1908 г., стр. 90.

[2]) Татищевъ, т. I, стр. 302.

[3]) Татищевъ, т. I, гл. 13.

…ѣ, стояли Адлербергъ, Орловъ, [Дол]горукій, Меньшиковъ, Муравьевъ и другіе витязи стараго порядка съ своими сообщниками, которыхъ, по словамъ Милютина, былъ легіонъ. [Эт]и представители интересовъ господствующаго сословія и должны были руководить всей политикой Александра II. Государство, расшатанное до самой основы системой предшествующаго царствованія, не могло дольше существовать безъ нѣкоторыхъ передѣлокъ; но эти передѣлки, не нарушая [illegible] существующаго строя, [illegible] были [illegible] поверхност[ными]... Крѣпостное право, писалъ Чернышевскій въ 1862 г., было лишь [illegible] чертой стараго порядка; оно было только однимъ частнымъ проявленіемъ принциповъ, на которыхъ былъ устроенъ весь прежній порядокъ... Тяжела была для крѣпост[ныхъ] [illegible] для государства [illegible] сущность крѣпостного права; но она была сообразна всему порядку нашего устройства; [illegible] не могъ имѣть [illegible]. А между [illegible] общество предполагало отмѣнить крѣпостное право [illegible] стараго порядка[1]).

На этомъ именно вопросѣ, т.-е. на вопросѣ объ отношеніи къ реформамъ, [illegible] сущности стараго порядка, русское прогрессивное общество [ско]ро раздѣлилось на два лагеря. Къ одному изъ нихъ принадлежало [бол]ьшинство; оно состояло изъ людей умѣренныхъ, искренно желавшихъ преобразованій, но не способныхъ переступить за черту строго-легальной дѣятельности. Интересъ къ общественной жизни не господствовалъ у нихъ надъ ихъ непосредственными личными интересами, связанными съ ихъ положеніемъ, службой, любимыми занятіями. Надо замѣтить, что въ государствахъ строго автократическаго характера, какимъ была Россія въ шестидесятыхъ годахъ, всякая политическая оппозиція, разъ она переходитъ въ дѣйствіе, грозитъ нанести крупный ущербъ личнымъ интересамъ. Такъ это было, напримѣръ, съ тверскими дворянами, когда они подняли вопросъ о необходимости конституціи. Легко понять поэтому, что для людей, очень умѣренныхъ по своему политическому темпераменту, перспектива личныхъ ущербовъ дѣлала недоступнымъ участіе въ активной политической оппозиціи, въ силу чего они стали теоретически отвергать этотъ путь. Наиболѣе крупнымъ представителемъ этого теченія, получившаго широкое распространеніе въ послѣдующую эпоху, былъ К.Д. Кавелинъ. Главнымъ вопросомъ, около котораго вращалась его мысль, былъ вопросъ о конституціи. Вопросъ о конституціи былъ единственнымъ вопросомъ, въ которомъ общество сталкивалось съ правительствомъ на политической почвѣ. При существовавшемъ положеніи дѣлъ всякая политическая оппозиція неизбѣжно приводила къ вопросу о конституціи. На эту именно почву и стали либеральные вожди тверского дворянства. Въ Тверской губерніи собрались цѣлыя группы просвѣщенныхъ помѣщиковъ: А.М. Унковскій, А.А. Головачевъ, бывшій петрашевецъ А.И. Европеусъ, братья Алексѣй и Николай Бакунины, В.П. Кудрявцевъ и другіе. Нѣкото-

[1]) [illegible]

вые изъ нихъ были представителями дворянства и пользовались большимъ уваженіемъ въ своей средѣ. Въ эпоху освобожденія крестьянъ, они не допускали, чтобы оно могло быть удовлетворительно совершено бюрократическимъ способомъ; они связывали крестьянскую реформу съ перемѣной политическаго строя. Освобожденіе крестьянъ, совершившееся въ 1861 г., не удовлетворило ихъ. «Положеніе 19 февраля,—заявилъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ Тверской губерніи, собравшійся въ декабрѣ 1861 г.,—не удовлетворило народныхъ потребностей ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ отношеніи гражданской свободы». Въ февралѣ 1862 г. въ Твери собралось экстренное дворянское собраніе по вопросу о земельныхъ банкахъ. Дворянство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы высказать правительству свой взглядъ на общее положеніе дѣлъ. Большинствомъ 102 голосовъ противъ 24, собраніемъ была принята резолюція, въ которой признавались необходимыми слѣдующія реформы въ государственномъ управленіи: преобразованіе финансовой системы въ томъ смыслѣ, чтобы она зависѣла отъ народа, а не отъ произвола; независимый судъ, полная гласность во всѣхъ отрасляхъ управленія; слитіе всѣхъ сословныхъ различій, причемъ тверское дворянство объявило передъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій.

«Осуществленіе этихъ реформъ,—говорилось далѣе,—невозможно путемъ правительственныхъ реформъ... Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко убѣждено, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа... Поэтому дворянство и обращается не прямо къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій»[1].

Это движеніе, ставшее на опредѣленную политическую почву, не получило распространенія и не было поддержано въ другихъ губерніяхъ. Оно было, впрочемъ, исключительнымъ выводомъ уровня умственнаго развитія группы тверскихъ помѣщиковъ, соединившейся съ значительной долей гражданскаго мужества. Извѣстно, что въ эпоху освобожденія крестьянъ среди дворянства Петербургской и Московской губерній проявлялись идеи о конституціи олигархическаго характера; но это не было новое теченіе: оно имѣло въ виду лишь еще болѣе закрѣпить основную черту стараго порядка — привилегированное дворянское сословіе. Конституціонное движеніе, какое показало его тверское дворянство, т.-е. прямое отрицаніе системы самодержавія и господства дворянскаго сословія, не встрѣтило сочувствія въ дворянской средѣ въ эпоху освобожденія крестьянъ. Въ этой средѣ было въ свое время довольно широко распространено недовольство тѣмъ бюрокра-

[1] Эта резолюція тверского дворянства напечатана въ первомъ сборникѣ «Освобожденіе», 1903 г., стр. 19.

извѣстныхъ способахъ, какими подготовлялась крестьянская реформа. Помѣщики знали, что во главѣ редакціонныхъ коммиссій стоялъ Н. Милютинъ, сторонникъ идеи безусловной монархіи, желавшій поднять благосостояніе народныхъ массъ силою автократическаго государства, и они боялись того ущерба, какой могла нанести ихъ интересамъ эта политика. На этой именно почвѣ возникло то страстное негодованіе, какое обнаружили въ 1859 и въ 1860 гг. помѣщики противъ бюрократической системы вообще. Ихъ негодованіе возбуждалъ лучшій изъ всѣхъ современныхъ бюрократовъ, идеалистъ-реформаторъ, стремившійся подорвать ихъ сословное господство во имя всеобщаго блага; подъ вліяніемъ этого опасенія, они перенесли свое негодованіе на всю бюрократическую систему. Тогда послышались среди дворянства страстныя рѣчи противъ чиновничьяго произвола, противъ вопіющей несправедливости стараго судопроизводства; въ дворянскихъ собраніяхъ во Владимірѣ, Рязани, Ярославлѣ, Вологдѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Орлѣ подписывались протестующіе адресы; всюду дворяне требовали гласнаго суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ и земскаго самоуправленія. Но въ этомъ движеніи, вызванномъ опасеніями узко-сословнаго характера, не было опредѣленной политической идеи; ни въ одномъ изъ поданныхъ адресовъ не затрагивался принципъ самодержавія, ни въ одномъ изъ нихъ не упоминалось даже о свободѣ печати *). Когда освобожденіе крестьянъ совершилось, когда оказалось, что опасенія помѣщиковъ были напрасны, и что ихъ интересы восторжествовали надъ идеями Н. Милютина, движеніе это исчезло безслѣдно. Политическое движеніе, поднятое тверскимъ дворянствомъ въ 1862 г., не встрѣтило ни малѣйшаго отзвука въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ еще недавно раздавались негодующія рѣчи противъ «попранія закона и справедливости» административной властью. Въ самомъ тверскомъ дворянствѣ, послѣ того какъ 13 человѣкъ изъ его среды были арестованы и просидѣли 5 мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, активная политическая оппозиція также затихла на долгое время.

Такимъ образомъ дворянство, какъ сословіе, не выдвинуло, въ эпоху освобожденія крестьянъ, никакой политической идеи; всѣ его треволненія, все его шумное недовольство, проявлявшееся тогда, имѣли подъ собой чисто сословные интересы. Мотивами общественныхъ интересовъ руководилась лишь очень небольшая часть дворянства, затронутая прогрессивными идеями, а въ этой небольшой части лишь немногія единицы вносили въ оппозиціонное движеніе необходимую для того долю гражданскаго мужества. При отсутствіи этой необходимой доли гражданскаго мужества, образованные люди средняго класса, сознававшіе неотложность преобразованій въ государственномъ строѣ и искренно желавшіе ихъ, становились на точку зрѣнія *неподготовленности* къ [illegible] русскаго народа, необходимости начинать преобразованія съ частичныхъ и мѣстныхъ ре-

*) О свободѣ печати упоминалось лишь въ отдѣльномъ адресѣ, подписанномъ 5-ю депутатами отъ губернскихъ комитетовъ перваго призыва: Унковскимъ (отъ Тверской губ.), Хрущовымъ и Шреттеромъ (отъ Харьковской), Васильевымъ и Дубровинымъ (отъ Ярославской).

[illegible]. Представителемъ этого теченія былъ, какъ мы уже упоминали, Кавелинъ. Его теоретическая программа заключаетъ въ себѣ основную [illegible] всего направленія — признаніе [illegible]жности развитія мѣстнаго самоуправленія, свободы печати и правильнаго судопроизводства при [illegible] [illegible]основенности системы центральнаго правительства: «[illegible] и [illegible] устроенный судъ, [illegible] свобода [illegible]ти, да передача [illegible], что [illegible] интересуетъ единство государства, [illegible] управленіе мирными [illegible] на очереди три вопроса. [illegible] [illegible] слѣдовало занятiе [illegible] [illegible] конституція. За разрѣшеніемъ [illegible], конституція пришла бы сама [illegible], какъ необходимое ея слѣдствіе. [illegible] une couple d'années; — такъ разсуждалъ Кавелинъ въ [illegible] [illegible] [illegible]ену отъ 6 апрѣля 1862 г.[1]).

«Не въ бесплодныхъ мечтахъ о представительномъ правленіи должно искать дворянство выхода изъ теперешняго своего труднаго положенія», [illegible] Кавелинъ въ томъ же году [illegible] своей брошюрѣ «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», изданной въ Берлинѣ. Далѣе, онъ совѣтовалъ [дво]рянству заняться своимъ правственнымъ возрожденіемъ и устройствомъ своихъ матеріальныхъ дѣлъ,— [а] затѣмъ перейти къ дѣятельности въ провинціальной, губернской сферѣ, [гд]ѣ теперь столько дѣла и которая никогда не очистится и не улучшится, пока за это не примется дѣятельно [наи]более образованнѣйшее сословіе... Россія еще во всѣхъ отношеніяхъ [ог]ромная пустыня; ее надо сперва воздѣлать, начиная дѣло снизу, а не сверху... Самоуправленіе, это любимая мечта всего просвѣщеннаго и либеральнаго въ Россіи, можетъ начать осуществляться пока только въ провинціи, при дѣятельномъ содѣйствіи дворянства. Въ этой плодотворной [illegible] оно и подготовится, какъ слѣдуетъ, къ дальнѣйшей, болѣе обширной политической дѣятельности, которая безъ того навсегда останется [illegible] фантазіею»[2]).

«Если передать въ [illegible] въ двухъ словахъ, — писалъ онъ, наконецъ, Герцену, — то вотъ къ чему сводится вопросъ: [illegible] [illegible] [illegible] русскаго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] широкой административ[ной] [illegible] [illegible] частямъ»[3]).

Программа, ставившая впереди [illegible] широкую мѣстную реформу, какъ подготовительную стадію къ политической свободѣ, по необходимости должна была опираться на [illegible] центральнаго правительства, — [ли]бо на него именно, на это центральное правительство, возлагалась миссія воспитать во всѣхъ слояхъ населенія навыки свободной политической жизни. Эта программа, перенесенная въ суровую дѣйствительность, въ суровую обстановку сословнаго гнета и государственнаго насилія и [illegible] схему политическаго воспитанія низовъ, не имѣла подъ собой ни научнаго, ни историческаго обоснованія; появленіе ея на свѣтъ можетъ найти только одно объясненіе: отсутствіе достаточныхъ

---

[1]) «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену», изд. Драгоманова, 1892 г., стр. 4[illegible].

[2]) Ibid., стр. [illegible]—50.

[3]) Ibid., стр. [illegible] [illegible] 10 мая 1862.

[вну]треннихъ мотивовъ, которые могли [при]звать людей на арену трудной [и опас]ной политической борьбы. Въ [этомъ] отношеніи либеральная партія [Росс]іи представляла собой един[ствен]ную въ мірѣ либеральную пар[тію], которая отрицала самую необ[ходим]ость борьбы съ принципомъ [самодер]жавія. Западноевропейскіе ли[берал]ы стали защищать принципъ об[щест]венной гармоніи лишь въ сферѣ [соці]альныхъ *вопросовъ*, возникшихъ [посл]ѣ ... въ революціонной пер[іод]ѣ [ломки] стараго порядка; русскіе либе[ралы] 60-хъ годовъ приносили воз[вышенную] программу мирнаго обновле[нія] также и по отношенію къ вопросу [объ] уничтоженіи стараго порядка.

«Наше историческое развитіе, — пи[салъ] Кавелинъ, — страшно похоже на [фран]цузское; не дай Богъ, чтобы [рез]ультаты его были также похожи: [ничег]о добраго дворянство своимъ [illegible], правительство сво[имъ] безуміемъ, просвѣщенное боль[шинс]тво своимъ доктринаризмомъ и [глуп]остью приведутъ къ тому. Я [illegible], à la Sverbejeff, буду всѣми [сила]ми стоять за существующій без[по]рядокъ, т.-е. за всѣ реформы, но [прот]ивъ конституціи» [1]).

[Ист]орическое развитіе страшно по[хоже] на французское, дворянство [безр]ассудно, правительство безум[ству]етъ, — и тѣмъ не менѣе Кавелинъ [одобр]яетъ программу правитель[ственн]ыхъ реформъ и заявляетъ себя [прот]ивникомъ конституціи.

[Во] главѣ другого, радикальнаго [на]правленія въ русскомъ обществѣ [т]ѣхъ годовъ стоялъ Н. Г. Чернышев[скій], онъ [illegible] расставшійся съ

[1]) Письмо къ Герцену отъ 6 апрѣля 1862 г.

какими бы то ни было надеждами даже на сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе вопроса [о] крѣпостномъ правѣ. «О немъ много было наговорено въ послѣднее время, — писалъ онъ уже въ 1859 году — безчисленными писателями, которые обнаружили благороднѣйшее негодованіе противъ бѣдствій, [illegible] столь долго не вызывавшихъ никакихъ порицаній. Мы сами [illegible] благородство

Въ тѣ дни, когда намъ было нов[о]
Значенье правды и добра,

и теперь не можемъ не краснѣя вспоминать о нашихъ тогдашнихъ подвигахъ» [1]).

Мы уже видѣли, что Чернышевскій считалъ крѣпостное право только *частнымъ* проявленіемъ основныхъ чертъ общаго государственнаго строя. При сохраненіи этихъ основныхъ чертъ, устраненіе одной частности не казалось ему даже имѣющимъ серьезное значеніе: «Пустое дѣло. Пустое!» — говорилъ онъ. — «И сколько времени опять общество будетъ забывать обо всемъ другомъ изъ-за хлопотъ объ этомъ мелкомъ дѣлѣ, понимаемомъ только въ пустѣйшемъ смыслѣ? — Но вотъ, положимъ, до[с]хлопотались, устроили и навосхищались до сыта, что бывшіе крѣпостные освобождены и благодѣнствуютъ. Можно обществу приняться за что-нибудь другое. Что дальше на очереди? — Судъ присяжныхъ. Тоже важная вещь, когда находится [не] подъ вліяніемъ такого [общаго на]ціональнаго устройства, при [illegible]

[1]) «Суевѣріе и правила логики». Соч., т. 4, стр. [illegible].

соль никакія судебныя формы не могутъ дѣйствовать много хуже суда присяжныхъ. Великая важность онѣ сами по себѣ! Были ли онѣ въ Англіи при Тюдорахъ и Стюартахъ? Чему онѣ мѣшали? Были ли во Франціи при Наполеонѣ I? Чему мѣшали? Существуютъ ли во Франціи теперь? Чему мѣшаютъ? Какія судебныя формы могутъ имѣть какую-нибудь серьезную важность, пока общій характеръ національнаго устройства не охраняетъ правду и защитниковъ ея? Все вздоръ» [1]).

«Вздоромъ» и «пустыми дѣломъ» Чернышевскій могъ называть крестьянскую и другія реформы лишь съ точки зрѣнія своего пониманія сущности соціальнаго устройства. Съ этой точки зрѣнія онъ ставилъ ни во что даже и ту либеральную конституцію, о которой мечталъ Кавелинъ, какъ о послѣдней, заключительной стадіи общественнаго движенія. Чернышевскій переносилъ вопросъ въ другую плоскость и, вслѣдъ за Герценомъ и петрашевцами, искалъ выхода въ соціализмѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на конституціонное движеніе, какъ на политическую программу буржуазіи, и высмѣивалъ искреннихъ либераловъ за ихъ стремленія къ узкой политической свободѣ:

«Съ теоретической стороны,—писалъ онъ,—либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, из[бавленнаго] счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что нимало не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы» [1]).

«Что же выигралъ простой народъ, силою котораго среднее сословіе освободилось отъ своихъ противниковъ»—писалъ онъ по поводу іюльскаго переворота во Франціи: «Простой народъ сражался безъ всякихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій; онъ увлекался тягостью своего положенія и участвовалъ въ вопросахъ чуждыхъ его интересамъ; онъ не озаботился продать свое содѣйствіе, не выторговалъ себѣ никакихъ условій, прежде чѣмъ примкнуть къ той или другой сторонѣ. Разумѣется, онъ не получилъ ничего» [2]).

Таковы это были его выводы по отношенію къ буржуазной республикѣ 1848 г.: «Іюньская побѣда,—писалъ онъ,—передала въ руки умѣренныхъ республиканцевъ всю правительственную власть во Франціи. Узнаемъ, какимъ путемъ достигли они этого торжества и мы видѣли, что неизбѣженъ былъ для нихъ этотъ путь послѣ той основной ошибки, которая сдѣлана въ началѣ

---

[1]) «Собр. сочиненій», т. 10, часть 1, изъ дневника Левицкаго, стр. 212—219. Мы пользуемся для характеристики взглядовъ Чернышевскаго его воспоминаніями, написанными, въ формѣ романа, уже въ Сибири. Здѣсь онъ, не стѣсненный цензурными условіями, высказывалъ свои мысли въ наиболѣе яркой формѣ.

[1]) «Борьба партій во Франціи», Собр. соч., т. IV, стр. 157—158.
[2]) Ibid., стр. 210.

БЛ высыла
или микро
ний и микро
ниц (не бо
есплатно
ля издани
икрофильм
юго объем
иблиотеки-з

1848 г. умѣренными республиканцами и парижскими работниками. Двѣ партіи, стремленія которыхъ были непримиримо противоположны, соединялись тогда между собой для низверженія противниковъ, которые по своимъ убѣжденіямъ гораздо менѣе разнились отъ умѣренныхъ республиканцевъ, нежели умѣренные республиканцы отъ своихъ союзниковъ. Результатомъ обманчиваго союза на словахъ, при полнѣйшемъ разногласіи въ желаніяхъ, была неизбѣжная необходимость двумъ на время соединявшимся партіямъ, тотчасъ послѣ одержанной въ союзѣ побѣды, вступить между собою въ борьбу, гораздо болѣе серьезную, нежели та, въ которой общими силами ими низвергнута орлеанская система»[1]).

Мы видимъ, что Чернышевскій ставитъ на первое мѣсто экономическіе интересы, отдѣляющіе буржуазію отъ наемныхъ рабочихъ, и вполнѣ опредѣленно занимаетъ точку зрѣнія классовой борьбы: «Нынѣ,—писалъ онъ,—очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, но еще сильнѣе чувства, внушенныя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду... Реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнявъ у реформаторовъ возможность дѣйствовать на массы. Такимъ образомъ консерваторы принуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ» [1])...

Съ другой стороны, тѣ люди, въ которыхъ «умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучитъ ихъ»—такіе люди, по словамъ Чернышевскаго, приходятъ къ тому убѣжденію, «что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ» и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихъ свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это — революціонеры» [2]).

Таковы были въ главныхъ чертахъ общественные и политическіе взгляды Чернышевскаго—этого «единственнаго замѣчательнаго публициста, явившагося въ наше время», какъ отзывался о немъ Герценъ въ 1865 г. [3]). «Стоя одинъ, выше всѣхъ головой,—писалъ онъ,—середь петербургскаго броженія вопросовъ и силъ, середь застарѣлыхъ пороковъ и начинающихся угрызеній совѣсти, середь молодого желанія жить, вырваться изъ обычной грязи и неправды, Чернышевскій рѣшился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшимъ и стремившимся, *что имъ дѣлать*»[4]). Онъ внесъ въ одн

1) «Іюльская монархія», собр. соч., т. IV, стр. 27—28.

1) «Политика», собр. соч., т. V, стр. 335—336.

2) «Политика», собр. соч., т. V, стр. [illegible]

3) «Колоколъ», 1865 г., № 197.

4) «Колоколъ», № 233—234».

же просыпавшуюся, смутную общественную жизнь Россіи 60-хъ годовъ критику соціальныхъ отношеній, стоявшую на одномъ уровнѣ съ выводами современной намъ научной мысли. Между нимъ и наиболѣе умными и просвѣщенными либералами, въ родѣ Кавелина, лежала непроходимая пропасть. У него съ либералами не было общаго дѣла; его задача сводилась тогда лишь къ критикѣ и отрицанію:

«Есть въ исторіи такія положенія,—писалъ онъ,—изъ которыхъ нѣтъ хорошаго выхода,—не оттого, чтобы нельзя было представить его себѣ, а оттого, что воля, отъ которой зависитъ этотъ выходъ, никакъ не можетъ принять его... Но что же въ такихъ случаяхъ остается дѣлать честному зрителю?.. Мы не знаемъ, что ему дѣлать, но знаемъ, чего онъ по крайней мѣрѣ не долженъ дѣлать: не стараться ослѣплять другихъ, остерегаться заражать другихъ идеологической язвой, если самъ по несчастію подвергся ей,—оставить надежды ребятамъ, взрослому человѣку неприлично ожидать виноградныхъ грозньевъ на терновникѣ» [1]).

На почвѣ этого рѣзко-отрицательнаго отношенія къ либеральному, реформенному движенію, къ идеѣ плодотворной, созидательной работы, какъ будто бы открывавшейся тогда для русскихъ людей, произошло, въ 1859—1860 год. столкновеніе между Герценомъ и Чернышевскимъ. Причины этого столкновенія, со стороны Герцена, были довольно сложны. Онъ, прежде всего, долго сохранялъ вѣру въ реформаторскую миссію Александра II; онъ не хотѣлъ допустить, чтобы возможность «двинуть впередъ цѣлую часть свѣта, искупить мрачное тридцатилѣтіе, соединить двѣ Россіи, между которыми прошла петровская бритва»,—чтобы все это было менѣе дорого Александру II, нежели «пустая и одинокая высота императорскаго самовластья» [1])... Онъ съ умиленіемъ привѣтствовалъ зарю новаго дня, занимавшуюся въ Россіи: «На эту полосу свѣта на родномъ небосклонѣ, усталые отъ всего, что насъ окружало, мы смотрѣли безъ запоздалыхъ требованій, безъ юношескихъ утопій... Тотъ, кто понимаетъ глубину умиленія и молитвы, которая заставила Канта, при вѣсти о провозглашеніи французской республики, обнажить голову и, поднявши глаза къ небу, повторить слова Симеона Богопріимца... тотъ пойметъ, что происходило въ душѣ нашей, когда мы слышали робко произнесенное государемъ, но все же произнесенное слово—*освобожденіе крестьянъ*» [2]).

Къ этимъ чисто субъективнымъ мотивамъ, сводившимся къ первой усталости отъ впечатлѣній предшествовавшаго царствованія, къ желанію «перевести духъ», и «отдохнуть отъ ненависти», присоединился тотъ переломъ, который произошелъ во взглядахъ Герцена подъ вліяніемъ 1848 г. Извѣстно, что Герценъ, подъ вліяніемъ іюньскихъ дней въ Парижѣ, сталъ думать, что западноевропейскій міръ остановился въ безсиліи передъ соціальнымъ вопросомъ: «Буржуазія европейскій,—писалъ онъ,—послѣднее слово тысячелѣтней историчес-

[illegible]

1) «Колоколъ» 1857 г., № 2 [illegible]
2) «Колоколъ» 1860 г., № [illegible]

«жизни, ея предѣлъ»... При Николаѣ, во времена Людовика Филиппа, во времена конституціонной свободы, «западъ становился намъ дорогъ, какъ запрещенный плодъ, какъ средство оппозиціи. То ли теперь?.. И мы и Европа совсѣмъ не тѣ, и мы и Европа стоимъ у какого-то предѣла, и мы и она коснулись черты, которой оканчивается томъ исторіи. Тогда западные люди не знали еще своей границы, они свой быть высокомѣрно принимали за идеалъ всѣхъ народовъ, они соглашались, что надобно кое-что очистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался... Теперь западъ пошатнулся; мы вышли изъ оцѣпенѣнія, мы рвемся куда-то; онъ стремится удержаться на мѣстѣ» [1]).

Такое отношеніе къ западноевропейской цивилизаціи, какъ застывшей въ неподвижныхъ формахъ буржуазной культуры, приводило Герцена къ скептическому отношенію какъ къ путямъ, которыми шло развитіе западной Европы, такъ и къ формамъ ея политической жизни: «Мы не западные люди, — писалъ онъ, — мы не вѣримъ, что народы не могутъ идти впередъ иначе, какъ по колѣна въ крови»... «Намъ дѣла нѣтъ до формъ правленія; мы всѣ ихъ видѣли на дѣлѣ и видѣли, что всѣ онѣ никуда не годятся, если онѣ реакціонны — и всѣ хороши, если онѣ современны и прогрессивны» [2]). Отсюда возникало представленіе о какомъ-то особомъ пути развитія для русской жизни, не похожемъ на западноевропейскій: ...«Вмѣсто того, чтобы прійти къ отчаяніе за себя и Россію, русская мысль осмѣливается *сомнѣваться* въ Европѣ, ищетъ въ грубыхъ началахъ своей жизни элементы для будущаго, и когда, наконецъ, событія, слѣдовавшія за 1848 г., такъ ясно показали, что европейскіе народы не состоятельны осуществить ту мысль экономическаго и государственнаго устройства, до котораго дошла наука, русская мысль начала освобождаться отъ авторитета» [1]).

Въ основѣ этого представленія о Россіи, какъ о странѣ съ особыми условіями соціальнаго развитія, лежала у Герцена идея общиннаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи его взгляды на значеніе общиннаго землевладѣнія совпадали со взглядами Чернышевскаго; но въ то время, какъ Чернышевскій видѣлъ въ этой сохранившейся бытовой чертѣ лишь условіе, облегчающее для Россіи движеніе по пути развитія, намѣченному общеевропейской цивилизаціей, Герценъ, подъ вліяніемъ той мысли, что на западѣ буржуазія одержала *окончательную* побѣду надъ соціализмомъ, противопоставлялъ западной цивилизаціи Россію съ ея «общиннымъ владѣніемъ и освобожденіемъ крестьянъ съ землей»: «Страна, — писалъ онъ, — которую знали за ея безобразнѣйшее самовластье, за кнутъ и взятки, за ея штыки, направленные противъ всякаго прогресса — эта страна является съ какимъ-то вопросомъ, сильно пахнущимъ соціализмомъ... Что касается до старой цивилизаціи... — мы очень хорошо понимаемъ не только ея непонятливость, но и ея озлобленіе:

---

[1]) «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе». «Колоколъ», 1859 г., №№ 53—59.

[2]) «Колоколъ», 1858 г., № 18.

[1]) «Америка и Сибирь». «Колоколъ», 1858 г., № 29.

(за колюсо всѣхъ ея неудавшихся, два пугала, употребляемыя то властью, то народомъ, чтобы стращать другъ друга—*Россія* и *соціализмъ* являются въ одномъ вопросѣ [1]).

При такомъ отношеніи къ общинному землевладѣнію въ Россіи, какъ бы открывающемъ новую эру въ общечеловѣческомъ развитіи, Герценъ придавалъ преувеличенное значеніе тому освобожденію крестьянъ съ землей, которое было возвѣщено Александромъ II: «Западные публицисты смѣются,—писалъ онъ,—когда мы говоримъ о великомъ историческомъ значеніи нашего освобожденія крестьянъ съ землею. А намъ кажется вопросъ этотъ до того важнымъ, что одно постановленіе его ставитъ насъ сосѣдомъ на другую ногу съ Европой и даетъ Александру II мѣсто въ числѣ величайшихъ дѣятелей нашего времени, какія бы, впрочемъ, онъ промахи и шалости ни дѣлалъ» [2]).

Это писалось въ 1859 г. Чернышевскій же уже въ концѣ 1858 г. не только совершенно пересталъ интересоваться освобожденіемъ крестьянъ съ землей, когда узналъ, что за эту землю съ нихъ будетъ взятъ выкупъ, но называлъ себя *глупцомъ* за то рвеніе, съ какимъ онъ въ 1857 г. ратовалъ за общинное землевладѣніе: «Предположимъ,—писалъ онъ,—что я хлопоталъ о сохраненіи провизіи, изъ которой приготовляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ изъ расположенія собственно къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ берутся съ васъ деньги, которыя не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ странныхъ открытіяхъ?.. Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! Лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе! Досада за васъ, стыдъ за свою глупость—вотъ мои чувства» [1]).

Мы видимъ, слѣдовательно, какія велики были разногласія во взглядахъ между двумя властителями думъ русскаго общества 1859 и 1860 годовъ—по самымъ важнымъ вопросамъ: по вопросу о пониманіи западноевропейской исторіи и по оцѣнкѣ значенія крестьянской реформы.

Кромѣ того, простъ помимо прочихъ отрицательнаго отношенія Чернышевскаго и «Современника» къ умѣренно-либеральному теченію той эпохи Герцена побуждала также та роль, какую игралъ въ то время его «Колоколъ». Противникъ Герцена Чичеринъ, прямо говорилъ, что онъ «сила и власть въ Россіи». Основанный въ іюлѣ 1857 г., «Колоколъ» сталъ быстро проникать въ Россію и расходился въ 2000—2500 экземпл.; свѣдѣнія о всѣхъ злоупотребленіяхъ доставлялись ему многочисленными

---

[1]) «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе» «Колоколъ», № 56.

[2]) «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе». «Колоколъ», № 58.

[1]) «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», собр. соч., т. IV, стр. 307.

...БА высыла... или микро... ний и микро... ниц (не бо... есплатно з... ля издани... икрофильмо... ого объем... иблиотеки-з...

распорядителей; все преобразованія въ высшихъ сферахъ было ему извѣстно черезъ лицъ, стоявшихъ близко къ этимъ сферамъ (напр., покойн., А. В. Головнинъ бывшій потомъ министромъ просвѣщенія). Съ его мнѣніемъ считались члены редакціонныхъ комиссій; обличеніе имъ какого-нибудь администратора могло повести къ устраненію послѣдняго отъ должности (какъ это было, напр., съ [illegible] губернаторомъ [illegible]). Такимъ образомъ Герценъ оказывалъ тогда вліяніе не только въ литературной области, но также и на текущую практическую жизнь; этимъ своимъ личнымъ вліяніемъ онъ какъ бы самъ принималъ участіе въ реформенномъ движеніи.

Все это вмѣстѣ: видимый контрастъ между царствованіемъ Николая I и Александра II, глубокая разочарованность въ западноевропейскихъ революціонныхъ движеніяхъ 40-хъ годовъ, идеализація [illegible] реформы, опытъ [illegible] борьбы [illegible] почти консервативныхъ улучшеній—привело къ тому, что Герценъ [illegible] сначала [illegible] того [illegible], который былъ взятъ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ въ оцѣнкѣ будущаго положенія дѣлъ. Нѣкоторые «Свистка» при «Современникѣ», где осмѣивалось либеральное ликованіе по поводу наступившаго возрожденія Россіи и торжества гласности, вызвало со стороны Герцена рѣзкую статью въ «Колоколѣ» («Very dangerous!!!», іюнь 1859 г.): «Журналисты, взявшіе себѣ въ [illegible] безплодныхъ негодованій и чуть не ренегатство изъ мрачныхъ соображеній въ угождающимъ,—писалъ онъ,—истощаются со смѣху надъ обличительной литературой, надъ неудачными опытами гласности... Не лучше ли во сто разъ, господа, вмѣсто освистываній неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу и показать, какъ надо пользоваться гласностью. Мало ли на что вамъ есть точить желчь отъ цензурной тройцы до покровительства кабаковъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ».

Наконецъ, существовалъ еще одинъ вопросъ, на которомъ Герценъ въ то время также рѣзко разошелся съ «Современникомъ»: это вопросъ о «лишнихъ людяхъ», о томъ поколѣніи 40-хъ годовъ, представители котораго стояли, въ ту эпоху, во главѣ умѣренно-либеральнаго теченія.

Этотъ вопросъ касался самыхъ основъ движенія 60-хъ годовъ, его рѣзкаго отличія отъ общественнаго движенія николаевской эпохи. Движеніе 40-хъ годовъ замыкалось почти исключительно въ среду образованной части дворянства, воспитанной въ обстановкѣ, содѣйствовавшей эстетическому развитію и сближенію съ европейской культурой; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта же обстановка полной матеріальной обезпеченности, отсутствія стимуловъ къ обязательному труду, развивала извѣстныя отрицательныя черты: привычку къ праздности, неспособность къ проявленію суровыхъ твердыхъ сторонъ характера. «Мы по положенію, по необходимости были рефлектиками, резонерами, теоретиками»... писалъ самъ Герценъ въ 1864 г. «[illegible] учиться былъ страшный досугъ. Мы въ средѣ книгъ ни за что и не брались. Мы удалялись отъ дѣла: оно было или такъ черно, или такъ невозможно, что не было выбора... Мы всѣ были сильны и смѣлы только въ области

Инв. 17762

мысли. Въ практическихъ сферахъ въ столкновеніяхъ съ властью являлись большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость» [1]).

Къ 60-мъ годамъ составъ русской интеллигенціи въ значительной степени измѣнился. Въ него вошла демократическая струя. Эта демократическая струя была подготовлена еще во времена Николая I. «Гоненія, начавшіяся послѣ 48 г. противъ печатнаго слова и преподаванія, перешли всѣ границы тупого и гнуснаго; они были гадки, они были смѣшны, они довели литературу до угрюмаго молчанія, но говорить въ смыслѣ николаевскаго консерватизма они ее не заставили. То же было въ преподаваніи; наружно подавленное, оно внутри осталось вѣрнымъ своему святому призванію пропаганды очеловеченія. И если столичные профессора были иногда стѣсняемы докучливымъ надзоромъ и доносами, то преподаваніе шло своимъ чередомъ въ провинціальныхъ университетахъ, гимназіяхъ, семинаріяхъ, кадетскихъ корпусахъ и пр.» [2]). Описывая самарскій край въ 50-хъ годахъ, Шелгуновъ говоритъ объ удивительно хорошемъ составѣ его тогдашней администраціи. «Добросовѣстность эта, пишетъ онъ,—являлась не вслѣдствіе хорошаго содержанія или процентовъ съ общественныхъ запашекъ, которые получали чиновники (удѣльного вѣдомства); она была новымъ общественнымъ чувствомъ, первымъ выраженіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ 60-хъ годахъ превратились въ общественный энтузіазмъ. А источникомъ этихъ новыхъ стремленій были тогдашніе университеты: московскій, съ Грановскимъ во главѣ, и казанскій, гдѣ кумиромъ студентовъ былъ профессоръ Мейеръ. . Товарищъ прокурора, губернскій стряпчій, даже управляющій откупами были новыми людьми, и не только новыми, но и совсѣмъ молодыми. Новая молодежь проникала все управленіе и давала ему тонъ» [1]).

Такимъ образомъ, университеты и гимназіи подготовили постепенно извѣстный контингентъ интеллигенціи, вышедшій изъ среды мелкаго дворянства, мелкаго чиновничества и разночинцевъ. Съ 1855 г., съ открытіемъ свободнаго доступа въ университеты, въ нихъ нахлынула молодежь со всѣхъ сторонъ и значительно усилила въ нихъ демократическій элементъ. Разночинецъ окончательно вступилъ тогда въ среду русской интеллигенціи и внесъ въ нее другія черты характера, противоположныя барскимъ привычкамъ людей 40-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общественная жизнь поставила новыя задачи, опередившія тѣ задачи, которыя стояли на очереди передъ предшествующимъ поколеніемъ. Мы видѣли, что даже Герценъ не ставилъ вначалѣ широкихъ задачъ новому царствованію: усталый отъ всего пережитаго, онъ смотрѣлъ на зарю новыхъ дней «безъ заносчивыхъ требованій, безъ юношескихъ утопій»; его пожеланія ограничивались тогда освобожденіемъ крестьянъ, независимымъ судомъ и гласностью. Но такая укороченная программа, безъ начала и конца, безъ общей идеи, не была принята руководителями нового поко-

[1]) «Письма къ противнику». «Колоколъ», № 1 2

[2]) Герценъ, «Колоколъ». 1863 г., № 160

[1]) Собр. соч. Шелгунова, т. II, стр. 63.

нія. Чернышевскій ставилъ вопросъ шире и глубже. Перво начальная программа Герцена была усвоена людьми родственными по духу его сверстникамъ; она сдѣлалась программой умѣренно-либеральнаго теченія. Такимъ образомъ между двумя поколѣніями обнаружилось идейное разногласіе, соотвѣтствовавшее двумъ направленіямъ: умѣренно-либеральному и радикальному. Но такъ какъ это идейное разногласіе связывалось вмѣстѣ съ тѣмъ съ характерными отличіями двухъ типовъ интеллигента: типа 40-хъ и типа 60-хъ годовъ, то литературная полемика, которую велъ «Современникъ» съ умѣренно-либеральнымъ теченіемъ, была направлена также и противъ соотвѣтствовавшаго ему типа интеллигента. Въ этомъ типѣ отмѣчалась прежде всего неспособность выйти изъ области безплодныхъ мечтаній, перейти отъ слова къ дѣлу: «Пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ,—писалъ Чернышевскій по поводу тургеневской повѣсти «Ася»,—но вздумай кто-нибудь сказать: вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ»—тогда одна половина героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, потому что «какъ же можно такъ скоро...» и т. д.[1]).

[1]) ... человѣкъ на Rendez-Vous», обр. соч., т. I, стр. 90.

На эту же тему была написана знаменитая статья Добролюбова: «Что такое обломовщина»: «Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неумолкающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ и беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую «Обломовку». Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: вы говорите, что не хорошо то-то; а что же нужно дѣлать? Они не знаютъ. Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: «Да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ...» [1]).

Мы видѣли, что въ концѣ 50-хъ годовъ Герценъ сосредоточилъ все свое вниманіе на крестьянской реформѣ и придавалъ «великое историческое значеніе» возвѣщенному освобожденію крестьянъ съ землей. Въ этомъ случаѣ его отношеніе къ крестьянской реформѣ совпадало съ отношеніемъ умѣренныхъ либераловъ; поэтому онъ не могъ раздѣлять рѣзкоотрицательнаго взгляда «Современника» на тѣ сравнительно очень мелкія общественныя задачи, которыя занимали ихъ тогда, и не могъ сочувствовать той характеристикѣ, какая выпадала на ихъ долю со стороны радикальнаго лагеря. Онъ взялъ на себя защиту типа интеллигента 40-хъ годовъ и, въ свою очередь характеризовалъ людей 60-хъ годовъ не какъ лишнихъ и праздныхъ, а какъ «озлоб-

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 5?1.

2*

[illegible]нныхъ людей, больныхъ душой и тѣломъ, зачахнувшихъ отъ вынесенныхъ оскорбленій»: «Первое, что насъ поразило,—писалъ онъ, — это лютость, съ которой они отчаивались во всемъ, злая радость ихъ отрицанія и страшная безпощадность.... Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т.-е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же они съ такимъ aplomb'омъ преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія, что просто терпѣнья нѣтъ»[1]).

Такимъ образомъ Герценъ благодаря тому преувеличенному значенію, какое онъ придалъ крестьянской реформѣ, оказывалъ вначалѣ поддержку умѣренно-либеральному теченію и напечаталъ въ «Колоколѣ» двѣ очень рѣзкія полемическія статьи, направленныя противъ «Современника». Но это недоразумѣніе между двумя по существу дружественными лагерями продолжалось недолго. Уже въ апрѣлѣ 1861 г., черезъ четыре недѣли послѣ манифеста 19 февраля, Герценъ писалъ: «Мы какъ-будто помолодѣли счастьемъ освобожденія крестьянъ. Все было забыто; съ упованіемъ на новую поступь Россіи, съ бьющимся сердцемъ ждали мы нашъ праздникъ. Нашъ *въ первый разъ отъ роду*, при друзьяхъ русскихъ и польскихъ, при людяхъ, какъ Маццини и Луи Бланъ... мы хотѣли поднять нашъ стаканъ и предложить тостъ за *Александра II, освободителя крестьянъ*. Мы очень хорошо знали отвѣтственность, которую на насъ обрушивалъ этотъ тостъ... Намъ до этого не было дѣла; и [illegible] казался намъ чистымъ и справедливымъ... Но рука наша опустилась: черезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тостъ не могъ идти...» [illegible]

Затѣмъ произошли событія въ селѣ Бездиѣ, подвиги генерала Др[illegible] въ Пензенской губерніи. Въ августѣ 1861 г. Герценъ уже совѣтуетъ заводить тайныя типографіи въ Россіи, а по поводу крестьянской реформы пишетъ: «Медаль перевернулась скоро. Михаилъ Петровичъ (Погодинъ) [illegible] бредилъ и не приходилъ въ себя отъ радости, а изъ обнаженной и многострадальной груди Россіи сочилась кровь изъ десяти ранъ, нанесенныхъ русскими руками... Крестьяне не [illegible]няли, что освобожденіе—обманъ; они невѣрили слову царскому...» [illegible] Затѣмъ пошли студенческіе [illegible] ки, появились революціонныя прокламаціи, наступили времена [illegible]той реакціи,—и Герценъ рѣши[illegible] но перешелъ на сторону новаго [illegible]нія. Мы уже видѣли, какъ [illegible] онъ впослѣдствіи о Чернышевскомъ: онъ открыто призналъ въ немъ [illegible] наго вождя поколѣнія 60-хъ годовъ. Говоря въ 1864 г. объ этомъ поколѣніи, объ этой пестрой хаотичной средѣ, состоявшей изъ разночинцевъ, изъ [illegible]скихъ дѣтей, изъ дворянъ-пролетаріевъ, изъ приходскихъ и сельскихъ священниковъ, изъ кадетъ, студентовъ, учителей, художниковъ», [illegible] писалъ: «Середь ужасовъ, насъ окружающихъ, середь боли и униженій, намъ хочется еще разъ повторить имъ, что мы съ *ними*, что мы жив[illegible]

---

[1]) «Новые люди и [illegible]», «[illegible]», 1869 г., № 82.

[illegible]) «Колоколъ», 1861 г., № 96. [illegible] здѣсь о [illegible] въ [illegible] 8 апрѣля 1861 г., во время которой [illegible] убито и ранено около 200 человѣкъ.

[illegible]
5А высыл
или микр
ний и микр
ниц (не б
есплатно
ля издани
икрофильм
юго объе
иблиотеки-

[illegible] и не хотимъ больше ни исцѣлять неизлечимыхъ, ни лѣчить [illegible], а хотимъ вмѣстѣ съ [illegible] работать надъ описаніемъ [illegible] русскаго развитія, надъ разъясненіемъ русскихъ вопросовъ[1]).

II.

Временемъ наступленія открытой реакціи надо считать май 1862 г.— время петербургскихъ пожаровъ и появленія прокламаціи «Молодая Россія». Мы видѣли, что тенденція правительства сохранить автократическіе принципы, несовмѣстимый ни съ формами мѣстнаго самоуправленія, ни съ независимымъ судомъ, ни съ контролемъ гласности, не была сколько-нибудь поколеблена даже въ кульминаціонный періодъ правительственнаго либерализма—въ министерство Ланского и Е.П. Ковалевскаго. «Россія была тогда въ какомъ-то оптическомъ обманѣ, писалъ Герценъ въ 1863 г.:—правительство ничего не уступало, литература и часть общества были увѣрены, что они берутъ все. Правительство даже мелочи, которыя допускало, не узаконивало и могло взять назадъ. Литература, получившая гласность и временно смягченную цензуру, вообразила себѣ, что мы наканунѣ радикальнаго переворота...»[2]).

Въ такомъ неустойчивомъ видѣ [illegible] положеніе оставаться долго [illegible]. «Въ какую щель ни проберется свѣтъ, онъ освѣтитъ что-нибудь непріятное; въ какой искаженной формѣ ни давай волю слову, оно дойдетъ до дѣла»[3]).

Неправильно думать, что реакція 60-хъ годовъ была вызвана польскимъ возстаніемъ. Даже по времени она началась раньше. Польское возстаніе лишь болѣе развязало руки правительству, придавъ реакціи націоналистическій и патріотическій характеръ, собравъ вокругъ него многихъ изъ элементовъ бывшей либеральной партіи. Мы уже видѣли, что реакціонное направленіе лежало въ глубинѣ всего реформеннаго движенія; оно вытекало изъ несовмѣстимости проводимыхъ реформъ съ сохраняемыми принципами стараго порядка. Изъ двухъ главныхъ общественныхъ теченій того времени, умѣренно-либеральнаго, шедшаго подъ правительственнымъ знаменемъ, и радикальнаго, первое, какъ мы видѣли, было вскорѣ отстранено отъ участія въ правительственной дѣятельности, а такъ какъ роль политической оппозиціи отвергалась имъ въ принципѣ, такъ какъ оно не признавало необходимости борьбы съ автократическимъ государственнымъ строемъ, то оно на долгое время оказалось въ вынужденномъ бездѣйствіи, безъ всякой сферы политическаго вліянія.

Радикальное направленіе, напротивъ того, въ силу естественнаго хода вещей, стало занимать все болѣе и болѣе активное положеніе.

Кромѣ Чернышевскаго, его идейнымъ руководителемъ вскорѣ сдѣлался Добролюбовъ. Добролюбовъ воплощалъ въ себѣ характерную черту этого направленія—стремленіе согласовать убѣжденіе съ образомъ жизни, перейти отъ теоріи къ дѣйствію. «Даже въ частной жизни, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми,—говоритъ Чернышевскій,—Добролюбовъ пре-

---

1) «Колоколъ», № [illegible].
2) «Колоколъ», № [illegible].
3) Ibid.

ставлялъ между нами, русскими, нѣчто особенное. Съ дѣтства прививается къ намъ множество дурныхъ привычекъ извѣстныхъ подъ именемъ *умѣнья жить*. Мы отъ лѣни говоримъ «да» тамъ, гдѣ слѣдовало бы отвѣтить «нѣтъ»; улыбаемся по слабодушію тамъ, гдѣ слѣдовало бы браниться; прикидываемся внимательными къ какому-нибудь вздору, на который бы слѣдовало отвѣтить смѣхомъ или даже негодованіемъ. Ничего подобнаго въ Добролюбовѣ не было. Онъ смѣялся въ лицо глупцу, рѣзко отворачивался отъ негодяя, онъ соглашался только съ тѣмъ, что не противорѣчило его убѣжденіямъ»[1]).

Если вліяніе Чернышевскаго сказывалось, главнымъ образомъ, въ умственной сферѣ, то вліяніе Добролюбова относилось преимущественно къ области общественной этики. Въ этомъ отношеніи онъ былъ предшественникомъ Лаврова. Въ то время, какъ Лавровъ формулировалъ основные мотивы, руководившіе поколѣніемъ 70-хъ годовъ, уже искавшимъ приложенія своихъ силъ, выяснилъ смыслъ и содержаніе уже накопившейся общественной энергіи, давалъ лозунги уже начавшемуся общественному движенію, Добролюбовъ жилъ въ подготовительную эпоху, когда въ массѣ интеллигенціи еще только происходила дифференціація различныхъ элементовъ. Основная идея публицистической дѣятельности Добролюбова заключалась въ проведеніи границы между фразой и словомъ, одухотвореннымъ внутреннимъ содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень требователенъ и иногда даже несправедливъ. Такъ, напр., онъ отрицалъ всякое общественное значеніе за людьми типа Рудиныхъ и Бельтовыхъ; онъ не признавалъ за ними ни даже тѣни какого-нибудь полезнаго вліянія. «Надъ всѣми этими лицами,—писалъ онъ,—тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ»[1]). Онъ не видѣлъ у нихъ той внутренней драмы, когда душевныя силы надламываются отъ столкновенія съ неодолимыми препятствіями; онъ приписывалъ отсутствіе всякой внѣшней дѣятельности, которая отвѣчала бы ихъ словеснымъ заявленіямъ, тому развращающему вліянію, какое оказываетъ извѣстная обстановка на самыя душевныя силы, парализуя въ нихъ всякое искреннее чувство. «Хоть бы веслами работать умѣли,—писалъ онъ по поводу повѣстей Плещеева,—на Неву или на Волгу перевозчиками бы нанялись, или, если бы расторопность была, поступили бы въ дворники, а то мостовую мостить, съ шарманкой ходить, раекъ показывать пошли бы, когда ужъ больно тошно приходится имъ въ своей-то средѣ... Такъ вѣдь ничего не умѣютъ, никуда сунуть носа не могутъ. А тоже на борьбу лѣзутъ за счастье человѣчества вступаются, хотятъ быть общественными дѣятелями. Разсуждая психологически, конечно, нельзя не уважить прекрасныхъ свойствъ ихъ души, но для общественнаго дѣла, смѣемъ думать, отъ нихъ точно же мало могло быть толку, какъ и отъ другихъ юношей, о которыхъ

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Добролюбова», собр. соч., т. IX, стр. 27.

[1]) «Что такое обломовщина», соч., т. [illegible] стр. 512.

ЗА высыл
или микр
пий и микр
ниц (не б
есплатно
ля издани
икрофильм
юого объе
иблиотеки-

разсказываетъ Плещеевъ въ другихъ повѣстяхъ. За что же будемъ мы имъ сочувствовать? Зачѣмъ же писать симпатическіе разсказы объ ихъ мечтахъ и внутреннихъ страданіяхъ, не приводящихъ ни къ чему путному? За такія жесткія строки насъ, разумѣется, упрекнуть въ неблагородствѣ и сухости сердца, въ недостаткѣ симпатіи къ высокимъ стремленіямъ и въ фаталистическомъ поклоненіи факту. Мы заранѣе признаемъ справедливость всѣхъ подобныхъ упрековъ... Да, прекраснымъ стремленіямъ души мы не придаемъ никакого практическаго значенія, пока они остаются только стремленіями; да, мы цѣнимъ только факты, только по дѣйствіямъ признаемъ достоинство людей» [1]).

Такое отношеніе къ людямъ съ благородными стремленіями, отождествленіе ихъ съ людьми, не ставящими себѣ никакихъ высшихъ задачъ, можетъ быть понято только съ точки зрѣнія тѣхъ очень большихъ требованій, какія предъявлялъ Добролюбовъ къ общественному дѣятелю: «Если общественныя отношенія, писалъ онъ,— не согласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ къ счастію, сознаваемымъ вами, то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ болѣзненнымъ, уродливымъ... проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьезной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой [1])».

Добролюбовъ прямо и рѣзко ставилъ вопросъ о борьбѣ. Если вы признаете общественныя отношенія несправедливыми, то боритесь за коренное измѣненіе ихъ: «Тогда-то и только тогда—можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ» [2]). Между тѣмъ Бельтовъ и Рудинъ, хотя «люди съ стремленіями дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили [3])». «Въ этомъ и заключалась разница между тѣми людьми, цѣнность которыхъ признавалъ Добролюбовъ съ своей точки зрѣнія, и тѣми людьми, которыхъ онъ ставилъ на одну доску съ любымъ обывателемъ. Онъ требовалъ сліянія всей жизни съ общественнымъ дѣломъ, онъ требовалъ «страшной, смертельной борьбы», не останавливающейся ни передъ какой жертвой: «При современномъ устройствѣ и направленіи общества, —писалъ онъ,— не можетъ и думать о счастіи тотъ, кто будетъ во всемъ слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступитъ обычаю и силѣ, не затаитъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу... Или, можетъ быть, вы скажете, что нѣкс

---

[1]) «Благонамѣренность и дѣятельность», соч., т. 3, стр. 321—322.

[1]) и [3]) «Новый кодексъ русской практической мудрости», соч., т. II, стр. 558.

[2]) «Что такое обломовщина». т. II, стр. 515.

современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ, — что у нихъ уже не можетъ теперь оставаться за душой невысказанной мысли, не можетъ встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ не много же вы имѣете за душою честныхъ убѣжденій!..» [1]).

Одною изъ статей Добролюбова, наиболѣе притягивавшею къ себѣ молодежь того времени и производившею на нее наиболѣе неотразимое впечатлѣніе, была именно та статья, изъ которой мы привели двѣ послѣднія выписки. Она была написана по поводу книжки Ерма Дыммана «Наука жизни, или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ». Авторъ проповѣдуетъ въ ней самую пошлую, молчалинскую мораль, ставящую цѣлью жизни пріобрѣтеніе житейскаго благополучія, общаго почета, обезпеченнаго состоянія и долговѣчности». Познакомивъ читателей съ главными положеніями этой морали, требующей отъ человѣка искательства, увѣренности, преклоненія передъ правилами общежитія и прочихъ добродѣтелей, Добролюбовъ пишетъ: «Воспламеняясь благородными чувствами, вы начинаете смотрѣть на автора «Науки жизни», какъ на что-то исключительное... вы даже серьезно удивляетесь, зачѣмъ мы такъ долго останавливаемъ ваше вниманіе на такой ничтожной брошюрѣ безвѣстнаго автора, не имѣющаго ничего общаго съ современными стремленіями нашего общества... Но успокойтесь, читатель, взгляните на дѣло и примите, пожалуйста, во внима-

[1]) «[illegible]», соч., т. II, [illegible]

[illegible] обстоятельства, [illegible] Добролюбовъ [illegible], что [illegible] люди, [illegible] реальныхъ недостаткахъ современнаго общественнаго устройства и въ то же время не разрывающіе съ нимъ, живущіе и дѣйствующіе въ его средѣ, не стоятъ слишкомъ высоко надъ «Наукою жизни» Ерма Дыммана: «[illegible] Дыммана: то [illegible] человѣкъ, [illegible] и уважающій правду и добро, [illegible] выгодъ? [illegible] отъ міра сего» [1])

Здѣсь мы уже видимъ то основное требованіе неразрывной связи между словомъ и дѣломъ, ту непреклонную послѣдовательность не въ теоретическихъ выводахъ только, но и въ дѣйствіяхъ, и то полное отреченіе отъ стараго міра, какія характеризуютъ [illegible] движеніе. Не слѣдуетъ думать, конечно, что эти черты выработались въ нихъ [illegible] вліяніемъ статей Добролюбова и Чернышевскаго. Эти статьи лишь содѣйствовали выясненію и развитію въ нихъ тѣхъ стремленій, какія выработались подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ, подъ вліяніемъ тѣхъ особенностей, которыми характеризовалось тогда общественное положеніе Россіи

[1]) Соч., т. II, стр. 297.

главнѣйшая изъ этихъ особенностей заключалась въ отсутствіи въ ея политическомъ и экономическомъ развитіи тѣхъ переходныхъ моментовъ, которыми сопровождалось развитіе западно-европейской общественной жизни,—въ несуществованіи тѣхъ промежуточныхъ политическихъ и соціальныхъ задачъ, какія ставила и разрѣшала въ Западной Европѣ буржуазная политическая партія. Отсутствіе этихъ переходныхъ моментовъ и невозможность постановки промежуточныхъ политическихъ и соціальныхъ задачъ дѣлали то, что Чернышевскій, напримѣръ, могъ смѣло отбрасывать въ сторону, какъ не имѣющія главнаго значенія для Россіи, либерально-конституціонныя формы развитія и прямо ставить на очередь вопросы соціальные. Онъ дѣлалъ это не только какъ принципіальный противникъ буржуазнаго господства, но и въ силу того общаго положенія, при которомъ задачи либерально-конституціоннаго движенія въ Россіи не имѣли ни малѣйшихъ шансовъ на свое осуществленіе. Могъ ли онъ придавать какое-нибудь серьезное значеніе тѣмъ наивнымъ проектамъ Кавелина, согласно которымъ конституціонныя формы должны были постепенно проводиться въ русскую политическую жизнь по иниціативѣ самого правительства, посредствомъ развитія мѣстнаго самоуправленія?

Отсюда именно, изъ объективной обстановки очередныхъ задачъ общественнаго движенія, опредѣлявшейся условіями самой русской дѣйствительности, вытекало для болѣе активныхъ элементовъ русскаго общества то рѣзкое и непримиримое отношеніе къ существующему, какое намѣтилось въ статьяхъ Добролюбова. Въ силу того безпомощнаго и пассивнаго политическаго положенія, на какое осуждала русская дѣйствительность всѣ менѣе активные общественные элементы, для болѣе активныхъ элементовъ вытекала необходимость полнаго разрыва не только съ верхними, но также и съ средними общественными слоями, и непосредственный переходъ къ тѣмъ болѣе глубокимъ и основнымъ задачамъ общественной жизни, разрѣшеніе которыхъ было связано съ участіемъ въ общественномъ движеніи не только представителей образованныхъ классовъ, но также и народныхъ массъ.

На этихъ именно народныхъ массахъ и были сосредоточены всѣ симпатіи Добролюбова. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на истинныхъ носителей его общественныхъ идеаловъ и находилъ въ нихъ всѣ тѣ черты, какія были необходимы для ихъ осуществленія: «Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро,—писалъ онъ,—какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ полунѣмецкомъ обществѣ, которое имѣетъ претензію считать себя образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить: оттого онѣ не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности... Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можетъ достигнуть въ

со всей нашей отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведеніе и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ»[1]).

Такимъ образомъ Добролюбовъ является первымъ предвѣстникомъ того культа народныхъ массъ, который лежалъ въ основѣ послѣдующаго движенія 70-хъ годовъ. Этотъ культъ народныхъ массъ представлялъ собой идеализацію того общественнаго слоя, который за отсутствіемъ въ Россіи третьяго сословія, какъ вліятельнаго политическаго элемента, выдвигался исторіей въ качествѣ главной общественной силы.

Въ томъ же направленіи, въ области поэзіи, дѣйствовалъ Некрасовъ. Некрасовъ былъ любимымъ поэтомъ поколѣнія 60-хъ и 70-хъ годовъ; въ его всегда чрезвычайно сильныхъ стихотвореніяхъ выражались та жгучая скорбь о народѣ и то страстное тяготѣніе къ нему, которыя уже начали ощущаться тогда въ извѣстныхъ кругахъ. «Милѣйшій! выучи наизусть и вели всѣмъ, кого знаешь, выучить пѣснь о Еремушкѣ Некрасова»—писалъ Добролюбовъ одному изъ своихъ друзей: «Помни и люби эти стихи; они дидактичны, если хочешь, но идутъ прямо къ молодому сердцу, не совсѣмъ еще погрязшему въ тинѣ пошлости. Боже мой, сколько великолѣпнѣйшихъ вещей могъ бы написать Некрасовъ, если бы его не давила цензура!»[1])

«Вотъ былъ человѣкъ!»—вспоминаетъ о немъ Чернышевскій въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній. «Имѣлъ свои недостатки, но мелкіе и не мѣшающіе ничему благородному въ человѣкѣ... Если вы не знали его, то я скажу вамъ о немъ такъ: вы не видѣли ни одного человѣка съ такой силой ума, какъ онъ. А талантъ. Говорятъ: поэтъ народнаго быта, поэтъ прогресса. Разумѣется. Но не умѣютъ цѣнить геній его тѣ, кто не прибавляетъ: великій поэтъ любви. Со смерти Гёте не было такого великаго поэта любви»[2]).

Таково было мнѣніе о Некрасовѣ двухъ людей, наилучше воплощавшихъ въ себѣ идейную и этическую сторону движенія 60-хъ годовъ.

III.

Познакомившись съ тѣми идейными вліяніями, среди которыхъ развивалось общественное движеніе 60-хъ годовъ въ его радикальной части, перейдемъ теперь къ изложенію фактической стороны дѣла.

Необходимо замѣтить, что это фактическое изложеніе можетъ быть сдѣлано лишь въ очень отрывочной формѣ, такъ какъ многія изъ наиболѣе крупныхъ событій, относящихся къ революціонному движенію 60-хъ годовъ, остались до сихъ поръ почти совсѣмъ не раскрытыми. Главнѣйшіе изъ дѣятелей того времени, какъ Чернышевскій и Н. Серно-Соловьевичъ, сошли въ могилу, не оставивъ никакихъ записокъ; въ качествѣ матеріаловъ

[1]) «Собр. соч.», т. IV, стр. 163.

[1]) «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», т. I, стр. 634.

[2]) «Вечеръ у княгини Старобѣльской», собр. соч., т. X, часть 2, стр. 314—315.

БА высыл
или микр
ний и микр
ниц (не б
есплатно
ля издани
икрофильм
юого объе
иблиотеки-

приходится довольствоваться офиціальными сообщеніями и очень немногими напечатанными воспоминаніями.

Первой формой, въ какой проявилось общественное движеніе 60-хъ годовъ, въ его радикальной части, было устройство безплатныхъ воскресныхъ школъ и народныхъ чтеній. Это школьное движеніе происходило сначала подъ покровительствомъ учебнаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ 1859 г. въ Кіевѣ было открыто нѣсколько воскресныхъ школъ при участіи попечителя округа Н. И. Пирогова и профессора исторіи Пл. В. Павлова. Отсюда движеніе быстро распространилось по другимъ городамъ (Москва, Одесса, Могилевъ, Черниговъ, Харьковъ, Елисаветградъ, Рязань, Казань, Оренбургъ): въ началѣ 1860 г. появились первыя воскресныя школы для взрослыхъ и въ Петербургѣ. «Это было неслыханное до тѣхъ поръ увлеченіе общества школьнымъ дѣломъ... Состоятельные люди жертвовали свои средства, артисты устраивали концерты, города состязались между собой въ числѣ школъ, изъ коихъ большинство было открыто въ теченіе всего только нѣсколькихъ мѣсяцевъ, считая съ октября 1859 г.»[1]). Министерства, какъ уже было сказано, оказывали свое содѣйствіе. Министръ Ланской писалъ въ циркулярѣ отъ 21 апрѣля 1860 г., что учрежденіе воскресныхъ школъ приноситъ «существенную пользу населенію»; министръ народнаго просвѣщенія (Е. П. Ковалевскій) предоставилъ для нихъ помѣщенія зданія учебныхъ заведеній. Къ январю 1861 г. въ Петербургѣ было открыто уже до 20 воскресныхъ школъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были очень многолюдны; такъ въ школѣ по Шлиссельбургскому тракту число посѣтителей доходило до 700 человѣкъ. Въ провинціи къ этому времени насчитывали до 70 школъ въ 30 различныхъ пунктахъ[1]).

Участіе въ этомъ школьномъ движеніи принимали люди разныхъ общественныхъ положеній: учителя, студенты, офицера, духовенство, но значительную роль играли въ немъ также и люди радикальнаго образа мыслей. Въ Харьковѣ еще въ 1855 г. образовался студенческій кружокъ со стремленіями революціоннаго характера. «Главные основатели и энергическіе двигатели этого противозаконнаго общества были Бекманъ, Муравскій, Ефименко, Завадскій, Ивковъ. Кромѣ того, къ дѣлу были прикосновенны Левченко, Португаловъ, Зеленскій, Раевскій и др.»[2]). Средствомъ къ достиженію своей цѣли общество признавало, между прочимъ, «распространеніе либеральныхъ понятій между простымъ народомъ». Завадскимъ были уже приготовлены популярныя замѣтки «о происходящихъ для народа неудобствахъ отъ монархическаго правленія» и о томъ, что «народу нужно знать, какіе порядки были у насъ въ старину, что въ нихъ хо-

---

¹) В. Вахтеровъ, «Внѣшкольное образованіе», стр. 155.

¹) Н. Рубакинъ, статья въ «Энциклоп. Слов. Брокгауза».

²) «Записка» сенатора Жданова, предсѣдателя слѣдственной коммиссіи по дѣлу о пропагандѣ въ воскресныхъ школахъ. Перепечатана въ статьѣ М. К. Лемке «Молодость отца Митрофана», «Былое», 1907 г., № 1.

[illegible]щаго, что нужно перемѣнить и какъ это сдѣлать».

Въ 1858 г., послѣ одной студенческой исторіи, члены кружка Бекманъ, Муравскій и Левченко, исключенные изъ харьковскаго университета, переѣхали въ Кіевъ. Въ Кіевѣ ихъ стремленіе къ распространенію своихъ идей среди рабочаго населенія принимаетъ опредѣленную форму: оно [illegible] съ [illegible] воскресныхъ школъ. «Настало [illegible] время,—пишетъ Бекманъ,—открылось болѣе простора для общественной дѣятельности... [illegible] этого времени [illegible] кругъ студентовъ, въ которомъ [illegible] всѣ [illegible] начала, [illegible] нашъ университетъ. Среди этого круга родилась мысль объ учрежденіи воскресныхъ школъ» [1]).

Такимъ образомъ впервые идея воскресныхъ школъ возникла въ кружкѣ студентовъ, руководившихся очень широкими задачами. Когда было получено разрѣшеніе на открытіе первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ, то Ляховскій писалъ изъ Харькова Муравскому: «Ура! Митрофанъ Даниловичъ! поздравляю съ открытіемъ воскресныхъ школъ; душевно радъ, что вы у брега». Левченко, самъ принимавшій участіе въ преподаваніи въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, прямо говорилъ, что онѣ должны были служить «средствомъ къ распространенію въ массѣ простого народа либеральныхъ идей» и что онъ видѣлъ въ этомъ «задатокъ измѣненія въ будущемъ существующаго порядка» [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ кружокъ кіевскихъ студентовъ, ставшій во главѣ [illegible] наго движенія и находившійся въ тѣсной связи съ членами кружка, оставшимися въ Харьковѣ, велъ [illegible] тельную переписку также со студентами московскаго и петербургскаго университетовъ. Когда арестованнаго Муравскаго везли въ Петербургъ, [illegible] будучи въ Москвѣ, счелъ нужнымъ предупредить московскихъ студентовъ, чтобы они были осторожны. [illegible] разосланы по разнымъ городамъ [illegible]. Муравскій, [illegible], [illegible] галовъ и другіе члены кружка [illegible] переписку съ Петербургомъ, Москвой, [illegible] и другими городами и [illegible] всего интересовались вопросомъ о воскресныхъ школахъ. [illegible] какъ бы осуществилось то [illegible] общество «безъ опредѣленныхъ [illegible] безъ названныхъ членовъ, [illegible] ванное единствомъ идей», о [illegible] говорилъ Левченко [illegible] дѣлано было путемъ воскресныхъ школъ «распространять по [illegible] ности вездѣ либеральныя понятія». Это была та форма пропаганды, которая была повторена еще [illegible] въ началѣ 70-хъ годовъ, когда студенты и другія лица стали приглашать на свои квартиры рабочихъ для [illegible] нихъ занятій.

Въ Петербургѣ въ открытіи воскресныхъ школъ принималъ дѣятельное участіе будущій основатель общества «Земля и Воля» Н. Серно-Соловьевичъ, а также и одинъ изъ членовъ [illegible] тайнаго общества А. А. [illegible]. Въ 1861 г. они вмѣстѣ открыли [illegible] читальню съ платой съ взрослыхъ 6 к. въ день, а съ малолѣтнихъ [illegible]

1) «Записки сенатора Ж[illegible]» [illegible] 1904.

1) «Записки сенатора [illegible]

[illegible]ржденіе отъ тѣхъ [illegible] ученіи [illegible], которыми, по предположенію правительства, должно было ограничиться преподаваніе и [illegible] воскресныхъ школахъ. [illegible] его прежнее доброжелательное отношеніе къ нимъ. Въ [illegible] 1861 г. было издано высочайшее повелѣніе о надзорѣ за воскресными школами и о назначеніи въ [illegible] изъ нихъ священника, который, съ преподаваніемъ Закона Божія долженъ былъ наблюдать, чтобы въ школѣ не допускалось ничего противнаго истинамъ православной вѣры и началамъ нравственности.

[illegible] были обнаружены явные [illegible] въ воскресныхъ школахъ пропаганды. Въ началѣ іюня 1862 года въ газетахъ появились слѣдующія правительственныя сообщенія: «Сѣверная Пчела» отъ 3-го іюня: [illegible] фабричныхъ работниковъ на Петербургской Сторонѣ обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ [illegible] проводится ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій о собственности и [illegible] противъ правительства [illegible]. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ [illegible] іюня: «Несмотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и безплатными школами, [illegible] обнаружено, въ [illegible] изъ нихъ, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности люди злонамѣренные покушались въ этихъ [illegible] развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и без[illegible]вѣріе». Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 3-го іюня 1862 г.: «Вслѣдствіе замѣченнаго вреднаго направленія въ нѣкоторыхъ изъ учрежденныхъ въ послѣднее время народныхъ читаленъ, которыя даютъ средства не столько для чтенія, сколько для распространенія между посѣщающими оныя лицами сочиненій, имѣющихъ цѣлью произвести безпорядки и волненія въ народѣ... С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ закрыть, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, всѣ нынѣ существующія народныя читальни» [1].

Наконецъ, 13 іюня 1862 г., появилось высочайшее распоряженіе о закрытіи всѣхъ воскресныхъ школъ и народныхъ читаленъ.

Лѣтомъ 1861 г. Н. В. Шелгуновъ и М. Л. Михайловъ, разочарованные совершенно въ надеждахъ на возрожденіе Россіи путемъ правительственныхъ преобразованій, рѣшили обратиться съ призывомъ къ молодежи. Оба они были въ это время за границей. Шелгуновъ написалъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію», а Михайловъ отпечаталъ ее въ Лондонѣ въ количествѣ 600 экземпляровъ, затѣмъ онъ перевезъ напечатанное черезъ границу въ своемъ чемоданѣ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, въ августѣ 1861 г., сталъ распространять [2]. Это была первая [illegible] прокламація. Она занимала [illegible]

---

[1] Съ «Сборникъ [illegible] офиціальныхъ [illegible] правительственныхъ сообщеній [illegible] редакціей [illegible], т. I, стр. 201—202.

[2] Л. [illegible]

печатнаго листа и была написана подъ видимымъ вліяніемъ Герцена: «Въ нашей жизни лежитъ начало, вовсе неизвѣстное европейцамъ»—говорилось тамъ: «Нѣмцы увѣрены, что мы придемъ къ тому-же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно прійти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ прійти къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ... Развѣ экономическія земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земельная община?.. Мы народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастія, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти... Европа не понимаетъ и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стремленій; значитъ, она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новинѣ и, нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлить свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлилась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно,—и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у Западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ее. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія, а вѣра въ наши силы велика. Если для осуществленія нашихъ стремленій—для раздѣла земли между народомъ—пришлось бы вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не такъ ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы въ польскую и венгерскую войну. И для чего?»...

Въ заключеніи прокламація еще разъ обращалась «къ молодому поколѣнію, ко всѣмъ тѣмъ, кому дорого счастье Россіи»: «Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку или разсказывать одни и тѣ же разсказы объ однѣхъ и тѣхъ же плутняхъ разныхъ Муравьевыхъ. Довольно корчить либераловъ; наступила пора дѣйствовать. Говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть... Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, дѣло наше и въ одинъ годъ подвинется далеко... Составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, ищите вожаковъ способныхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а, если нужно, и на славную смерть за спасеніе отчизны тѣни мучениковъ 14-го декабря!..» [1]).

Эта прокламація можетъ служить показателемъ тѣхъ взглядовъ, которые

[1]) «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», издано подъ редакціей Б. Базилевскаго, стр. 6—15.

господствовали тогда въ революціонныхъ кружкахъ. Это—самая элементарная, самая упрощенная программа, основанная на идеяхъ, развивавшихся въ болѣе глубокой и сложной формѣ Герценомъ и Чернышевскимъ. Общинное землевладѣніе, какъ одинъ изъ элементовъ, позволявшихъ разсчитывать на возможность извѣстнаго пути общественнаго развитія, принималось само по себѣ, въ его уже существовавшей формѣ, какъ готовая основа для новаго соціальнаго строя; крестьянинъ того времени, какъ носитель этой существовавшей формы общиннаго землевладѣнія, въ такой же мѣрѣ идеализировался и признавался способнымъ совершить соціальный переворотъ. Надо замѣтить, что крестьянское возстаніе вообще признавалось тогда возможнымъ способомъ разрѣшенія государственнаго кризиса: «Крестьянскій вопросъ не рѣшенъ, а искаженъ Положеніемъ 19-го февраля»—писалъ, напримѣръ, Н. Серно-Соловьевичъ въ брошюрѣ, напечатанной въ 1861 г. въ Берлинѣ: «и разрѣшить его можно только двумя способами: общею выкупною *мѣрою или топорами*».

Къ той же угрозѣ крестьянскимъ возстаніемъ прибѣгло общество «Великорусъ» въ изданныхъ имъ трехъ нумерахъ своего листка. По широтѣ замысла и по характеру программы общества можно предположить, что въ немъ принимали участіе крупные люди. Манера изложенія, сила и основательность аргументаціи въ листкахъ «Великорусса» очень напоминаютъ Чернышевскаго. Это мнѣніе раздѣляется Л. Ф. Пантелѣевымъ въ его «Воспоминаніяхъ прошлаго» (стр. 327). Кромѣ того, Г. С. Стахевичъ, бывшій на каторгѣ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, пишетъ: «Я замѣтилъ, что Чернышевскій съ явственнымъ сочувствіемъ относился къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ заглавіемъ «Великоруссъ»... Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ «Великоруссъ»[1]). Наконецъ, извѣстно, что офицеръ В. Обручевъ, единственное лицо, обнаруженное и осужденное по дѣлу общества «Великоруссъ», былъ близокъ къ Чернышевскому и пользовался его расположеніемъ [2]).

Планъ общества заключался въ попыткѣ добиться водворенія законнаго порядка въ Россіи путемъ давленія образованной части общества на правительство. Съ этой цѣлью тайное общество обратилось къ «образованнымъ классамъ» съ тремя слѣдовавшими одинъ за другимъ номерами листка «Великоруссъ». Первый номеръ появился въ іюнѣ 1861 г., второй—въ августѣ, а третій въ октябрѣ.

«Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ,—говорилось въ первомъ листкѣ—надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать... оно ведетъ общество къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ...; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому

1) «Закаспійское Обозрѣніе», 1905 г., № 143 (цитировано въ статьѣ Лемке, «Былое», 1906 г., № 7).

2) Л. Ф. Пантелѣевъ называетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Обручева «любимцемъ Чернышевскаго» (стр. 235).

что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, видитъ въ необходимость держаться системы стѣсненій. Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призывать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не сочтетъ себя безсильной»...

Затѣмъ въ этомъ первомъ номерѣ образованнымъ классамъ предлагался слѣдующій вопросъ, особенно нуждающійся въ рѣшеніи: «Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью?»

Во второмъ номерѣ говорилось, что «комитетъ», выслушавъ отчеты отъ своихъ членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ въ публикѣ по поводу вопроса, предложеннаго въ «Великоруссѣ», пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція».

Затѣмъ идетъ обоснованіе этихъ трехъ требованій. «Помѣщичьи крестьяне, по своему понятію (въ ожиданіи воли къ веснѣ 1863 г.[1]) раздѣляются на двѣ партіи. Одна думаетъ, что вся земля помѣщика должна перейти въ собственность крестьянъ, т.-е. и земля, бывшая въ пользованіи помѣщика... Другая, такъ сказать, умѣренная партія, полагаетъ, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, со всѣми угодьями, въ пользованіи которыхъ они участвовали, т.-е. съ рыбными ловлями и частью лѣса; но земля, которой пользовался самъ помѣщикъ, можетъ, по ихъ мнѣнію, остаться за нимъ... Теперь эта умѣренная партія слабѣе первой, и можно надѣяться, что она привлечетъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, если вопросъ будетъ разрѣшенъ честно въ ея духѣ. Эта надежда основывается на томъ, что крестьяне еще не приготовились для общаго возстанія, эпохой котораго будетъ лѣто 1863 г., если весна его обманетъ ихъ. Не должно помнить, что выкупъ отвергаютъ единодушно всѣ крестьяне. Съ требованіемъ выкупа нечего и думать людямъ, желающимъ, чтобы крестьяне остались довольны рѣшеніемъ вопроса. Если же крестьяне останутся недовольными, законный порядокъ не можетъ водвориться путемъ мирныхъ реформъ, потому что удерживать крестьянъ въ спокойствіи надобно будетъ, какъ теперь, военными мѣрами. А власть, дѣйствующая такими мѣрами противъ массы населенія, не будетъ соблюдать законности ни въ чемъ. Въ такомъ случаѣ законность будетъ введена только вслѣдствіе революціи»...

«По той же причинѣ русскіе приверженцы законности, должны требовать безусловнаго освобожденія

---

[1] Т.-е. во время [illegible]

Польши. Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть папы надъ ней поддерживается только вооруженной рукой. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства.

Вспомнимъ слова Чатама при началѣ возстанія американскихъ колоній: «если англійское правительство подвергнетъ деспотизму Америку, сама Англія подвергнется деспотизму». Потому онъ, вмѣстѣ со всѣми друзьями свободы въ Англіи, требовалъ, чтобы англійскія войска были выведены изъ недовольныхъ колоній. Точно также интересъ русской свободы требуетъ освобожденія Польши»...

Та же самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело его это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого — мы не знаемъ, да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это при настоящей своей безгласности... Но будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества... Но вопросъ о Южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія»...

«Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ; нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли—упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціоналистовъ».

Въ третьемъ номерѣ «Великорусса» излагается планъ, посредствомъ котораго можно было бы прійти къ осуществленію всѣхъ намѣченныхъ требованій. На первый разъ предлагалось обратиться къ самому мирному средству, а именно къ подачѣ государю адреса, проектъ котораго былъ предложенъ. Адресъ былъ написанъ «въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его». Принципы его и мысль о необходимости подать его государю предлагалось распространять при всякомъ удобномъ случаѣ: «Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго; полиція не

можетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ и повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса»...

«Рѣшительныя дѣйствія: собираніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю—надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ подготовлено къ этому... Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимой силой, передъ которой робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко... прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, оно не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвой и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездна? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собой могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные... Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь».

«Этимъ нумеромъ и проектомъ адреса,—говорилось въ заключеніи, — наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы ... надѣемся на нихъ, какъ объщ... Но если мы увидимъ, что они не ... наются дѣйствовать —намъ не о... нется выбора: мы должны бу... дѣйствовать на простой народъ ... съ нимъ мы будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, ... такихъ вещахъ. Долго медлить ... шеніемъ нельзя: если не составя... образованные классы мирную опп... зицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію—народъ не... удержимо поднимется лѣтомъ 1863 ... Отвратить это возстаніе патріоты ... будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для ... нація образомъ» [1]).

Въ этомъ широкомъ замыслѣ обращаетъ вниманіе прежде всего ... и ясность аргументаціи. Чтобы прійти къ положенію, которое давало бы русскому обществу возможность мирнаго, нереволюціоннаго способа развитія, необходимо было устранить двѣ вышеуказанныя причины недовольства. Въ противномъ случаѣ либеральная часть общества неизбѣжно становилась между двухъ огней: съ одной стороны—угроза возстанія крестьянъ и возстанія Польши; съ другой —перспектива режима, при которомъ однимъ только и могутъ быть сдерживаемы проявленія этихъ движеній, режима, который неминуемо долженъ былъ распространиться на всѣ части государства.

Въ этой характеристикѣ положенія русскаго общества того времени ...

---

[1]) «Матеріалы для исторіи революціон... въ Россіи въ 60-хъ годахъ», стр. 26—33.

...ая вліятельнаго преувеличенія ...рдъ нимъ дѣйствительно стояла ...да дилемма: или принять на счетъ ...й выкупъ надѣльной земли, ...ъ немногихъ отрѣзковъ (что именно и ...длагалось въ «Великоруссѣ»)—удо-...творивъ этимъ большинство кре-...янскаго населенія, и въ то же время ...ободить Польшу, или же—подверг-...я себя одной изъ двухъ выше-...омянутыхъ опасностей: опасности ...олюціоннаго насилія или опасно-...и военнаго деспотизма.

Люди, стоявшіе во главѣ «Великорус-...а», не могли знать точно, въ какой ...ѣ могла осуществиться тогда угро-... крестьянскаго возстанія—той «пу-...чевщины», къ которой, по его мнѣ-...ю, правительство вело Россію; но ...сицать этой возможности они не ...ли. Вскорѣ оказалось, что чашка ...овъ склонилась для Россіи въ сто-...у второй опасности,—и вотъ, въ ...еніе послѣдующихъ десятилѣтій, ...ское общество было обречено везти ...себѣ всѣ вытекавшія оттого послѣд-...ія.

...то касается практической осуще-...имости того плана, какой пред-...ался въ «Великоруссѣ», то не-...ходимо замѣтить, что это была лишь ...пытка. Серьезные люди не хотѣли ...ть на себя отвѣтственность револю-...оннаго образа дѣйствій, не испы-...въ предварительно всѣхъ другихъ ...ръ. Русскіе либералы 60-хъ го-...въ, если они желали политическую ...ободу, не могли не задуматься надъ ... перспективой, которая раскрыва-...сь передъ ними: если они не боялись ...гачевщины, то передъ ними стояла ... менѣе печальная картина второго ...ода. Но попытка «Великорусса» ... привела, какъ извѣстно, ни къ какимъ результатамъ; она показала лишь, что либеральныя силы русск... общества не были достаточно велики, чтобы обезпечить для него возмож-ность мирнаго развитія и что длин-ный тяжелый *революціонный путь* былъ неизбѣженъ.

Вслѣдъ за попыткой «Великорусса» возникло тайное революціонное об-щество «Земля и Воля». О происхожде-ніи его ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что въ началѣ 1862 г. А. А. Слѣпцовъ и студентъ медико-хирур-гической академіи Рымаренко, предло-жили Н. Утину и Л. Ф. Пантелѣеву двумъ студентамъ петербургскаго университета, исключеннымъ послѣ университетскихъ безпорядковъ зимы 1861 г., вступить въ тайное обще-ство «Земли и Воли», при чемъ Ры-маренко и Слѣпцовъ называли себя агентами центральнаго комитета этого общества. Слѣпцовъ былъ рекомендо-ванъ Утину Н. А. Серно-Соловьевичемъ, какъ человѣкъ вполнѣ на-дежный. Рымаренко былъ извѣстенъ какъ пользовавшійся большою по-пулярностью между студентами ме-диками. Послѣ того, какъ Панте-лѣевъ далъ свое согласіе на всту-пленіе въ общество, ему была пред-ложена поѣздка на сѣверо-востокъ Россіи, съ цѣлью завязать тамъ связи; тогда уже самъ Серно-Соловьевичъ вру-чилъ ему извѣстную сумму денегъ со словами: «Это на вашу поѣздку» [1]). Пантелѣевъ прямо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что общество «Земля и Воля» возникло по иниціативѣ кружка Н. А. Серно-Соловьевича, ко-тораго многіе знали лично въ Петер-

[1]) Изъ воспоминаній прошлаго, стр. [illegible].

бургѣ и котораго «высоко уважали за благородство характера и прогрессивный образъ мыслей» [1]).

Но черезъ два или три мѣсяца послѣ того какъ Утину и Пантелѣеву было сдѣлано предложеніе о вступленіи въ тайное общество, Н. Серно-Соловьевичъ былъ арестованъ (7 іюля, одновременно съ арестомъ Чернышевскаго); Рымаренко также былъ арестованъ. Вмѣстѣ съ этими арестами у новыхъ членовъ общества «Земля и Воля» оборвалась связь съ его первоначальными учредителями. Вернувшійся изъ поѣздки по провинціямъ Слѣпцовъ могъ дать имъ только неясныя и уклончивыя объясненія, изъ которыхъ они вывели то заключеніе, что никакого центральнаго комитета въ данное время не существовало [2]).

Тѣмъ не менѣе Утинъ и Пантелѣевъ рѣшили все-таки продолжать дѣло на свой страхъ. Они образовали новый центральный кружокъ, пригласивъ въ него Михаила Гулевича, Александра Жука и еще одного господина, славившагося своей близостью къ Чернышевскому и Добролюбову. Этотъ господинъ, впрочемъ, скоро вышелъ изъ кружка, не принеся ему никакой существенной пользы. Кромѣ того, былъ приглашенъ Судакевичъ, около котораго группировался большой студенческій кружокъ; наконецъ къ новому центральному кружку примкнулъ также и Слѣпцовъ.

Въ такомъ составѣ новый центральный кружокъ началъ дѣйствовать. Пантелѣевъ, еще до ареста Рымаренко и Серно-Соловьевича, ѣздилъ въ Вологду и привлекъ тамъ къ обществу нѣсколько человѣкъ (между прочимъ бывшаго въ ссылкѣ Бекмана и будущаго педагога Бунакова). Въ Петербургѣ Утинъ и Пантелѣевъ встрѣтили много сочувствовавшихъ среди молодежи. Такъ, Пантелѣевъ разсказываетъ, что вскорѣ послѣ того какъ они выпустили первый номеръ своего листка «Свобода», онъ лично «имѣлъ болѣе или менѣе прямыя отношенія человѣкамъ къ двадцати, изъ которыхъ болѣе половины были военные» [1]). Общество имѣло связи въ Казани, въ Москвѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Саратовѣ.

Такимъ образомъ общество «Земля и Воля» такъ или иначе продолжало свое существованіе. Но у него уже не было опредѣленной программы. Въ своей прокламаціи «Къ образованнымъ классамъ» оно повторяетъ прежній призывъ ко всему либеральному обществу, укоряя его въ «изумительномъ и ничѣмъ не оправдываемомъ легкомысліи»; въ первомъ номерѣ своей газеты «Свобода» оно говоритъ, что, вступая въ борьбу съ правительствомъ, оно въ настоящее время ставитъ одной изъ задачъ — привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, ихъ собственныхъ» [3]). Во всемъ этомъ не было ничего новаго, ничего такого, что шло бы дальше попытки «Великоруссса». Очевидно, что вмѣстѣ съ утратой своихъ учредителей, общество «Земля и Воля» утратило также ...

---

[1]) Ibid., стр. 324—329.

[2]) Ibid., стр. 286.

[1]) «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 291. «Свобода» появилась въ февралѣ 1863 г.; осенью 1862 г. общество «Земля и Воля» выпустило прокламацію «Къ образованнымъ классамъ».

[3]) «Свобода», № 2. «Былое», 1906 г., № 3, стр. 132.

...новую идею. Въ такомъ видѣ ...но просуществовало до осени 1863 г., когда само рѣшилось, наконецъ, распустить своихъ членовъ.

Такова неполная исторія этого тайнаго общества. Есть основаніе думать, что оно было связано съ той идеей народнаго возстанія, которая подразумѣвалась обществомъ «Великоруссъ». На это указываетъ сообщеніе въ № 2 листка «Свобода» о томъ, что бывшіе члены комитета «Великорусса» считаютъ себя солидарными съ обществомъ «Земля и Воля»[1]). Есть, кромѣ того, основаніе думать, что Чернышевскій не былъ чуждъ тайнамъ общества «Земля и Воля». На это указываетъ слѣдующій фактъ, о которомъ разсказываетъ М. А. Антоновичъ въ своемъ описаніи ареста Чернышевскаго: когда его уже собирались увозить, онъ успѣлъ шепнуть двоюродному брату своей жены: «Передайте Николаю Утину, чтобы онъ не безпокоился». Утинъ, какъ мы знаемъ, былъ однимъ изъ привлеченныхъ Серно-Соловьевичемъ членовъ тайнаго общества. На то обстоятельство, что первоначальный составъ тайнаго общества включалъ въ себя лицъ, не вошедшихъ позднѣе въ составъ новаго центральнаго кружка и оставшихся нераскрытыми, указываетъ сообщеніе Н. Русанова, что П. Л. Лавровъ, незадолго до своего сближенія съ Чернышевскимъ, былъ введенъ А. Н. Энгельгардтомъ въ начавшее тогда организоваться общество «Земля и Воля»[2]).

Наконецъ, нѣкоторое указаніе на первоначальные планы общества даютъ ...е бумаги, которыя были взяты при арестѣ Н. Серно-Соловьевича. Въ числѣ этихъ бумагъ находилась рукопись статьи Серно-Соловьевича, предназначавшейся, повидимому, для предполагавшагося журнала[1]). Въ ней высказывалась мысль о безсиліи прогрессивной литературы, пока у честныхъ людей нѣтъ корней въ народѣ, и о необходимости искать другихъ путей: «Грустно дѣлать такое сознаніе, но сдѣлать его необходимо. Есть много людей самыхъ благонамѣренныхъ, добродушнѣйшимъ образомъ считающихъ литературу силой, которой могутъ сдѣлать что-нибудь существенное. Ища опоры въ мнимой силѣ, они отвлекаются отъ другихъ путей, практическихъ, дѣйствительныхъ». Далѣе говорилось, что «тѣ только искренно хотятъ дѣйствовать за народъ, формула которыхъ: все для народа и только народомъ». Народъ подчиняется существующему порядку «не потому, чтобы не могъ создать лучшаго, а потому, что не чуялъ своей силы. Теперь онъ начинаетъ ее чуять. *Времена приближаются...*»[2])

Нетрудно видѣть, что эта статья какъ бы указываетъ на первоначальную идею общества «Земля и Воля» и что эта идея состояла въ непосредственномъ обращеніи къ народнымъ массамъ. Здѣсь не лишнее упомянуть,

[1]) «Свобода», № 2. «Былое», 1906 г., № 8, стр. 192.

[2]) Н. Русановъ, «П. Л. Лавровъ», «Былое», 1907 г., № 2, стр. 258.

[1]) Въ одномъ мѣстѣ статьи прямо сказано: «Въ этомъ номерѣ нашего журнала есть статья, великолѣпно подтверждающая многія изъ высказанныхъ нами положеній. Авторъ ея не принадлежитъ къ привиллегированнымъ классамъ: онъ мѣщанинъ».

[2]) Бумаги, взятыя у С. Соловьевича, перепечатаны въ статьѣ М. К. Лемке «Дѣло объ обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», «Былое», 1906 г., № 9, стр. 190—193.

...около этого же времени приготовлялась къ печати прокламація «Барскимъ крестьянамъ», въ составленіи которой былъ обвиненъ Чернышевскій. Текстъ этой прокламаціи обнаруживаетъ необычайное мастерство популярнаго изложенія сложныхъ политическихъ вопросовъ[1]). Наконецъ, въ письмѣ В. Кельсіева къ Серно-Соловьевичу, послужившемъ поводомъ къ аресту послѣдняго, идетъ рѣчь о планахъ широкой пропаганды въ народѣ: «Главное, пропустите «Колоколъ», «Общее Вѣче»—и мой «Сборникъ» на Нижегородскую ярмарку: это будетъ весьма полезно и опускать ярмарки не слѣдуетъ... Огаревъ проситъ васъ похлопотать тоже объ ярмаркѣ, а къ тысячелѣтію тоже переправить кое-какую посылку въ Тверь; но всѣ мы здѣшніе мірскимъ приговоромъ просимъ и молимъ васъ найти еще кого-нибудь, какого-нибудь кулака для занятія этимъ дѣломъ. Опасность, съ которой оно сопряжено, такъ велика, что вы не имѣете права рисковать собой, вы нужны на многое и многое болѣе полезное, особенно теперь, когда всѣ теряютъ головы»[2]).

Важнымъ дополненіемъ къ тому, что мы знаемъ объ обществѣ «Земля и Воля», служатъ свѣдѣнія о кружкѣ офицеровъ, стоявшихъ съ войсками въ Польшѣ. Еще въ 1861 г. этотъ кружокъ обратился къ Герцену съ вопросомъ, что ему дѣлать, если въ Польшѣ начнется возстаніе; Герценъ отвѣтилъ, но письмо его не дошло; въ началѣ 1862 г. тотъ же кружокъ офицеровъ снова обратился къ Герцену съ тѣмъ же вопросомъ, при чемъ офицеры извѣщали, «что ихъ пропаганда идетъ быстро и что они рѣшились въ случаѣ возстанія, идти вмѣстѣ съ поляками, но что имъ бы очень хотѣлось узнать его мнѣніе». Оба раза писалъ отъ имени товарищей А. Потебня. Вскорѣ послѣ того въ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, стоявшемъ въ Варшавѣ было обнаружено распространеніе запрещенныхъ книгъ и идей (между прочимъ было обнаружено распространеніе «Великорусса»)[1]). Не дождавшись отвѣта и на второе письмо, кружокъ офицеровъ прислалъ въ Лондонъ Потебню. «Личность, болѣе симпатичную въ великой простотѣ, въ великой преданности, въ безусловной чистотѣ и безкорыстности своей, въ трагическомъ пониманіи своей судьбы—я рѣдко встрѣчалъ»,-пишетъ Герценъ: «Потебня принадлежалъ къ числу тѣхъ воплощеній вѣковой боли цѣлаго народа, которыми онъ изрѣдка отбываетъ страданія, скорбь и угрызенія совѣсти. Онъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ, но шелъ... и онъ погибъ, потому что хотѣлъ погибнуть и потому что твердо вѣровалъ, что смерть его искупитъ повиновеніе другихъ. ...Ѣду,— писалъ онъ, отправляясь въ Польшу,— а въ ужасъ моихъ раз...

[1]) Текстъ этой прокламаціи напечатанъ въ статьѣ М. К. Лемке «Дѣло Чернышевскаго», «Былое», 1906 г., № 4, стр. 179—187.

[2]) «Дѣло о сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», «Былое», 1906 г., № [illegible], стр. 168.

[1]) Главными обвиняемыми по этому дѣлу оказались поручикъ Арнгольдтъ, подпоручикъ Сливицкій, унтеръ-офицеръ Ростковскій, рядовой Щуръ и поручикъ Каплинскій. Арнгольдтъ, Сливицкій, Ростковскій были разстрѣляны (16 іюня 1862 г.), Щуръ забитъ палками, Каплинскій сосланъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы.

...ены, на смерть идущіе, вамъ кла...
...няемся!..» [1]).

Появленіе въ рядахъ арміи доволь... значительнаго офицерскаго кружка ...волюціоннаго направленія было не...мѣнно связано съ идейнымъ влія...нимъ, шедшимъ изъ Петербурга; ...это прямо указываетъ распростра...ніе въ 4 стрѣлковомъ батальонѣ «Великорусса». Извѣстно, кромѣ того, ...о Сѣраковскій, одинъ изъ наибо...лѣе энергичныхъ членовъ этого кру...жка, былъ очень близокъ къ Чер...нышевскому. Если судить по воспо...минаніямъ покойнаго А.А.Слѣпцова, ...передававшимся имъ въ личныхъ раз...говорахъ, то организація офицеровъ, ...сосредоточившаяся тогда въ Польшѣ, ...имѣла цѣлью подготовить, одновре...менно съ польскимъ возстаніемъ, во...енное возстаніе въ самой Россіи, подъ ...знаменемъ «Земли и Воли»; но поль...ское возстаніе вспыхнуло слишкомъ ...рано и не позволило развиться этому ...плану. О преждевременности поль...скаго возстанія говоритъ также и ...Герценъ: «Мы очень хорошо знали, что ...ничего не было готово, что были толь...ко зародыши, что офицерскія обще...ства только что начинали слагаться»[2]).

Невозможно думать, чтобы эти от...дѣльные факты, дошедшіе до нашего ...свѣдѣнія: общество «Великоруссъ», ...общество «Земля и Воля», офицер...скій кружокъ въ Польшѣ,—чтобы всѣ эти отрывочные факты не имѣли ни...какой связи между собой, чтобы они не были объединены общей мыслью, чтобы они не исходили изъ одного и того же идейнаго центра. Относительно руководящей роли Н. Серно-Соловье...вича въ дѣлѣ возникновенія обществ... «Земли и Воли» было уже упомянуто выше, такъ же какъ и о вѣроятном... участіи въ этомъ дѣлѣ Чернышев...скаго. Мы уже упоминали также, что по нѣкоторымъ признакамъ можно судить и объ участіи Чер...нышевскаго въ обществѣ «Велико...руссъ». Пантелѣевъ присоединяетъ къ этимъ указаніямъ близость Чернышев...скаго къ Захарьину, принимавшему, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, непосред...ственное участіе въ «Великоруссѣ», а также къ Лугинину, бывшему, пови...димому, однимъ изъ главныхъ чле...новъ этого общества. Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ тому предполо...женію, что всѣ главнѣйшія револю...ціонныя предпріятія начала 60-хъ годовъ имѣли во главѣ своей однихъ и тѣхъ же лицъ, огромная роль кото...рыхъ во всемъ радикальномъ обще...ственномъ движеніи того времени не можетъ быть никѣмъ оспариваема.

* * *

Въ тѣсной связи съ петербургской организаціей «Земли и Воли» стоитъ исторія московскаго кружка Мосолова.

---

1) «Письма къ противнику», письмо ...тое, «Колоколъ», № 194. Всѣхъ рус...скихъ офицеровъ, присоединившихся къ ...польскому возстанію или отказавшихся ...сражаться съ поляками, насчитывалось ..., 40 человѣкъ (см. объ этомъ ссылку ...веденa на русскія газеты въ № 177 «Коло...кола»). Попейко погибъ подъ ...; ..., сражаясь въ польскихъ рядахъ, Давистовскій и Павловичъ были разстрѣ...ляны за то, что подали въ отставку, не желая сражаться, Рейтернъ, Корфъ и Гентков...скій сами застрѣлились, Сѣраковскій ко...мандовалъ польскимъ отрядомъ и, взя...тый раненымъ въ плѣнъ, былъ повѣшенъ въ Вильнѣ и т. д.

2) «Письмо къ Гарибальди», «Колоколъ» № 177.

Натилова, Сулина и др. Этотъ кружокъ возникъ еще въ 1859 г.; изъ него, повидимому, выдѣлился въ 1861 г. кружокъ Аргиропуло и Зайчневскаго, откуда вышла знаменитая прокламація «Молодая Россія». Осенью 1862 г. кружокъ Мосолова вступилъ въ сношеніе съ обществомъ «Земля и Воля» и сталъ получать для распространенія его изданія. Въ маѣ 1863 г. этотъ кружокъ содѣйствовалъ побѣгу изъ Пречистенской части И. Кельсіева и снабдилъ его деньгами для переѣзда черезъ границу. Въ сентябрѣ 1863 г. всѣ члены кружка были обнаружены благодаря предательству И. Андрущенко. Кружокъ этотъ стремился, повидимому, болѣе къ просвѣтительной дѣятельности, нежели къ революціонной; своимъ членамъ, уѣхавшимъ изъ Москвы, онъ рекомендовалъ запастись преимущественно книгами, излагающими «различныя системы государственнаго устройства и политическаго быта, какъ напр., сочиненія Стюарта Милля, Прудона и др., и знакомить съ ними публику»[1]).

Изъ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ революціонныхъ организацій начала 60-хъ годовъ слѣдуетъ упомянуть о казанскомъ кружкѣ. Онъ возникъ вскорѣ послѣ извѣстной исторіи въ селѣ «Бездна.» Обнаружившееся тогда недовольство крестьянъ объявленной волей подало мысль о возможности поднять на Волгѣ крестьянское возстаніе. Возстаніе предполагалось начать въ Казани съ захвата арсенала, а также оружія, которое сплавлялось ежегодно по Камѣ изъ Ижевскаго оружейнаго завода. Къ числу членовъ кружка принадлежали три мѣстныхъ офицера: штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ и подпоручикъ Станкевичъ, студенты Жемановъ, Элпидинъ, Орловъ и др. Заговоръ этотъ былъ разрушенъ въ самомъ началѣ вслѣдствіе предательства студента Глассона. Весной 1863 г. были арестованы Иваницкій и Жемановъ; вскорѣ послѣ того были арестованы Элпидинъ, Красноперовъ, Орловъ и Бугаевъ по обвиненію въ распространеніи воззваній среди крестьянъ Казанской, Вятской и Пермской губерній. Затѣмъ было арестовано много другихъ лицъ, и все дѣло раскрылось. Кружокъ находился въ сношеніяхъ съ польской организаціей; отъ нея пріѣзжалъ въ Казань делегатъ съ предложеніемъ распространить в... Волгѣ подложные манифесты. Казанскій кружокъ отказался отъ этого предложенія; тогда польская организація рѣшилась дѣйствовать на свой страхъ на томъ основаніи, что «поляки ведутъ съ Россіей войну и считаютъ себя вправѣ предпринимать самостоятельно т... дѣйствія, какія они найдутъ полезными для своего дѣла»[1]). Въ апрѣлѣ 1863 г. въ Пензенской, Симбирской и Самарской губерніяхъ было арестовано четыре петербургскихъ студента, поляки Ивицкій, Госцевичъ, Олесновичъ и Мачевскій, разбрасывавшіе по деревнямъ подложный манифестъ о дарованіи всѣмъ свободы, о предоставленіи крестьянамъ безплатно земли, о распущеніи арміи и пр. Манифестъ этотъ былъ переданъ имъ членомъ польской организаціи Іеронимомъ Кеневичемъ. «Хотя по пути слѣдованія эмиссаровъ...

[1]) См. обвинительный актъ по дѣлу Андрущенко, ibid., стр. 149.

[1]) А. Николаевъ, «Изъ воспоминаній» ..., стр. 397.

гонъ, впослѣдствіи, мѣрами правительства было собрано весьма значительное количество экземпляровъ лже-манифеста,—читаемъ мы въ правительственномъ сообщеніи по этому дѣлу—только въ Пензенской губерніи, но и вслѣду ихъ, крестьяне въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были взволнованы, такъ что для водворенія порядка потребовались особыя мѣры»[1]).

Воззваніе, которое казанскій кружокъ распространялъ среди крестьянъ, было написано очень простымъ языкомъ, насколько можно судить по отрывкамъ, приводимымъ въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко: «Царь собиралъ совѣтъ изъ помѣщиковъ, судилъ и рядилъ съ ними и, наконецъ, далъ вамъ волю. Ничего путь не поймешь, что это за воля такая? Вольные вы люди стали, только земли не дали вамъ, а выкупайте за свои кровныя денежки...» и т. д.

Въ іюнѣ 1864 г. состоялся приговоръ по казанскому дѣлу: Иваницкій, Мроченъ, Станкевичъ и Кеневичъ подверглись разстрѣлу; Жемановъ, Элпидинъ, Орловъ, Бунаковъ, Полиницкій, Госцевичъ, Олехновичъ, Масвскій и др. сосланы въ каторжныя работы. Жеманову и Элпидину удалось бѣжать за границу.

Кромѣ коллективныхъ попытокъ, общественное движеніе начала 60-хъ годовъ характеризуется многими проявленіями революціоннаго настроенія со стороны отдѣльныхъ лицъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы должны упомянуть.

При кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ служилъ подполковникъ Красовскій. Лѣтомъ 1862 г., находясь въ м. Корсунѣ, Каневскаго у. Кіевской г., онъ переодѣвался въ крестьянскую одежду и, ходя по деревнямъ, сближался съ крестьянами. По подозрѣнію въ пропагандѣ, онъ былъ вызванъ въ Кіевъ и подвергнутъ секретному надзору полиціи. Живя въ Кіевѣ, онъ узналъ, что батальонъ Житомірскаго полка, стоявшій поблизости въ лагеряхъ, назначенъ къ выступленію въ м. Богуславъ Каневскаго у. для усмиренія крестьянъ. Тогда онъ пишетъ страстное воззваніе къ солдатамъ, самъ переписываетъ его въ 10 экземплярахъ и, переодѣвшись въ малороссійскую одежду, разбрасываетъ около лагеря Житомірскаго батальона. На судѣ Красовскій заявилъ, что считаетъ свой поступокъ честнымъ и что онъ рѣшился скорѣе пострадать, чѣмъ оказаться причастнымъ къ той роли, какую приходится играть войску при усмиреніяхъ. Его сослали въ каторжныя работы; тамъ онъ вскорѣ погибъ, будучи застрѣленъ и ограбленъ однимъ казакомъ, взявшимся помогать его побѣгу [1]).

Петръ Алексѣевичъ Мартьяновъ былъ крѣпостнымъ графа Гурьева. «Исторія его [illegible]—пишетъ Герценъ [2]): «Съ молодыхъ лѣтъ онъ показалъ необыкновенную способность къ торговымъ дѣламъ и велъ большой хлѣбный промыселъ. Графъ Гурьевъ отрывалъ его отъ дѣла, разорялъ,

[1]) Казанскія губернскія вѣдомости отъ 12 іюня 1864 г. («Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.», над. подъ редакціей Базилевскаго, т. I, стр. 226.

[1]) П. Ф. Николаевъ, «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго на каторгѣ», стр. 9.

[2]) «Колоколъ», № 170.

взялъ съ него большую сумму денегъ, почти наканунѣ освобожденія. Мартьяновъ, получивъ отпускную, попытался поправить свои дѣла; ему не удалось, и онъ въ 1861 г. уѣхалъ въ чужіе края. Человѣкъ, испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартьяновъ сосредоточился весь на судьбахъ русскаго народа; тутъ были его поэзія, его религія, любовь и ненависть... Мартьяновъ ненавидѣлъ крѣпостное право и крѣпостниковъ ненавидѣлъ, какъ М. С. Щепкинъ, какъ Шевченко; у него это была страсть, и между тѣмъ она шла рядомъ съ восторженной благодарностью къ царю, снявшему цѣпи съ народа. Для него петербургскій императоръ... терялся въ какой-то миѳологически-великой фигурѣ *земскаго царя*». Въ началѣ апрѣля 1862 г. Мартьяновъ рѣшился написать Александру II письмо и, пославъ его, попросилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Герцена напечатать его въ «Колоколѣ». Затѣмъ онъ вернулся въ Россію. Въ письмѣ своемъ Мартьяновъ говорилъ, что ждетъ отъ Александра II великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи. «Мы ждемъ,—писалъ онъ,—рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота ... Вашего правительства ... народа 1815 г. Исторія не умолкла. Государь, исторія безпристрасти... Цари въ Россіи не завоеватели ... самодержавны они не по праву оружія... У Васъ завидная возможность искупить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ, отдать народу долгъ за нихъ и не быть самому должникомъ ... Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-землевладѣльческой тоже; мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, выражающей земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. По праву крови, текущей въ моихъ жилахъ, по праву знанія, пріобрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ своихъ представителей лучше всѣхъ другихъ сословій» [1].

Письмо занимало больше половины печатнаго листа. Въ заключеніе Мартьяновъ говоритъ: «Государь смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію. Государь! я говорю голосомъ народа. Моя обязанность—свобода; мое право—кровь и страданія; мнѣ повѣренъ народъ и его люди. Мы ждемъ отъ Васъ собранія Великой Земской Думы для постоянныхъ совѣщаній». При въѣздѣ въ Россію Мартьяновъ былъ арестованъ и сосланъ въ каторжныя работы, гдѣ и умеръ въ 1866 г.

Въ іюлѣ 1862 г. былъ арестованъ Д. И. Писаревъ за статью, написанную имъ по поводу брошюры Ше...

[1] [illegible]

...редак
БА высыл
или микр
ний и микр
ниц (не б
есплатно
ля издан
икрофильм
юго объе
иблиотеки-

...роти с Герценъ; брошюра эта, ...давал въ Берлинѣ, была допущена ...распространенію въ Россіи. Статья ...гарева характеризуется въ пригово...рѣ сената, какъ «возмутительная, ...санная дерзкими и оскорбитель...ными выраженіями какъ противъ пра...вительства, такъ и противъ священ...ной особы государя императора» [1]). ...вотъ одно ея мѣсто: «Посмотрите, ...добрые люди, что дѣлается вокругъ ...васъ, и подумайте, можемъ ли мы ...долѣе терпѣть насиліе, прикрываю...щееся устарѣлой формой божествен...наго права. Посмотрите, гдѣ наша ...литература, гдѣ народное образова...ніе, гдѣ всѣ добрыя начинанія об...щества и молодежи. Придравшись ...къ двумъ-тремъ случайнымъ пожа...рамъ, правительство все проглотило; ...оно будетъ глотать все—деньги, идеи ...людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, ...пока масса проглоченнаго не разо...рветъ это безобразное чудовище. Во...скресныя школы закрыты, тюрьмы ...полны честными юношами, любя...щими народъ и идею, Петербургъ ...объявленъ на военное положеніе, ...правительство намѣрено дѣйствовать ...съ нами, какъ съ непримиримыми ...врагами. Оно не ошибается. Прими...ренія нѣтъ. На сторонѣ правительства ...стоятъ только негодяи, подкуплен...ные за тѣ деньги, которыя обманомъ ...и насиліемъ выжимаются изъ бѣд...наго народа. На сторонѣ народа ...стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, ...что способно мыслить и дѣйство...вать» [2]).

...эту статью взялся напечатать сту...дентъ петербургскаго университета П. Баллодъ въ имѣвшейся у него тайной типографіи. При обыскѣ у Баллода рукопись была найдена. Писаревъ призналъ ее своей. Онъ былъ осужденъ къ заключенію въ крѣпости на 2 г. 8 мѣс. и былъ выпущенъ оттуда только въ ноябрѣ 1866 г., просидѣвъ въ заключеніи болѣе 4 лѣтъ. Всѣ лучшія его сочиненія были написаны въ періодъ его тюремнаго заключенія.

[1]) «Государственныя преступленія», изд. ...линовскаго, т. I, стр. 227.

[2]) М. К. Лемке, «Дѣло Д. И. Писарева» ...1906 г., № 2.

III

Не столько причиной, сколько поводомъ для начавшейся съ лѣта 1862 г. открытой реакціи послужили прокламація «Молодая Россія» и совпавшіе съ ней петербургскіе пожары.

Прокламація «Молодая Россія» была издана въ Москвѣ небольшимъ кружкомъ, во главѣ котораго стояли два студента московскаго университета, Аргиропуло и Зайчневскій; первый изъ нихъ вскорѣ умеръ въ тюрьмѣ, а второй былъ сосланъ въ каторжныя работы за тайныя литографированныя изданія («Разборъ книги бар. Корфа» Герцена и Огарева; «Матерія и сила» Бюхнера и др.). Прокламація была написана въ духѣ «метафизики французской революціи»—какъ выразился Герценъ—и отличалась большой свирѣпостью:

«Выходъ изъ гнетущаго положенія, говорилось тамъ,—губящаго современнаго человѣка и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы, одинъ—революція, революція кровавая и неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально все, всѣ безъ исключенія, основы современнаго порядка и погубить сторон...

ловъ дальнѣйшаго порядка. Мы не страшимся ея, хоть и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнуть, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это и все-таки привѣтствуемъ ея наступленіе... и т. д.» [1]).

Въ заключеніи говорилось... «Съ полной вѣрой въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славномъ будущемъ Россіи, которой выпало на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ крикъ: «въ топоры!»—и тогда... бей императорскую партію, не жалѣя, какъ не жалѣетъ она насъ теперь, бей на площадяхъ... бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ!»

По отзывамъ современника, [2]) прокламація эта не встрѣтила большого сочувствія среди петербургской молодежи и была-бы скоро забыта, если бы не то впечатлѣніе, какое она произвела на болѣе широкіе круги общества, и если бы появленіе ея не совпало съ петербургскими пожарами.

Съ половины мая 1862 г., отъ неизвѣстныхъ причинъ, началъ горѣть Петербургъ. Въ разныхъ концахъ города одинъ за другимъ вспыхивали пожары; 25 мая было пять большихъ пожаровъ въ одинъ день; 27 мая запылалъ Апраксинъ дворъ, при чемъ выгорѣло нѣсколько кварталовъ. Наступила паника, стали ходить слухи о поджогахъ;—и вотъ въ газетахъ появились намеки на студентовъ. Въ «Нашемъ Времени» Н. Ф. Павлова было напечатано: «Не подлежитъ сомнѣнію, что пожары происходятъ вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго плана». Въ «Современной Лѣтописи» Каткова было прямо сказано: «Но на кого указываетъ народъ, какъ на главную причину своего бѣдствія? Горько и тяжело, а нельзя скрыть—на учащуюся молодежь». Въ «Сѣверной Пчелѣ» говорилось, что «въ высшихъ классахъ почти единогласно пожары связываютъ съ послѣдней прокламаціей» [1]). Впечатлѣніе, произведенное «Молодой Россіей» было таково, что даже Кавелинъ не сомнѣвался, что петербургскіе пожары—дѣло политической группы [2]). По словамъ Пантелѣева, многіе изъ людей, бывшихъ еще недавно либеральными, перешли теперь на сторону реакціи и удивлялись, почему правительство не принимаетъ тѣхъ или иныхъ репрессивныхъ мѣръ [3]). Умѣренно-либеральная «Отечественныя Записки» требовали казни поджигателей [4]). «Съ поджоговъ, лишенныхъ поджигателей,—писалъ Герценъ въ 1863 г. [5]),—начинается циническая близость полиціи и печати, открытая связь правительства съ журналистикой... Испуганное общественное мнѣніе жалось къ правительству, журналистика была за него. Въ это время показываются первые опыты доносовъ въ печати, первыя требованія *энергическихъ мѣръ*, т.-е. казней. Правительство, видя въ

---

[1]) «Матеріалы для исторіи рев. движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», изд. Базилевскаго, стр. 57.

[2]) А. Пантелѣевъ, «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 237.

[1]) Л. Пантелѣевъ. «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 234—238.

[2]) Ibid., стр. 238.

[3]) Ibid., стр. 238.

[4]) Герценъ, «Преступленія въ Польшѣ» «Колоколъ», № 157.

[5]) «Колоколъ», № 176.

ВА высыл
или микр
ний и микр
ниц (не б
есплатно
ля издан
икрофильм
ого объе
иблиотеки-

настроеніе, воспользовалось имъ» [1]).

Въ іюнѣ и іюлѣ 1862 г. были закрыты воскресныя школы и читальни, закрытъ шахматный клубъ, гдѣ собирались литераторы, закрыто только что возникшее общество для пособія нуждающейся молодежи; было затруднено разрѣшеніе публичныхъ лекцій, были изданы суровыя временныя правила о печати, о надзорѣ за типографіями; были пріостановлены на 8 мѣс. «Современникъ», «Русское Слово» и «День».

Въ то же время происходили политическіе аресты. Были арестованы, среди многихъ другихъ, Чернышевскій, Н. Серно-Соловьевичъ, Писаревъ, и Рымаренко. Преслѣдованіе, начатое противъ Чернышевскаго, и тотъ способъ, какимъ велось слѣдствіе, раскрыты теперь во всѣхъ подробностяхъ [2]). Дѣло было начато съ цѣлью прекратить его общественную дѣятельность. «Неужели вы не найдете средства спасти насъ отъ этого зловреднаго человѣка?»—писало въ это время какое-то лицо изъ общества жандармскому генералу Потапову [3]). Когда А. В. Никитенко спросилъ сенатора Любощинскаго, есть-ли какія-нибудь юридическія доказательства виновности Чернышевскаго, то Любощинскій отвѣтилъ, что никакихъ юридическихъ доказательствъ не было, но что моральное убѣжденіе было прямо противъ Чернышевскаго [4]).

Въ такомъ состояніи находилось русское общество наканунѣ польскаго возстанія. Его либерализмъ оказался фиктивнымъ. Реакція, начавшаяся съ 1862 г., была въ такой же степени общественной, какъ и правительственной, причемъ общественная реакція обнаружилась по поводу самыхъ незначительныхъ причинъ. «Маловѣрные, слабые люди!—писалъ Герценъ—какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобы испугаться, бѣжать назадъ, схватиться за фалду квартальнаго...» [1]).

Когда вспыхнуло польское возстаніе, то принципъ государственности и патріотизма, въ самомъ узкомъ пониманіи, встрѣтилъ готовую поддержку со стороны русскаго общества. «Напрасно думаютъ,—пишетъ Л. Ф. Пантелѣевъ,—что тогдашнее патріотическое настроеніе было создано Катковымъ; оно непосредственно коренилось въ чувствахъ и пониманіи самого общества, Катковъ же былъ только талантливымъ истолкователемъ того и другого» [2]). Когда въ маѣ 1863 г. былъ назначенъ въ Вильно Муравьевъ, то это назначеніе было встрѣчено взрывомъ энтузіазма. Въ честь Муравьева подписывались адреса, устраивались банкеты, подносились иконы. Вліяніе Каткова царило безраздѣльно; славянофильскій «День», полемизировавшій было сначала съ «Московскими Вѣдомостями», долженъ былъ потомъ сознаться, что газета Каткова являлась «несомнѣннымъ представителемъ большинства русскаго общества»; либеральныя «Отечественныя Записки» писали: Мысли «Московскихъ Вѣдомостей» нашли огромн-

1) «Въ жанрѣ», «Колоколъ», № 170.
2) М. К. Лемке, «Дѣло Чернышевскаго», «Былое», 1906 г., №№ 3, 4.
3) Ibid., стр. 100—101.
4) «Дневникъ», отъ 26 мая 1864 г.

1) «Колоколъ», № 139.
2) Л. Пантелѣевъ, «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 363.

[illegible] въ «[illegible]». [illegible] [illegible] дней. Болѣе [illegible] петербургскихъ газетъ заговорило въ [illegible] съ [illegible] русскаго народа и съ «Московскими Вѣдомостями» [1]). Еще такъ недавно открыто высказывавшееся недовѣріе старому порядку, требованіе того пути, на который должно было вступить правительство «для спасенія себя и общества»—по выраженію тверского дворянства,—стали теперь анахронизмомъ. Правительство, болѣе или менѣе колебавшееся между старыми принципами и либерализмомъ, вступило теперь твердой стопой на прежнюю дорогу. Реформы, судебная и земская, и реформа печати, долженствовавшія, по первоначальному предположенію, расширить права личности и права общества, не сдѣлали ни одного шага въ этомъ направленіи; административная власть сохранила во всѣхъ областяхъ свой прежній рѣшающій голосъ. Въ политическомъ отношеніи реформы Александра II ни въ чемъ не измѣнили основъ государственнаго строя. Россія попрежнему осталась автократическимъ государствомъ.

Между тѣмъ въ русское общество было брошено много новыхъ идей. Какъ всякій періодъ нерѣшительности и колебанія въ правительствѣ, конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ сдѣлали свое дѣло. Хотя и кратковременное, оживленіе печати оставило прочные слѣды; новые горизонты, открывшіеся въ умственной сферѣ, еще не получили широкаго распространенія, не встрѣ[illegible] [illegible] уже говорили, что эти новые [illegible] зонты, соотвѣтственно условіямъ [illegible] ской дѣйствительности, ставили [illegible] черёдъ огромные вопросы безъ [illegible] промежуточныхъ ступеней, на [illegible] рыя распадалось общественное [illegible] женіе въ главныхъ западно-евро[illegible] скихъ странахъ. Эти огромные [illegible] просы требовали для своего осу[illegible] ствленія длиннаго подготовитель[illegible] періода, трудныхъ, вначалѣ и [illegible] безнадежныхъ попытокъ. Только [illegible] знаніе полной безвыходности полож[illegible] нія, отсутствіе всѣхъ болѣе осу[illegible] ствимыхъ способовъ дѣйствія [illegible] вляло людей, одушевленныхъ нов[illegible] стремленіями, пытаться съ тѣми [illegible] чтожными средствами, какія имѣл[illegible] тогда подъ рукой, преодолѣвать б[illegible] нечно-громадныя препятствія, [illegible] шія на пути. Но понятно, что [illegible] людей, которые не только воспри[illegible] мали новыя идеи, но связывали [illegible] ними все свое существованіе, не [illegible] быть велико; въ теченіе долгаго [illegible] мени оно, хотя постепенно ра[illegible] ряясь, не выходило изъ предѣл[illegible] кружковой дѣятельности. Понят[illegible] также, какъ незначительны б[illegible] непосредственные результаты [illegible] кружковой дѣятельности, требов[illegible] шей между тѣмъ цѣны многихъ [illegible] битыхъ жизней. Но таковъ былъ [illegible] путь, на который вступило раз[illegible] русскаго общества, послѣ того, [illegible] въ немъ обнаружилась крайняя не[illegible] статочность либеральныхъ си[illegible] послѣ того, какъ попытка «Ко[illegible] русса» оказалась еще гораздо б[illegible] утопической, чѣмъ практика подпо[illegible] ныхъ организацій.

П. Ф. Николаевъ, въ своихъ во[illegible] минаніяхъ о Чернышевскомъ, [illegible]

[1]) «Современникъ», 1864 г., № 1, статья Антоновича «Русская литература», стр. [illegible]–65.

...мнѣнія Чернышевскаго, высказанныя имъ въ Александровскомъ заводѣ, характеризуютъ его отношеніе къ вопросу о тогдашнихъ путяхъ общественной дѣятельности въ Россіи: эволюціонный путь онъ отвергалъ совсѣмъ и единственно возможнымъ признавалъ только путь рѣшительнаго перелома или катастрофы. Катастрофа, по его мнѣнію, была немыслима въ скоромъ времени, но каждый послѣдовательный человѣкъ долженъ былъ дѣлать все возможное для ея приближенія [1]). Полная невозможность рѣшительнаго перелома въ ближайшемъ будущемъ указывала на крайнюю недостаточность наличныхъ силъ, по сравненію съ предстоявшей задачей; между тѣмъ всякое дѣйствіе, стремившееся къ приближенію этого перелома, встрѣчало передъ собой препятствіе во всемъ его объемѣ. Вотъ почему всѣ первыя попытки въ этомъ направленіи, когда онѣ переходили изъ области теоріи на практическій путь, терпѣли неудачи; широко задуманные планы обрывались на первыхъ же шагахъ, несмотря на далеко незаурядныя свойства бравшихся за нихъ лицъ. Таковы были попытки «Великорусса», «Земли и Воли», казанскаго кружка. Такова же была слѣдующая по времени попытка, связанная съ такъ называемымъ каракозовскимъ дѣломъ.

Еще въ 1863 году въ Москвѣ образовался кружокъ лицъ, соединенныхъ между собою общностью стремленій. Изъ судебнаго слѣдствія видно, что изъ обнаруженныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ этому кружку, было 34, причемъ 18 изъ нихъ признались въ принадлежности къ организаціи. Во главѣ ея стояли: Н. А. Ишутинъ, П. Д. Ермоловъ, Н. П. Странденъ, Д. А. Юрасовъ, Д. В. Каракозовъ, М. Н. Загибаловъ, В. Н. Шагановъ, П. Ф. Николаевъ, И. А. Худяковъ. У организаціи были обширные планы, разсчитанные на много лѣтъ впередъ. Члены ея ставили своею ближайшею цѣлью широкую соціалистическую пропаганду путемъ образовательныхъ и артельныхъ предпріятій; они открыли переплетное заведеніе и швейную мастерскую, основали общество переводчиковъ и переводчицъ, общество взаимнаго вспомоществованія. При посредствѣ этихъ ассоціацій они вступали въ сношенія съ кружками университетской и другой молодежи, при чемъ при обсужденіи общихъ вопросовъ проводили свои взгляды и привлекали новыхъ членовъ. Было приступлено также къ пропагандѣ среди рабочаго населенія. Для этого въ селахъ и при фабрикахъ открывались школы; въ одной изъ нихъ, открытой съ разрѣшенія правительства, «преподаваніе различныхъ предметовъ клонилось къ очевидному возбужденію противъ верховной власти» [1]). Кромѣ того, организація имѣла въ виду пріобрѣсти хлопчато-бумажную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ, а также одинъ изъ Мальцевскихъ заводовъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ и преобразовать ихъ на артельныхъ началахъ. Деньги на это должны были доставить Ермоловъ...

---

1) П. Ф. Николаевъ, «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ», стр. 22—23.

1) «Сборникъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній», Базилевскаго, т. I, стр. 264.

который хотѣлъ, по достиженіи совершеннолѣтія, передать все свое состояніе въ руки организаціи. Имѣлось также въ виду основать тайную литографію, для чего уже былъ купленъ шрифтъ. Дѣлались приготовленія для поѣздки Страндена въ Сибирь, съ цѣлью освобожденія Чернышевскаго.

Большинство членовъ организаціи должно было разъѣхаться по губернскимъ городамъ, какъ только они нашли бы тамъ для себя занятіе, обезпечивающее ихъ существованіе; они должны были учреждать тамъ городскія библіотеки, сближаться съ семинаристами и съ другой молодежью, убѣждая ихъ идти въ сельскіе учителя, а также устраивать артельныя мастерскія и другія ассоціаціи [1]).

Вся эта дѣятельность носила лишь подготовительный характеръ. При достаточно широкомъ распространеніи своихъ идей, организація предполагала приступить къ политическимъ дѣйствіямъ. Но это откладывалось на будущее время; пока можно было лишь обсужденіе будущихъ плановъ на засѣданіяхъ центральнаго кружка. На одномъ изъ этихъ засѣданій въ концѣ 1865 г. Ишутинымъ былъ поднятъ вопросъ о цареубійствѣ. Нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ оно было отвергнуто совершенно, другими было признано преждевременнымъ и отложено на неопредѣленное время; одинъ только родственникъ Ишутина, студентъ московскаго университета Каракозовъ, въ краткихъ словахъ, высказалъ противоположное мнѣніе.

Вскорѣ затѣмъ Каракозовъ уѣхалъ въ Петербургъ. Члены организаціи, хорошо знавшіе характеръ Каракозова и опасавшіеся катастрофы, постарались вернуть его въ Москву; но на пасху 1866 г. онъ снова уѣхалъ тайно отъ организаціи, и 4 апрѣля произвелъ свой выстрѣлъ.

Этимъ выстрѣломъ была разрушена вся начавшаяся дѣятельность кружка. Всѣ его члены были арестованы. Слѣдствіе по каракозовскому дѣлу было поручено извѣстному Муравьеву. «Ночью съ 8-го на 9-е апрѣля начинается періодъ повальныхъ хватаній... Съ этой ночи аресты производились въ громадныхъ размѣрахъ. Брали всѣхъ и каждаго, кто только былъ отмѣченъ, чье имя было произнесено на допросѣ кѣмъ-нибудь изъ взятыхъ или находилось въ отобранной перепискѣ. Брали чиновниковъ и офицеровъ, учителей и учениковъ, студентовъ и юнкеровъ, брали женщинъ и дѣвочекъ, извозчиковъ и лавочниковъ, мировыхъ посредниковъ и мужиковъ, князей и мѣщанъ... Въ Холму (Псковской губ.) былъ арестованъ судебный слѣдователь Маликовъ, въ Калужской губ.—мировой посредникъ Бибиковъ, Голофѣевъ, въ [illegible] и секретарь мирового съѣзда Оболенскій... То же самое было въ Тверской, Нижегородской и Смоленской губерніяхъ... Первыми вопросами арестованнымъ были: не принадлежите-ли вы къ обществу нигилистовъ? Почему вы носите синіе очки? Почему вы ходите безъ кринолина? Многихъ заставляли давать письменное отреченіе—отъ чего бы вы думали? во-первыхъ, отъ лжеученій нигилизма, во-вторыхъ—отъ журнала «Современникъ», въ-третьихъ—отъ

[1]) «Объяснительная Записка» министра юстиціи Замятнина, «Былое», 1906 г., № 4, стр. 290—296.

лжеученій соціализма. Читатель, не побывавшій въ домѣ сумасшедшихъ называвшейся и называющейся московской высочайше утвержденной слѣдственной коммиссіей, вѣроятно, подумаетъ, что мы шутимъ; но та рука, которая пишетъ эти строки, подписала подобное отреченіе... Каждый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» заключалъ въ себѣ новый доносъ... Ношеніе длинныхъ волосъ или синихъ очковъ было поступкомъ, съ точки зрѣнія Каткова, близко граничащимъ съ дѣломъ государственной измѣны... Муравьевъ въ Петербургѣ выдавалъ нигилисткамъ желтые билеты. Араповъ (московскій полицмейстеръ) разослалъ по частямъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ среда, взроствшая въ своей средѣ Каракозова, заклеймила себя въ глазахъ общества, между тѣмъ на бульварахъ и улицахъ встрѣчаются личности, осмѣливающіяся носить костюмъ, присвоенный сказанной средой, то предписывается г. частному обязать подпиской всѣхъ нигилистовъ, живущихъ въ его участкѣ, не стричь волосъ, носить шиньоны и кринолины и не носить синихъ очковъ и маленькихъ круглыхъ шляпъ» [1])

Каракозовъ характеризуется въ автобіографіи Худякова [2]), какъ одинъ изъ тѣхъ людей, «у которыхъ дѣло замѣняетъ слова. На сходкахъ своего кружка онъ говорилъ меньше всѣхъ... Однажды въ Москвѣ онъ шелъ вечеромъ по улицѣ и наткнулся на будочника, съ ожесточеніемъ колотившаго извозчика. Безъ всякихъ предварительныхъ увѣщаній, Каракозовъ схватилъ будочника за шиворотъ, поднялъ на воздухъ и бросилъ въ сторону со словами: всѣхъ бы васъ перевѣшать!.. Каракозовъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ... онъ мало заботился о томъ, что о немъ скажутъ, и дѣлалъ только то, что по своимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ»...— Это былъ могучій характеръ, — пишетъ авторъ брошюры «Бѣлый Терроръ»—великій фанатикъ своей идеи, вѣчно послѣдовательный, не дѣлавшій дѣла на половину, но шедшій до конца, до послѣднихъ результатовъ».

Каракозовскій выстрѣлъ произвелъ цѣлый поворотъ во внутренней политикѣ Александра II. Программа правительства, носившая до того времени болѣе или менѣе общегосударственный характеръ, обратилась въ политику самосохраненія. Та «личная и оборонительная идея», о которой графъ П. А. Валуевъ говоритъ въ своей характеристикѣ Александра II, какъ о такой, которая «одна оставалась безпрерывно—длительной» при другихъ, имѣвшихъ лишь перемежающееся значеніе [1]),—выступила теперь впередъ и покрыла все остальное. Въ маѣ 1866 г. Александръ II издалъ рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго совѣта, князя Гагарина, гдѣ излагалъ основы новой политики. Въ основу этой политики были положены тѣ мысли, которыя были высказаны М. Н. Муравьевымъ

1) «Бѣлый терроръ», брошюра, изданная въ Лейпцигѣ въ 1866 г.

2) Написана имъ въ 1867 г., въ Верхоленскѣ, куда онъ былъ сосланъ на поселеніе.

1) «Графъ П. А. Валуевъ о [illegible] Россіи въ 1862 г.» («М[illegible]» [illegible] 1908 г., № 10, стр. 26—27). [illegible] ны краткія, но чрезвычайно интересныя замѣтки Валуева о личности и [illegible] Александра II.

не оставили имъ слѣдствія по каракозовскому дѣлу. Въ двухъ докладныхъ запискахъ Муравьевъ указывалъ на опасность, угрожавшую самодержавному правленію, и предлагалъ необходимыя мѣры. «Подъ внѣшностью общаго спокойствія и порядка,—писалъ Муравьевъ,—нѣкоторые слои общества подвергаются разрушительнымъ дѣйствіямъ вредныхъ элементовъ, выпускаемыхъ отчасти изъ извращенныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Элементы эти проникнуты самымъ крайнимъ соціализмомъ, невѣрящіе ничему, *считающіе Бога, Государя и весь существующій порядокъ за предразсудки*, образуютъ себѣ приверженцевъ, распространяющихъ въ народѣ вредныя теоріи, и создаютъ, какъ теперь выясняется, обширную сѣть, обнимающую не только обѣ столицы, но и губерніи»[1].

Во второй докладной запискѣ опасность изображалась Муравьевымъ въ еще болѣе угрожающемъ видѣ: «Грустно думать,—писалъ онъ,—что продолжительными, совокупными дѣйствіями враговъ Россіи можетъ, наконецъ, наступить тотъ моментъ, когда всѣ правительственныя усилія будутъ недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, если не будутъ приняты противъ сего послѣдовательныя энергическія правительственныя мѣры, въ особенности дѣйствующія на моральное состояніе умовъ»[2].

Мѣры, предлагаемыя Муравьевымъ, заключались въ слѣдующемъ:

Надо было сократить притязанія журналистики», а для этого «неуклонно пользоваться существующими мѣрами: предостереженіями и закрытіемъ журналовъ... *нѣсколько закрытыхъ журналовъ, нѣсколько временныхъ неудовольствій могутъ ли имѣть значеніе въ общемъ итогѣ?* Если же эти мѣры окажутся недостаточными, то необходимо измѣнить законоположенія о печати, которыя уже на первыхъ порахъ выказали свою несостоятельность. *Свобода печати несовмѣстима съ нашимъ образомъ правленія, она возможна лишь въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ она служитъ дополненіемъ свободы слова»*[1].

Далѣе предлагалось обратить особое вниманіе на направленіе учебнаго вѣдомства: «развитіе, даваемое учебнымъ вѣдомствомъ въ послѣдніе 10 лѣтъ, вмѣсто того, чтобы принести хорошіе плоды, создало, напротивъ, поколѣніе, зараженное ультрадемократизмомъ, соціализмомъ, нигилизмомъ... Личный составъ какъ преподавателей, такъ и учебнаго начальства долженъ быть поэтому значительно измѣненъ, и нельзя не прійти къ прискорбному заключенію, что *лучше на нѣкоторое время пріостановиться на пути просвѣщенія*, чѣмъ выпускать тотъ недоучившійся уродливый слой, который въ настоящее время обратилъ на себя вниманіе правительства»...

Наконецъ, слѣдовало теперь обратить особенное вниманіе на землевладѣніе и дворянство и возвысить этотъ классъ снова на ту ступень,

---

[1]) Изъ первой докладной записки: «Былое», 1907 г., № 1, стр. 236—237. Курсивъ Муравьева.

[2]) «Былое», 1907 г., № 8, стр. 197.

[1]) Курсивъ вездѣ у самого Муравьева.

которая подобаетъ для поддержанія равновѣсія въ государствѣ»[1]...

Устраненіе притязаній журналистики, пріостановка на пути просвѣщенія и поднятіе дворянскаго сословія—такова была программа новой политики, предложенная Муравьевымъ. Въ точномъ соотвѣтствіи съ этой программой, Александръ II указывалъ въ своемъ рескриптѣ на гибельныя послѣдствія, вытекавшія изъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все искони священное; затѣмъ говорилъ о необходимости воспитывать юношество въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и коренныхъ началахъ общественнаго порядка и, наконецъ, подчеркивалъ спасительную роль «тѣхъ охранительныхъ и благонадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна, и досели, благодаря Бога, преизобилуетъ»[2].

Мы видимъ, что рескриптъ повторяетъ тѣ именно мысли, какія были высказаны Муравьевымъ. Соотвѣтственно этимъ мыслямъ послѣдовали правительственныя мѣропріятія.

Журналы радикальнаго направленія «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты: писатели радикальнаго лагеря: Лавровъ, Соколовъ и Зайцевъ, были арестованы и высланы административно въ сѣверныя губерніи, откуда вынуждены были эмигрировать. Книга Соколова «Отщепенцы» и книга Худякова «Древняя Русь» были уничтожены. Цензура задерживала впослѣдствіи даже такое сочиненіе какъ «Утилитаризмъ» и «О свободѣ» Милля, «Душа человѣка и животныхъ» Вундта, «Рефлексы головного мозга» Сѣченова. Новый министръ просвѣщенія Д. А. Толстой, при содѣйствіи Каткова и Леонтьева, добился отъ Александра II (вопреки мнѣнію большинства членовъ государственнаго совѣта) введенія въ гимназіи системы классическаго образованія, разсчитаннаго на пониженіе уровня умственнаго развитія и на болѣе трудный доступъ въ университеты. Судебныя учрежденія, какъ извѣстно, на первыхъ же порахъ и теряли тотъ характеръ независимости, который предполагалось обезпечить за ними по уставамъ 1864 г. Земскія учрежденія, благодаря ряду слѣдовавшихъ одинъ за другимъ указовъ, были лишены даже тѣни самоуправленія. По настоянію новаго шефа жандармовъ Шувалова, они были подчинены губернаторамъ (мнѣніе комитета министровъ, утвержденное Александромъ II 22 іюля 1866 г.): закономъ 21 ноября 1866 г. у нихъ было отнято право обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій; правилами 13 іюля 1867 г. предсѣдатели земскихъ собраній, которыми являлись предводители дворянства, получили право, подъ личной отвѣтственностью, снимать съ обсужденія любой вопросъ, поднятый на засѣданіи; тѣми же правилами было запрещено печатать безъ разрѣшенія губернскаго начальства отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній; наконецъ, у земства было отнято завѣдываніе школами въ томъ, что касалось всей ихъ учебной части.

Словомъ, дѣйствовала та система

[1] Изъ первой докладной записки; «Былое», 1907 г., № 1, стр. 238, 239, 240.

[2] И. Гуревичъ, «Къ характеристикѣ Россіи 60-хъ годовъ»; историческій сборникъ «О минувшемъ», стр. 190.

послѣдовательныхъ и энергическихъ мѣръ Муравьева, которая не должна была стѣсняться соображеніями права и общественной пользы («нѣсколько временныхъ неудовольствій могутъ ли имѣть значеніе въ общемъ итогѣ?»). Прогрессивная дѣятельность въ рамкахъ правительственныхъ реформъ, за которую было жадно ухватились люди умѣренно-либеральнаго лагеря, была настолько затруднена, насколько только было возможно затруднить ее путемъ административнаго давленія. «Люди, воодушевленные когда-то освободительными идеями начала царствованія, мечтавшіе о свѣтломъ будущемъ своего отечества и о свободной, широкой общественной дѣятельности, теперь на все махнули рукой, ушли въ частную, домашнюю жизнь и уклонялись даже отъ участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ виду того жалкаго, зависимаго положенія, въ которое были поставлены стараніями Валуева и Тимашева вновь созданныя земскія и городскія учрежденія»[1].

Эту характеристику общественнаго настроенія конца 60-хъ годовъ, исходящую отъ писателя, относящагося отнюдь не враждебно къ дѣятелямъ умѣренно-либеральнаго лагеря, слѣдуетъ признать безусловно правильной. Въ широкихъ общественныхъ слояхъ, дѣйствительно, наступила тогда мертвая полоса. Эпоха 60-хъ годовъ пронеслась, не оставивъ политическихъ результатовъ. Тѣ политическія надежды, которыми жили умѣренно-либеральные люди 40-хъ и 60-хъ годовъ, смѣнились теперь разочарованіемъ и апатіей.

Легальная общественная дѣятельность фактически стала невозможной, но, тѣмъ не менѣе, существовало теченіе, широко распространенное въ либеральныхъ кругахъ, которое признавало и допускало только программу легальной общественной дѣятельности. Это теченіе группировалось вокругъ «Вѣстника Европы», начавшаго выходить съ 1866 г. подъ редакціей Стасюлевича. Программа его имѣла въ виду постепенный переходъ къ правовому порядку путемъ воздѣйствія на государственную жизнь наиболѣе образованныхъ, установившихся и уравновѣшенныхъ общественныхъ элементовъ. Это была старая программа Кавелина. Она была построена не на фактическомъ положеніи вещей, а на представленіи объ идейной сущности судебной и земской реформъ, на томъ значеніи, какое онѣ должны были бы получить въ томъ случаѣ, если бы проводились въ интересахъ либеральной партіи. Судъ, вполнѣ независимый отъ администраціи, и широкое земское самоуправленіе могли бы въ такомъ случаѣ служить переходными ступенями къ установленію правового порядка безъ общественныхъ потрясеній. Но мы видѣли, что практически эта программа безплодно разбивалась о проводимый съ неуклонной послѣдовательностью принципъ административнаго господства. Такимъ образомъ фактически господствующее начало обращалось въ чисто-теоретическое построеніе. Со строгой объективностью, съ запасомъ неопровержимыхъ аргументовъ, «Вѣстникъ Европы» отстаивалъ научныя основы пра-

[1] А. Корниловъ, «Общественное движеніе при Александрѣ II», «Минувшіе Годы», 1908 г., № 9, стр. 265.

...рой и правильной постановки городского и земскаго хозяйства,— въ противовѣсъ той государственной системѣ, которая руководилась собственными, присущими ей интересами, и во имя этихъ присущихъ ей собственныхъ интересовъ сознательно жертвовала какъ интересами правосудія, такъ и интересами правильной постановки земскаго и городского хозяйствъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» въ свое время было напечатано много основательныхъ статей въ защиту реальнаго образованія противъ классическаго, съ точки зрѣнія умственнаго развитія подростающихъ поколѣній; но эта защита безслѣдно разбивалась о непреодолимую преграду той государственной системы, которая въ дѣлѣ народнаго образованія руководилась муравьевскимъ правиломъ: лучше на нѣкоторое время пріостановиться на пути просвѣщенія, чѣмъ выпускать людей извѣстнаго умственнаго склада. Получалось такое положеніе: одна сторона прилагала искренніе старанія, чтобы доказать другой сторонѣ правильность своихъ взглядовъ съ той именно точки зрѣнія, противъ которой эта другая сторона вела неуклонную, не останавливающуюся ни передъ чѣмъ борьбу.

Какъ ни была трудна и далека отъ осуществленія программа легальной общественной дѣятельности, но она имѣла то преимущество, что видѣла передъ собой хоть узкую тропинку, ведущую впередъ; она не упиралась въ глухую стѣну. По этой узкой тропинкѣ, среди роковыхъ неудачъ, продолжала медленно двигаться извѣстная часть интеллигенціи, закрывая глаза на опасность, видя передъ собой только тѣ далекіе идеалы, во имя которыхъ она шла. Образованные слои общества, въ той ихъ части, которая была одушевлена прогрессивными задачами, раздѣлились такимъ образомъ на два теченія: одно, состоявшее преимущественно изъ представителей старшихъ поколѣній, заняло выжидательное положеніе: не отказываясь отъ идеи правового порядка, но не видя вокругъ себя достаточно силъ, чтобы начать политическую борьбу, оно ждало событій, ждало результатовъ общественной эволюціи, которые выдвинули бы его на политическую сцену. Другое теченіе, рекрутировавшееся преимущественно изъ среды университетской молодежи, благодаря интенсивности охватывавшаго его общественнаго настроенія, не было способно сохранить пассивное положеніе; оно шло на проломъ и активно вмѣшивалось въ общественную жизнь.

Задачи этой болѣе активной части прогрессивно-настроенныхъ элементовъ общества выходили изъ круга чисто-политическихъ вопросовъ и связывались съ идеалами экономическаго переустройства, но непосредственные результаты ея дѣятельности отражались прежде всего на политическихъ условіяхъ, обостряя взаимныя отношенія правительства и оппозиціонныхъ группъ, вызывая усиленіе реакціи, а иногда создавая также моменты, благопріятные для попытокъ вмѣшательства со стороны либеральной партіи.— Такова общая картина русской общественной жизни за періодъ конца 60-хъ и 70-хъ годовъ. На фонѣ господства извѣстной государственной системы, руководившейся присущими ей тенденціями, пробн-

валась, сначала очень узкая, но постепенно расширявшаяся, никогда не прерывавшаяся струя революціоннаго теченія. Боровшіяся съ этимъ теченіемъ правительственныя силы, кромѣ мѣръ, направленныхъ непосредственно противъ него, прибѣгали къ мѣрамъ общаго характера, «дѣйствующимъ на моральное настроеніе умовъ»,—по выраженію Муравьева. Внутренняя политика русскаго правительства, начиная съ 1862 г., но особенно послѣ событія 1866 г., опредѣлялась прежде всего необходимостью бдительнаго и неуклоннаго противодѣйствія той надвигавшейся опасности, которая, по совершенно вѣрному замѣчанію того же Муравьева, могла быть задержана только одними репрессивными мѣрами. Репрессивныя мѣры были направлены какъ противъ революціоннаго теченія, такъ и противъ той либеральной оппозиціи, которая началась немедленно же вслѣдъ за открытіемъ земскихъ учрежденій и которая стала бы быстро укрѣпляться, если бы не была остановлена рядомъ вышеупомянутыхъ ограничительныхъ указовъ. «Для того же, чтобы положить предѣлъ враждебнымъ демонстраціямъ различныхъ собраній и пріучить ихъ къ уваженію и нѣкоторой боязни правительства,—писалъ Муравьевъ въ своей первой докладной запискѣ,—необходимо сдѣлать отвѣтственными за ихъ направленіе лица, руководящія ими. Положеніе вещей, при которомъ со всѣхъ сторонъ преслѣдуютъ правительство съ полной безнаказанностью и требуютъ отъ него того, что противно его началамъ, не можетъ быть терпимо далѣе, потому что такое положеніе быстро поведетъ къ измѣненію основъ, на которыхъ покоится самодержавіе».

Легко видѣть, слѣдовательно, что всѣ тѣ реакціонныя правительственныя мѣропріятія, которыя должны были парализовать политическое значеніе дарованныхъ реформъ, были вызваны не какими-либо колебаніями въ настроеніи правящихъ сферъ, не какими-либо недоразумѣніями или заблужденіями съ ихъ стороны, а со строгой послѣдовательностью вытекали изъ стремленія сохранить въ неприкосновенности основы даннаго государственнаго порядка.

ГЛАВА II.

Семидесятые годы.

I.

Идейныя теченія конца 60-хъ годовъ. Писаревъ.

Необходимо замѣтить, что новыя идейныя теченія, возникавшія за всю разсматриваемую эпоху, т. е. начиная съ 60-хъ годовъ, имѣли отношеніе лишь къ новымъ поколѣніямъ, примыкавшимъ къ тому движенію, которое искало новыхъ путей, вносило новые идейные элементы въ процессъ общественной жизни. Что касается либеральнаго теченія, то оно не нуждалось ни въ какомъ новомъ идейномъ руководительствѣ; оно слѣдовало обычнымъ, твердо установленнымъ, теоретическимъ нормамъ западно-европейской политической жизни. Сторонники его не выходили въ своихъ общественныхъ стремленіяхъ изъ рамокъ западно-европейскаго индивидуалистическаго міросозерцанія; они не

подчиняли своей личной жизни велѣніямъ общественныхъ требованій; имъ не приходилось останавливаться передъ вопросомъ о столкновеніи между требованіями личнаго благосостоянія или семейныхъ привязанностей —съ одной стороны, и требованіями общественнаго долга—съ другой. Поэтому тѣ идейныя теченія, о которыхъ будетъ итти теперь рѣчь и которыя имѣли огромное значеніе въ жизни и дѣятельности представителей соціалистическаго лагеря, не могли задѣть сколько-нибудь глубоко представителей умѣренно либеральнаго лагеря, вызывая съ ихъ стороны скорѣе лишь любопытство или, быть можетъ, даже недоумѣніе.

Всѣ общественныя теоріи, исходившія изъ соціалистическаго лагеря, были связаны съ вопросами общественной этики. Мы видѣли, что Добролюбовъ требовалъ отъ общественнаго дѣятеля, чтобы онъ сталъ «выше этого общества», чтобы онъ «беззавѣтно и всецѣло отдался своимъ чистымъ стремленіямъ, не оглядываясь назадъ, не увлекаясь соблазнами міра, не боясь ни гоненій, ни пытки, ни смерти». Существуетъ мнѣніе, что Чернышевскій и Добролюбовъ, при обоснованіи мотивовъ общественной дѣятельности, держались теоріи правильно понятой личной выгоды; но это мнѣніе совершенно ошибочно; теорія правильно понятой личной выгоды примѣнялась ими лишь исключительно къ вопросамъ *личной* жизни, или къ вопросамъ, не выходящимъ изъ круга обыденныхъ житейскихъ интересовъ. Въ романѣ «Что дѣлать» Чернышевскій излагалъ свое мнѣніе о томъ, какъ эта личная, обыденная жизнь могла быть построена на болѣе разумныхъ основаніяхъ, на болѣе правильныхъ представленіи о собственныхъ интересахъ. Но въ томъ же романѣ Чернышевскій, какъ извѣстно, спеціально противопоставляетъ «обыкновенныхъ порядочныхъ людей новаго поколѣнія», какихъ онъ встрѣчалъ цѣлыми сотнями, тѣмъ людямъ высшаго типа, какихъ онъ, напротивъ того, встрѣчалъ очень мало и надъ которыми, какъ онъ говоритъ, любилъ смѣяться: «И дѣйствительно, въ нихъ было много забавнаго; все главное въ нихъ и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы»[1]). Главныя дѣйствующія лица его романа: Вѣра Павловна, Лопуховъ и Кирсановъ, руководившіяся во всѣхъ своихъ поступкахъ соображеніями личнаго счастья, не представляютъ въ его глазахъ ничего особеннаго. Чтобы быть такими людьми, «жертвы не требуется, лишеній не спрашивается, ихъ не нужно. Желайте быть счастливыми—только это желаніе и нужно»[2]).

Но эта теорія правильно понятой личной выгоды, вполнѣ достаточная для устройства личнаго счастья, не могла служить объясненіемъ мотивовъ той общественной дѣятельности, для которой требовались и лишенія и жертвы. Чернышевскій смѣялся надъ людьми, обрекавшими себя на эти лишенія и жертвы, именно потому, что они переворачивали вверхъ дномъ тѣ правила и нормы, которыми руководились люди въ своей обычной жизни.

Но ни Чернышевскій, ни Добролюбовъ, хотя они часто говорили о требованіяхъ общественнаго долга, не

---

1) «Что дѣлать?». Полное собр. соч., т. IX. стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 212.

останавливались на практическихъ обобщеніяхъ въ области этого вопроса, или же разсматривали его теоретически и не оставили никакой своей формулировки мотивовъ общественной дѣятельности.

Вслѣдъ за исчезновеніемъ Добролюбова и Чернышевскаго, наступила полоса писаревскаго вліянія. Писаревъ всю свою публицистику построилъ на томъ именно вопросѣ, чѣмъ долженъ руководствоваться человѣкъ при выборѣ имъ общественной дѣятельности. И вотъ для объясненія этого выбора Писаревъ всецѣло примкнулъ къ теоріи личной пользы. Искусственность такого построенія не замѣчалась Писаревымъ только потому, что онъ не признавалъ никакихъ другихъ видовъ общественной дѣятельности, кромѣ той или иной отрасли умственнаго труда, удовлетворяющаго требованіямъ личнаго счастья — при одномъ только условіи, чтобы она не противорѣчила требованіямъ высшей идеи: «Очень многія отрасли труда,—писалъ онъ,—находятся въ полномъ согласіи съ самыми строгими требованіями идеи. Которую же изъ этихъ отраслей долженъ выбрать себѣ молодой человѣкъ? И здѣсь интересы общества сходятся съ интересами личности. Пусть молодой человѣкъ выбираетъ себѣ то, что ему всего пріятнѣе. Тогда, и именно только тогда, онъ, наслаждаясь процессомъ своего труда, принесетъ обществу такое количество пользы, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ размѣрамъ его личныхъ способностей»[1]).

Писаревъ, какъ извѣстно, очень увлекался фигурой Базарова въ Тургеневскомъ романѣ «Отцы и дѣти». Онъ нашелъ въ немъ свой идеалъ человѣка той эпохи. И вотъ, подобно Базарову, онъ не допускалъ для того времени возможности какого-бы то ни было вида общественной борьбы.

«Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ,—писалъ онъ,—это (новое) поколѣніе сходилось съ лучшими людьми предыдущаго; симпатіи и антипатіи у нихъ были общія; желали они одного и того же; но люди прошлаго метались и суетились, надѣясь гдѣ-нибудь пристроиться и какъ-нибудь, втихомолку, урывками, незамѣтно влить въ жизнь свои честныя убѣжденія. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищутъ, нигдѣ не пристраиваются, не поддаются ни на какіе компромиссы и ни на что не надѣются. Въ практическомъ отношеніи они такъ же безсильны, какъ и Рудины, но они сознали свое безсиліе и перестали махать руками. «Я не могу дѣйствовать теперь, —думаетъ про себя каждый изъ этихъ новыхъ людей,— не стану и пробовать; я презираю все, что меня окружаетъ, и не стану скрывать этого презрѣнія. Въ борьбу со зломъ пойду тогда, когда почувствую себя сильнымъ... Я чужой среди существующаго порядка вещей, и мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Занимаюсь я хлѣбнымъ ремесломъ, думаю — что хочу, и высказываю—что можно высказывать»[1]).

Этотъ взглядъ на полную невозможность какой бы то ни было общественной борьбы для даннаго времени связывался у Писарева съ его общимъ представленіемъ о главной причинѣ всѣхъ

---

[1]) «Реалисты», собр. соч., изд. Павленкова, 1899 г., т. IV, стр. 67.

[1]) «Базаровъ», собр. соч., т. II, стр. 387.

ственныхъ бѣдъ. Причину эту онъ видѣлъ въ умственномъ невѣжествѣ русскаго общества, въ отсутствіи въ немъ среди необходимыхъ научныхъ свѣдѣній: «Пока наука—писалъ онъ,—не перестанетъ быть барской роскошью, пока она не сдѣлается насущнымъ хлѣбомъ каждаго здороваго человѣка, пока она не проникнетъ въ голову ремесленника, фабричнаго работника и бѣднаго мужика, до тѣхъ поръ бѣдность и безправность трудящейся массы будутъ постоянно усиливаться, несмотря ни на проповѣди моралистовъ, ни на подаянія филантроповъ, ни на выкладки экономистовъ, ни на теоріи соціалистовъ. Есть въ человѣчествѣ только одно зло—невѣжество; противъ этого зла есть только одно лекарство—наука»[1]).

При такомъ упрощенномъ пониманіи механизма соціальныхъ отношеній «мыслящимъ реалистамъ» не оставалось, конечно, ничего другого, какъ только ждать болѣе благопріятнаго времени: что вы будете дѣлать съ рабочими массами, когда онѣ лишены даже «сознательнаго чувства самосохраненія»? «Когда простой человѣкъ, оставаясь простымъ и темнымъ, входитъ въ близкія и ежедневныя сношенія съ промышленными чудесами, тогда его положеніе становится уже изъ рукъ вонъ плохо... Машины, какъ снѣгъ на голову, сваливаются изъ высшихъ сферъ умственнаго труда въ такую темную и жалкую среду, которая рѣшительно ничѣмъ не подготовлена къ ихъ принятію. Простой работникъ слишкомъ необразованъ, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ повелителемъ машины: поэтому онъ немедленно становится ея рабомъ»[1]).

Когда рабочія массы становятся рабами не въ силу извѣстныхъ внѣшнихъ условій, господствующихъ надъ ними, а въ силу своего собственнаго умственнаго невѣжества, то помочь непосредственно такому положенію оказывается невозможнымъ. Тогда эти рабочія массы «составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало... Это—туманное пятно, изъ котораго выработаются новые міры, но о которомъ до сихъ поръ рѣшительно нечего говорить... Такимъ образомъ самый реальный трудъ, приносящій самую осязательную и неоспоримую пользу, остается внѣ области реализма, внѣ области практическаго разума, въ тѣхъ подвалахъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли. Что же намъ дѣлать съ этими подвалами? Покуда приходится оставить ихъ въ покоѣ и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда...»[2])

Оставить въ покоѣ эти подвалы значило, въ глазахъ Писарева, отложить попеченіе даже насчетъ возможности распространенія просвѣщенія въ массахъ путемъ воздѣйствія на нихъ честныхъ и развитыхъ людей. Этотъ путь, по его мнѣнію, былъ ошибоченъ. Надо было дѣйствовать исключительно на образованные классы общества: надо было увеличить число мыслящихъ людей въ тѣхъ классахъ общества, которые называются образованными. Въ этомъ вся задача. Въ этомъ альфа и

---

¹) [illegible], собр. соч., т. IV, стр. 128.

¹) Ibid., стр. 126.

²) Ibid., стр. [illegible].

смысла общественнаго прогресса. Если вы хотите образовать народъ, возвышайте уровень образованія въ цивилизованномъ обществѣ[1]).

Подобно тому, какъ эксплуатируемыя рабочія массы являлись жертвами не внѣшнихъ условій, не извѣстной внѣшней обстановки ихъ труда, а своего собственнаго невѣжества, такими же жертвами своего невѣжества являлись, въ глазахъ Писарева, также и эксплуататоры-капиталисты. Не ихъ классовое положеніе, не привычки и тенденціи, неразрывно связанныя съ обладаніемъ средствами производства, а исключительно недостаточность образованія дѣлали изъ нихъ враговъ рабочаго класса: «У капиталиста есть умъ и богатство. Эти два преимущества обезпечиваютъ за нимъ господство надъ трудомъ. Но господство это, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть вредно или полезно для народа. Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полуобразованіе,—онъ сдѣлается піявкой. А дайте ему полное, прочное, чисто человѣческое образованіе,—и тотъ же самый капиталистъ сдѣлается не благодѣтельнымъ филантропомъ, а мыслящимъ и разсчетливымъ руководителемъ народнаго труда, т.-е. такимъ человѣкомъ, который во сто разъ полезнѣе всякаго филантропа. Откройте умному человѣку доступъ къ тѣмъ сильнѣйшимъ наслажденіямъ, которыя мы находимъ въ умственномъ трудѣ и въ полезной дѣятельности, и этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ—милліонеръ или пролетарій, непремѣнно пристрастится къ этимъ наслажденіямъ и непремѣнно пойметъ, что быть превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ пріятнѣе, чѣмъ извлекать изъ своего капитала какіе бы то ни было жидовскіе проценты. Разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда—значитъ открыть трудящемуся большинству дорогу къ широкому и плодотворному умственному развитію. А чтобы выполнить эти двѣ задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность народа, надо дѣйствовать исключительно на образованные классы. Судьба народа рѣшится не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ»[1]).

Этими взглядами, всего болѣе примыкающими къ теоріямъ общественной гармоніи идеологовъ буржуазіи, исчерпывалось общественное міросозерцаніе Писарева. Проповѣдью умственнаго труда и необходимости распространенія естественно-научныхъ знаній исчерпывалось все то, что онъ внесъ въ сокровищницу русской общественной мысли. По сравненію съ извѣстными намъ взглядами Чернышевскаго и Добролюбова, примыкавшими къ западно-европейскому умственному движенію, стоявшими на высотѣ современной соціалистической мысли, это былъ большой шагъ назадъ. Идея общественныхъ противорѣчій, вытекающихъ изъ условій экономическаго положенія, смѣнялась теоріей общественной гармоніи на почвѣ всемогущества научныхъ знаній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Писаревъ не признавалъ себя сторонникомъ буржуазной экономической школы. Напротивъ, въ вопросахъ экономіи онъ считалъ себя послѣдователемъ

---

[1]) «Реалисты», собр. соч., т. IV, стр. [illegible].

[1]) «Реалисты», собр. соч., т. IV, стр. [illegible]

Чернышевскаго. Въ своей полемикѣ съ Антоновичемъ, онъ упрекаетъ его въ излишней приверженности къ Миллю и ссылается на статью Соколова о книгѣ Рошера, написанную въ рѣзко-враждебномъ тонѣ по отношенію къ буржуазнымъ экономистамъ[1]). Не обладая большимъ запасомъ знаній, отличаясь не столько силой ума, сколько смѣлостью мысли, Писаревъ создавалъ свои собственныя соціологическія концепціи, въ которыхъ приходилъ къ выводамъ о полезной роли капиталистовъ, какъ мыслящихъ руководителей народнаго труда, и о роли умственнаго труда, какъ основы соціальнаго возрожденія.

Но эти «промахи незрѣлой мысли» относились лишь къ области представленій о положительной дѣятельности; во всемъ, что касалось критики существующаго строя, вліяніе Писарева продолжало прежнюю разрушительную работу 60-хъ годовъ. Повторяемъ, что даже въ области экономики Писарева ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать писателемъ буржуазнаго лагеря: рабочій вопросъ онъ считалъ первымъ и единственнымъ вопросомъ своей эпохи: «Конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка, —писалъ онъ,— состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о раздѣтыхъ и голодныхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать». Объ эпохѣ буржуазнаго господства онъ говоритъ, какъ о такомъ вѣкѣ, когда «средневѣковые костры и плахи смѣнились несклько-всякими общеполезными учрежденіями для производства умалишенныхъ, а феодальныя права уступили мѣсто мануфактурному пауперизму». Въ той же самой статьѣ о «реалистахъ», гдѣ онъ пишетъ, что «оживить народный трудъ, дать ему здоровое и разумное направленіе, внести въ него необходимое разнообразіе, увеличить его производительность...— все это дѣло образованныхъ и достаточныхъ классовъ общества, и никто, кромѣ этихъ классовъ, не можетъ ни взяться за дѣло, ни привести его въ исполненіе»[1]),—онъ блестяще развиваетъ идею общественной солидарности, необходимости для честнаго человѣка не оказаться передъ обществомъ въ положеніи «несостоятельнаго должника или злостнаго банкрота»[2]).

Этими положительными чертами, а также блестящимъ литературнымъ талантомъ Писарева объясняется то вліяніе, какое онъ имѣлъ на своихъ читателей. Но тѣмъ не менѣе на послѣдователяхъ Писарева лежалъ все-таки свой особый отпечатокъ. Подъ его главнымъ вліяніемъ создался среди молодежи типъ такъ называемаго «нигилиста», вызвавшій въ свое время большіе толки въ печати. Прототипомъ нигилиста послужилъ все тотъ же тургеневскій Базаровъ. Какъ талантливый художникъ, Тургеневъ сумѣлъ придать Базарову привлекательныя свойства большой внутренней силы; но не раздѣляя и даже не понимая взглядовъ Чернышевскаго и Добролюбова, Тургеневъ лишилъ своего Базарова всей положительной стороны ихъ міросозерцанія—вѣры въ народныя массы.

---

[1]) «Немзрѣлая...», собр. соч., т. V, стр. 379.

[1]) Собр. соч., т. IV, стр. 131.
[2]) Ibid., стр. 121—124.

Базаровъ вмѣстѣ со всей русской книзнью презираетъ также и мужика: по его мнѣнію, всѣ разговоры о какихъ-то высшихъ общественныхъ задачахъ для Россіи совершенно неумѣстны. «Когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ обокрасть самого себя, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ»[1]). И вотъ, находясь въ такой полудикой странѣ съ небольшимъ числомъ единомышленниковъ, Базаровъ не видитъ возможности приняться за какую-нибудь общественную дѣятельность и остается изолированнымъ, замкнутымъ въ свое гордое презрѣніе. Множество подражателей Базарова, открыто признаннаго Писаревымъ за типичнаго представителя новаго поколѣнія, усваивали себѣ его главныя отличительныя черты, т. е. усваивали лишь тѣ черты отрицанія, которыя касались области мелкихъ общественныхъ предразсудковъ: демократическія привычки, презрѣніе къ барству, отрицаніе эстетики. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эти черты доходили до крайности, превращались въ культъ длинныхъ или стриженыхъ волосъ, синихъ очковъ, высокихъ сапоговъ. Такимъ образомъ создался типъ нигилиста середины 60-хъ годовъ, усиленно подчеркивавшаго одними внѣшними признаками свое отрицательное отношеніе къ окружающему. «Я демократъ-говоритъ вамъ вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка. Я нигилистъ и не имѣю никакихъ предразсудковъ-говоритъ вамъ другой вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня и ночи выбѣжитъ голый на улицу»[1]).

Полоса писаревскаго вліянія относится къ тому времени, когда замолкли голоса крупныхъ представителей соціалистической мысли и когда ихъ идеи еще не успѣли достаточно глубоко проникнуть въ сознаніе русской интеллигенціи. То обстоятельство, что статьи Писарева находили среди нея восторженныхъ поклонниковъ и что эти поклонники считали себя въ то же самое время послѣдователями Чернышевскаго и Добролюбова, не замѣчая той пропасти, которая раздѣляла взгляды Писарева на сущность общественнаго положенія рабочихъ массъ отъ взглядовъ Чернышевскаго и Добролюбова—показываетъ, что главныя теоретическія основы статей Чернышевскаго и Добролюбова—вся соціалистическая основа ихъ міросозерцанія—не была еще достаточно понимаема тогда. Позднѣе, къ началу 70-хъ годовъ, первенствующая роль Писарева исчезла; за его сочиненіями осталось значеніе

---

[1]) Собр. соч. Тургенева, изд. 1891 г., т. II, стр. 59—60.

[1]) Щедринъ, «Наша общественная жизнь», «Современникъ», 1864 г., № 3, стр. 60. Между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», гдѣ Писаревъ печаталъ свои статьи, велась рѣзкая и грубая полемика. Въ грубости выраженій пальма первенства принадлежала «Современнику». «Вислоухими» Щедринъ называлъ идейныхъ [illegible] нигилизма, т.-е. Писарева и Зайцева.

лишь орудія первоначальнаго пробужденія мысли, пробужденія идеи умственнаго развитія, какъ необходимаго спутника общественной дѣятельности. Напротивъ того, вліяніе сочиненій Добролюбова и особенно Чернышевскаго съ годами все болѣе и болѣе усиливалось. Его примѣчанія къ политической экономіи Милля и статьи объ общинномъ землевладѣніи были настольными книгами молодежи того времени, составляли необходимую принадлежность всѣхъ кружковыхъ библіотекъ. Сочиненія Прудона, Луи Блана, Лассаля, не открывали для нея новыхъ горизонтовъ, они служили лишь дополненіемъ и развитіемъ прочно усвоеннаго міросозерцанія, выработавшагося теоретически на сочиненіяхъ самаго замѣчательнаго изъ представителей русской соціалистической мысли.

Но мы уже говорили, что въ сочиненіяхъ Чернышевскаго и Добролюбова еще не была достаточно разработана субъективная сторона соціализма, еще не было установлено точной и опредѣленной связи между требованіями соціализма, какъ объективными выводами изъ экономическаго положенія рабочихъ массъ, и мотивами той общественной дѣятельности, которая ставитъ своей задачей осуществленіе этихъ требованій при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Чернышевскій часто упоминалъ въ своихъ статьяхъ о справедливости; о «присущемъ всѣмъ народамъ стремленіи къ правдѣ и всему хорошему»; о любви къ благу родины»; объ убѣжденіяхъ, «возникающихъ изъ сознанія добра и благосостоянія людямъ»[1]) и т. д.; мы видѣли, что Добролюбовъ также говорилъ о тѣхъ высокихъ нравственныхъ свойствахъ, которыя были необходимы для общественнаго дѣятеля. Но все это говорилось въ самыхъ общихъ чертахъ, въ обычныхъ, общепринятыхъ терминахъ, внѣ всякой связи съ теоретическимъ обоснованіемъ какъ происхожденія общественныхъ стремленій, такъ и роли ихъ въ историческомъ процессѣ.

Объективныя требованія соціализма были получены путемъ изслѣдованія законовъ экономической жизни, законовъ производства и распредѣленія матеріальныхъ богатствъ на почвѣ извѣстныхъ историческихъ условій. Теперь необходимо было перейти къ динамикѣ соціализма, т.-е. дать научное объясненіе тому теченію или тѣмъ теченіямъ въ процессѣ общественной жизни, которыя приведутъ къ коренному ея переустройству на основахъ соціализма.

Теорія экономическаго матеріализма, придающая процессу соціалистическаго переустройства вполнѣ объективный характеръ и выводящая его изъ эволюціи экономическихъ условій, была мало извѣстна въ Россіи къ концу 60-хъ годовъ, а когда стала извѣстна, то не была усвоена и не оказала почти никакого вліянія на русское соціалистическое движеніе вплоть до второй половины 80-хъ годовъ; широкое распространеніе она получила лишь къ началу 90-хъ годовъ. Но параллельно съ этой теоріей вырабатывалось ученіе объ об[illegible]-

---

1) Собр. соч., т. IV, стр. 462; т. VI, стр. 347—348; т. III, стр. 646—647; т. IV, стр. 418; т. II, стр. 122.

помъ движенія субъективной школы, имѣвшее, напротивъ того, большое руководящее вліяніе въ теченіе всего разсматриваемаго періода. Главнѣйшими теоретиками въ этой области были П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій.

II

Лавровъ.

У Лаврова, собственно говоря, не было теоріи прогресса въ видѣ какой-нибудь формулы, указывающей на опредѣленный ходъ событій; все его утвержденіе сводилось лишь къ доказательству *возможности* прогресса при извѣстныхъ условіяхъ. «Говоря о прогрессѣ, — писалъ онъ, — никому не слѣдуетъ думать, что онъ рѣшаетъ вопросъ: какъ *дѣйствительно* совершается теченіе событій, каковъ естественный законъ исторіи?... Теорія прогресса даетъ нравственную оцѣнку совершившимся событіямъ исторіи, указываетъ нравственную цѣль, къ которой должна идти критически-мыслящая личность, если она хочетъ быть прогрессивнымъ дѣятелемъ... Будетъ или не будетъ осуществленъ прогрессъ въ его окончательныхъ задачахъ—это неизвѣстно, какъ неизвѣстно было Боклю, кончитъ ли онъ свою исторію и Конту, кончитъ ли онъ свой курсъ позитивной философіи. Это—возможности, случайности, не имѣющія ни малѣйшаго значенія для мыслителя, который принимается за свой трудъ... Точно такое же отношеніе критическихъ личностей къ теоріи прогресса... Существуетъ ли законъ природы или нѣтъ, ведущій къ нравственному прогрессу—это не касается личности, которая въ настоящую минуту все равно знать этого не можетъ. Все, что совершится независимо отъ ея воли, для нея есть лишь орудіе, среда, предметъ объективнаго знанія, но не должно вліять на ея нравственныя стремленія. Ей нечего надѣяться, что олимпійцы помогаютъ ея стремленіямъ, или бояться, что они завистливо смотрятъ на ея самостоятельную дѣятельность.... Вырабатывай убѣжденіе и воплощай его—вотъ все, что нужно знать. Прогрессъ не есть движеніе необходимое и непрерывное. Необходима только оцѣнка историческаго движенія съ точки зрѣнія прогресса, какъ конечной цѣли». [1]).

Или еще: «Въ пониманіе прогресса входитъ, какъ умственный элементъ, сознаніе, что онъ никогда не совершается и не могъ совершиться самъ собой, безсознательно; что внѣ усилія личности понять и осуществить лучшее, могло совершиться лишь повтореніе прежняго, могли господствовать лишь рутина и привычка, могъ установиться лишь застой; что лишь энергическая работа личной мысли снова и снова вноситъ критику въ общественныя міросозерцанія, которыя сами собой, естественнымъ путемъ обращаются безъ этого въ кристаллизованное преданіе; что лишь непрестанныя и хотя бы въ малой долѣ удачныя усилія убѣжденныхъ личностей могли сгруппировать около нихъ борцовъ за прогрессъ въ организованную общественную силу, способную отстоять свое знамя въ борьбѣ съ другими общественными тенденціями, побороть эти тенденціи и отвоевать себѣ у застоя и у индифферентизма

1) «Историческія письма», женевск. изд. 1891 г., стр. 255—256.

хотя бы весьма небольшую долю потока для дальнѣйшаго прогресса[1]).

Или еще: «Для насъ прогрессъ есть *возможное* направленіе историческаго теченія событій къ лучшему, какъ мы его понимаемъ, за тотъ періодъ времени, который *мы можемъ* охватить умственнымъ взглядомъ. Для насъ борьба за прогрессъ есть обязательное содѣйствіе этому возможному направленію, которое, какъ *возможное* лишь, могло бы, насколько мы понимаемъ, замѣниться и совсѣмъ противоположнымъ направленіемъ, слѣдовательно нуждается въ содѣйствіи всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ его такъ, а не иначе. Пессимизмъ и оптимизмъ со своими общими соображеніями остаются совершенно внѣ той теоріи прогресса, которая намъ нужна для нашей практики»[2]).

Согласно этой теоріи, прогрессъ есть результатъ дѣятельности *критически-мыслящихъ* личностей. Критически мыслящія личности вторгаются со своими идеалами въ неподвижную или индифферентную общественную среду и стремятся сообщить общественной жизни желательное имъ направленіе. Собственно говоря, внѣ этой дѣятельности, согласно данному взгляду, не существуетъ никакихъ общественныхъ перемѣнъ, которыя представляли бы движеніе впередъ: «внѣ усилія личности понять и осуществить лучшее могло совершиться лишь повтореніе прежняго, могла господствовать лишь рутина и привычка, могъ установиться лишь застой». Всякое общество живетъ среди извѣстной культуры: «всякое живое общество встрѣчаетъ около себя жизненную среду; среда эта охватываетъ условія физическія, біологическія, психологическія и соціологическія, которыя существуютъ для данной особи независимо отъ ея воли; они даны, какъ нѣчто неизбѣжное[1]). Чтобы существовать необходимо или приспособиться къ этимъ условіямъ или измѣнить ихъ. «Вся дѣятельность приспособленія къ существующей средѣ ведетъ къ установленію неподвижной *культуры*»[2]). Когда приспособленіе къ средѣ совершится въ такой степени, что страданія становятся сносными, а дальнѣйшее увеличеніе наслажденій потребовало бы болѣе сложнаго разсужденія, чѣмъ допускаетъ психологическая организація существа, то особь или собраніе особей живетъ повтореніемъ той дѣятельности, которая уже обратилась въ инстинктъ, въ привычку или преданіе, какъ наиудобнѣйшее приспособленіе къ условіямъ данной среды»[3]).

Такимъ образомъ только работа критической мысли, перерабатывающая ту культуру, которая является для нея «какъ нѣчто неизбѣжное» и которая обусловливаетъ предѣлы *возможнаго* для этой работы «съ такой же неизбѣжностью, съ какой во всякое время ставитъ предѣлы этой работѣ неизмѣнный законъ природы»[4]), только эта работа критической мысли создаетъ исторію въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. рядъ перемѣнъ, которыя мы связываемъ съ представленіемъ о прогрессѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 262—263.

[2]) «Историческія письма», женевское изд. 1891 г., стр. 271.

[1]) «Научныя основы исторіи цивилизаціи», изд. «Русскаго Богатства», стр. 123.

[2]) Ibid., стр. 123—124.

[3]) Ibid., стр. 125.

[4]) «Историческія письма», стр. 104.

Лавровъ особенно настаиваетъ на томъ, что понятіе о прогрессѣ есть чисто субъективное понятіе. «Право, пора бы людямъ мыслящимъ,—пишетъ онъ—усвоить себѣ очень простую вещь: что различіе важнаго и неважнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурного существуетъ лишь для человѣка и вовсе чужды природѣ и вещамъ самимъ въ себѣ... Внѣ человѣка существуютъ *только* одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что человѣкъ едва ли можетъ и уловить ихъ во всей ихъ мелкости и дробности... Безсознательные процессы природы вырабатываютъ мысль о всемірномъ тяготѣніи, о солидарности людей совершенно такъ же, какъ ворсинку на ногѣ жука или стремленіе лавочника сорвать лишнюю копѣйку съ покупщика... Наука не представляетъ никакихъ данныхъ, по которымъ безпристрастный изслѣдователь имѣлъ бы право перенести свой нравственный судъ о значительности общаго закона, геніальной или героической личности изъ области *человѣческаго* пониманія и желанія въ области безсознательной и безстрастной природы»[1]).

Но если оцѣнка важности событій, ихъ историческаго значенія, мыслима только съ точки зрѣнія самого человѣка, то она по необходимости должна быть очень различна: «если для Августина или Боссюэта событія, имѣющія вліяніе на жителей маленькой Палестины, были несравненно важнѣе походовъ Чингисъ-хана или Александра Македонскаго, такъ и для современнаго историка завоеваніе огромной Китайской имперіи монголами будетъ, я думаю, [illegible] чѣмъ борьба нѣсколькихъ кантоновъ Швейцаріи съ Габсбургами. Конечно, и тутъ можно приложить критерій большого числа личностей, если брать въ соображеніе не только тѣ личности, на которыя непосредственно вліяли событія, но еще рядъ поколѣній, жизнь и мысли которыхъ были обусловлены этими событіями. Но въ подобныхъ случаяхъ историкъ и мыслитель находятся весьма часто подъ вліяніемъ иллюзіи... Одинъ авторъ найдетъ въ умственной культурѣ новой Европы преобладающее вліяніе проповѣди, раздававшейся когда-то въ Галилеѣ, и станетъ утверждать, что, сравнительно, вліяніе греческихъ философскихъ школъ было незначительно; другой историкъ будетъ утверждать прямо противоположный тезисъ»[1]).

Сообразно тѣмъ или инымъ взглядамъ на важное и не важное, вредное или благодѣтельное, опредѣлится отношеніе человѣка къ историческимъ событіямъ, а также и къ событіямъ окружающей его текущей жизни. Вообще говоря, это послѣднее отношеніе имѣетъ, какъ мы видѣли, по преимуществу тенденцію примирительнаго характера, тенденцію приспособленія къ данной культурѣ. На этой почвѣ возникаетъ сила обычая и привычки, обусловливающая неподвижность и застой. Необходимо вмѣшательство критически мыслящихъ личностей, одушевленныхъ извѣстными стремленіями, чтобы поколебать это установившееся равновѣсіе и сообщить общественной жизни движеніе впередъ.

---

1) Ibid., стр. 31—32.

1) «Историческія письма», стр. 29—30.

Но что такое критически мыслящая личность, откуда являются у нея ея стремленія и чѣмъ опредѣляется то направленіе, по которому она пытается увлечь за собой общество?

На этотъ вопросъ Лавровъ даетъ отвѣтъ въ статьѣ «Современныя ученія о нравственности», появившейся въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1870 г. и обратившей на себя столь же большое вниманіе современной молодежи, какъ и его «Историческія Письма» (печатавшіяся первоначально въ еженедѣльной газетѣ «Недѣля» въ 1869 г.).

Основнымъ источникомъ происхожденія критически-мыслящей личности служитъ *сознаніе своего собственнаго умственнаго развитія*, появляющееся у человѣка при всякомъ воспріятіи имъ какихъ-нибудь новыхъ идейныхъ впечатлѣній: «Когда обстоятельства навели насъ на новую мысль, или когда мы усвоили ее изъ прочитанной книги, изъ выслушанной лекціи, мы хорошо знаемъ, что въ насъ произошелъ не только психическій актъ *измѣненія*, но что онъ совершился въ формѣ уясненія, расширенія мысли, что мы *больше* знаемъ или *лучше* понимаемъ, что мы стали умственно *выше*»[1]). Сойти на прежнее положеніе значило бы для насъ въ такомъ случаѣ *униэиться*; продолжать тотъ же процессъ—*возвыситься*. Это особое состояніе духа, которымъ сопровождается каждый актъ сознанія повышенія своего существа, вызываетъ рефлексъ *обязательности* въ формѣ стремленія къ дальнѣйшему развитію своей личности. Если этотъ процессъ повторяется, если человѣкъ имѣлъ случай снова и снова ощущать наслажденіе развитія, то онъ «получаетъ нѣкоторую привычку къ этому *особенному* психическому рефлексу, начинаетъ отличать его въ себѣ и, наконецъ, становится настолько развитымъ человѣкомъ, что для него психическое понятіе *обязательности* представляется съ совершенной ясностью. Большинство остается чуждо этому понятію или приходитъ къ нему искусственнымъ путемъ: общество дѣлаетъ нѣкоторыя дѣйствія *принудительными* для личности. Привычка къ нимъ обращаетъ ихъ въ обязательныя и по внутреннему принужденію, но эта неосмысленная обязательность или дрессировка не имѣетъ ничего общаго съ внутреннимъ сознаніемъ обязательности, возникающей изъ умственнаго развитія. Развитіе есть *единственный* фактъ, вызывающій естественное сознаніе высшаго и низшаго состоянія. Онъ есть и единственный, къ которому психологически-правильно приложимъ терминъ *обязательности*. Внутренняя элементарная обязанность для личности одна—*обязанность развиваться*»[1]).

Такимъ образомъ, умственно развитыя критически-мыслящія личности являются, по этой теоріи, въ то же время и такими, въ которыхъ возникаетъ сознаніе *нравственнаго долга* (въ формѣ стремленія къ умственному развитію); умственное развитіе является вмѣстѣ съ тѣмъ и основой этики, единственнымъ психическимъ актомъ, который способенъ вызвать въ человѣкѣ то сознаніе *обязательности* для

[1]) «Современныя ученія о нравственности»; изд. 1903—04 гг.; стр. 44—55.

[1]) «Современныя ученія о нравственности», стр. 46—47.

[illegible] извѣстныхъ дѣйствій, которое лежитъ въ основѣ всей практической [illegible]сти. Чувству сострадания, какъ непосредственному отношенію къ [illegible] положенію окружающихъ, Лавровъ не придаетъ въ этомъ смыслѣ никакого самостоятельнаго значенія. «Сочувствіе, какъ аффектъ, — говоритъ онъ, — лежитъ внѣ области этики»[1]. Только умственно развитая личность вноситъ во всѣ свои стремленія и дѣйствія элементъ нравственной обязательности, не зависящей ни отъ симпатій ни отъ [illegible].

Съ другой стороны, только критически-мыслящая личность съ заранѣе [illegible] въ ней опредѣленными стремленіями къ участливому [illegible], обладаетъ точно и незыблемо установленной мѣркой для опредѣленія того, въ чемъ заключается прогрессивное развитіе, и для выбора той дѣятельности, которая можетъ быть названа прогрессивной. Для того, чтобы получить понятіе о прогрессивномъ развитіи, необходимо имѣть представленіе о смыслѣ и лучшемъ состояніи по сравненію съ существующимъ. Но мы уже видѣли, что единственно разумное представленіе о смыслѣ и лучшемъ получается для мыслящаго [illegible] [illegible]

ютъ. Но какъ первоначальное [illegible] [illegible] идеалъ[1]).

И вотъ это единственно разумное представленіе о состояніи лучшемъ и высшемъ, по сравненію съ предшествующимъ, получаемое критически мыслящей личностью въ процессѣ [illegible] развитія, [illegible]

Такимъ образомъ, мы получили [illegible]

1) Тамъ же, стр. 14.

1) [illegible]

ЗА в
или
ний и
ниц (
есплат
ля из
икроф
юго
иблиот

[illegible] объ опредѣленіи отличительныхъ чертъ прогрессивной общественной дѣятельности и точнаго [illegible] понятія объ общественномъ прогрессѣ.

Этотъ переходъ отъ личныхъ стремленій къ общественнымъ, отъ личной этики къ общественной происходитъ, по теоріи Лаврова, слѣдующимъ путемъ. [illegible]

[illegible]

ніе, что никакого различія между людьми въ этомъ отношеніи указать нельзя, то критически-мыслящая личность необходимо приходитъ къ выводу о способности всѣхъ людей къ развитію, а такъ какъ именно въ развитіи заключается для нея содержаніе личнаго достоинства, то, слѣдовательно, и къ выводу о равенствѣ личнаго достоинства для всѣхъ людей.

Отсюда вытекаетъ для критически мыслящей личности обязанность содѣйствовать умственному развитію окружающихъ столь же энергично и настойчиво, какъ она обязана стремиться къ своему собственному развитію, и всѣми доступными средствами [illegible] препятствій, поставленныхъ ему [illegible]. Эта обязанность содѣйствовать развитію другихъ людей, эта [illegible] обязанность, перенесенная изъ области личной этики въ область общественныхъ отношеній, и составляетъ все содержаніе общественной справедливости [7]). Справедливость, какъ стремленіе къ должному, нравственно обязательному отношенію къ окружающимъ, принимаетъ тогда форму содѣйствія развитію ихъ личнаго достоинства, т.-е., согласно этой теоріи, распространенію и укрѣпленію въ нихъ критической мысли; [illegible] справедливости въ формѣ общественной жизни будетъ [illegible] стремленіе къ [illegible] общественнымъ формамъ, которыя обезпечивали бы [illegible] развитіе [illegible].

[illegible] такимъ образомъ, [illegible]

[illegible]

[7]) [illegible] ученія о [illegible], стр. 67 [illegible].

ную картину разсматриваемой общественной теоріи. Мы видѣли, что, согласно этой теоріи, исторія создается работой критической мысли надъ неподвижной культурой: «Передъ нами опредѣленная задача прогресса,—пишетъ Лавровъ,—культура должна быть переработана мыслью. Передъ нами также опредѣленный, единственный реальный дѣятель прогресса: личность, опредѣляющая свои силы и дѣло, ей доступное» [1]). Теперь мы знаемъ, въ чемъ должна заключаться та общественная дѣятельность этой личности, которая обусловливаетъ возможность осуществленія прогресса: эта дѣятельность, вытекающая изъ непреодолимаго внутренняго стремленія критически мыслящей личности къ поднятію духовнаго уровня какъ своего собственнаго, такъ и всѣхъ другихъ членовъ общества, будетъ заключаться въ борьбѣ за справедливѣйшія формы общественной жизни—справедливѣйшія въ томъ смыслѣ, что онѣ обезпечиваютъ всѣмъ одинаковый доступъ къ умственному развитію. Отсюда получается слѣдующая формула прогресса, предложенная Лавровымъ въ его статьѣ по поводу формулы прогресса Михайловскаго: «Прогрессъ есть процессъ развитія въ человѣчествѣ сознанія и воплощенія истины и справедливости путемъ работы критической мысли личностей надъ современной культурой» [2]).

Эта формула, указывая на содержаніе прогресса, указываетъ въ то же время и на его орудіе—на то основное явленіе, которое даетъ толчокъ всему движенію. Такимъ толчкомъ служитъ процессъ умственнаго развитія; оно вызываетъ въ людяхъ стремленіе къ возвышенію своей личности, вызываетъ въ нихъ разладъ съ дѣйствительностью и затѣмъ создаетъ на этой почвѣ представленіе о справедливѣйшихъ и о справедливѣйшихъ формахъ общественной жизни. «Развитіе критической мысли въ человѣчествѣ, ея укрѣпленіе и расширеніе,—пишетъ Лавровъ,—есть на мой взглядъ, главный и единственный двигатель прогресса въ человѣчествѣ, хотя, конечно, существенный результатъ прогресса заключается въ воплощеніи критической мысли въ справедливѣйшія общественныя формы» [1]).

Въ такомъ видѣ рисуется передъ нами то ученіе Лаврова, которое оказало огромное вліяніе на поколѣніе конца 60-хъ и всѣхъ 70-хъ годовъ. Оно касалось только одной стороны общественнаго движенія—того исходнаго пункта его, когда все зависило исключительно отъ личной иниціативы еще очень немногихъ единицъ; оно было построено на личной этикѣ; оно еще совершенно не принимало въ соображеніе массовыхъ элементовъ движенія, которыхъ еще не было тогда на сценѣ; вслѣдствіе этого мы совсѣмъ не видимъ въ изложенномъ ученіи роли стихійныхъ общественныхъ факторовъ, каковы, напримѣръ, экономическія условія, съ такой же неизбѣжностью толкающія рабочія массы въ сторону осуществленія справедливѣйшихъ (съ точки зрѣнія даже субъективныхъ вопросовъ) формъ общественной жизни, съ какой эти

1) «Историческія письма», стр. 105.

2) «Формула прогресса Н. К. Михайловскаго», изд. «Русскаго Богатства», 1906 г., стр. 41. Эта статья была написана Лавровымъ также въ 1870 г.

1) Ibid., стр. 60.

[illegible] личности. Этотъ очевидный пробѣлъ въ объясненіи хода исторического процесса, это упущеніе изъ вида того огромнаго массоваго потока, который идетъ навстрѣчу усиліямъ единичныхъ работниковъ, подъ дѣйствіемъ другихъ, не менѣе важныхъ агентовъ прогресса, не будетъ удивительно, если мы припомнимъ, что этого массоваго потока еще не было тогда видно на горизонтѣ, и еще не доносилось тогда ни малѣйшаго звука, который могъ бы указать на его приближеніе. На громадной, пустынной сценѣ русской общественной жизни, виднѣлись тогда лишь отдѣльныя личности, затерянныя въ необъятныхъ пространствахъ, и вотъ этимъ немногимъ личностямъ казалась тогда задача борьбы съ многовѣковой культурой: на помощь [illegible], на содѣйствіе [illegible] силъ они не могли разсчитывать, ибо эти стихійныя силы существовали тогда [illegible] въ возможности будущаго развитія, [illegible] не было; [illegible] только [illegible] стимулы, о которыхъ [illegible] Лавровъ. [illegible] —Лавровъ въ «Историческихъ письмахъ»—[illegible] прогресса [illegible].

II.

Михайловскій.

Основная идея Михайловскаго заключается въ утвержденіи противоположности между интересами общества, развивающагося какъ обособленное цѣлое, какъ коллективный организмъ, и личности, составляющей какъ бы одинъ изъ его органовъ. Михайловскій началъ писать въ эпоху, когда въ общественной наукѣ господствовала теорія органическаго развитія, опиравшаяся на аналогію между обществомъ и организмомъ. Формула, данная Бэромъ по отношенію къ развитію живого организма, опредѣляющая его развитіе, какъ переходъ отъ простого къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному путемъ послѣдовательныхъ расчлененій или дифференціацій, была распространена Спенсеромъ также и на явленія общественной жизни, при чемъ онъ попытался [illegible] въ общепринятую формулу общественнаго развитія, не связанную съ представленіемъ о [illegible]. Мѣркой всего общественнаго развитія—будетъ ли то человѣческое общество, какой нибудь сифонофоръ или [illegible]—является степень разнородности состава даннаго общества, [illegible] ступень, достигнутая въ дѣлѣ распредѣленія различныхъ функцій между отдѣльными группами, спеціализированными въ той или иной области. Согласно этой формулѣ, муравейникъ, напримѣръ, надо признать обществомъ, стоящимъ на высокой ступени развитія, ибо [illegible] функцій доходитъ у него до того, что отдѣльныя группы муравьевъ имѣютъ даже нѣкоторые [illegible] органы [illegible]

[illegible] для [illegible] орудій, болѣе [illegible] на осуществленіе [illegible] отдѣльныхъ [illegible] ... [illegible] себя [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] [1]).

«Допустимъ, — [illegible], — что общество и личность [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ...

сходныя части, прогрессируетъ. Хорошо, пусть *общество прогрессируетъ*, но [illegible], что личность при этомъ регрессируетъ, [illegible] только эту сторону дѣла, [illegible] ... [illegible] и [illegible], [illegible] ... [illegible]. Общество [illegible] ... развитія стремится подчинить, раздробить личность, оставить ей [illegible] одно спеціальное [illegible], а остальныя передать другимъ, [illegible] ее изъ [illegible] въ органъ[1]).

Въ связи съ этой [illegible] Михайловскаго находится его [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... Михайловскій, что формула прогресса Спенсера, полученная объективнымъ путемъ, внѣ всякихъ представленій о человѣческомъ счастіи, оказалась противорѣчивой и [illegible] именно потому, что Спенсеръ совершенно устранилъ изъ своей формулы субъективный элементъ. Между тѣмъ самое понятіе о прогрессѣ имѣетъ значеніе только съ [illegible] человѣческой точки зрѣнія. «Если мы [illegible] изъ [illegible] ... [illegible], — говоритъ Михайловскій, — [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ...

[1]) [illegible]

[1]) [illegible]

[illegible]ѣла явленіемъ прогрессивнымъ, ступенью дальнѣйшаго развитія? [1]).

Такимъ образомъ Михайловскій, какъ и Лавровъ, устраняетъ изъ объективнаго метода самую идею совершенствованія или прогресса. Въ объективной природѣ существуетъ лишь рядъ перемѣнъ, рядъ измѣненій въ различныхъ областяхъ явленій, и объективная наука можетъ изучать лишь законы этихъ перемѣнъ. Но приговоры [illegible] синтезовъ, исходящихъ изъ области субъективныхъ представленій самого человѣка.

Но, спрашивается, можетъ ли ученый изслѣдователь удержаться на высотѣ этихъ объективныхъ требованій въ томъ случаѣ, когда объектомъ его изслѣдованій служитъ общественная жизнь, гдѣ онъ встрѣчается съ такими явленіями, которыя неизбѣжно отражаются на его собственной человѣческой природѣ, вызывая въ немъ то или иное отношеніе къ нимъ, причемъ это отношеніе не бываетъ одинаково у разныхъ людей, а опредѣляется сообразно тому [illegible] содержанія?

«Наше [illegible] содержаніе,— пишетъ Михайловскій,— [illegible] ствомъ... [illegible] другую жизнь, ставить себя [illegible] положеніе... [illegible] что [illegible] опытъ не безграниченъ, что [illegible] только [illegible] себѣ [illegible] [illegible] [illegible] каждаго человѣка, другой — только [illegible] представленія своей [illegible] единицы, т. е. [illegible] своихъ соотечественниковъ, своихъ собратовъ по профессіи, по образу жизни и проч. [illegible] опытъ, [illegible], входитъ въ наше психическое содержаніе. Отдѣлиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія [illegible] невозможно, какъ произвольно вычеркнуть [illegible] впечатлѣнія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе [illegible] человѣкъ приступаетъ къ [illegible] то ни было изслѣдованію въ области общественныхъ отношеній [illegible] нѣкоторыми новыми элементами — элементами нравственными [illegible] не говоря о грубой, сознательной подтасовкѣ фактовъ для [illegible]-нибудь своекорыстныхъ цѣлей... Есть люди [illegible] искренно [illegible] и такіе, которые [illegible] добросовѣстно, только потому, что [illegible] предвзятое мнѣніе [illegible] бытъ можетъ, [illegible]...» [2]).

«Русскій переводчикъ [illegible] сочиненія Герберта Спенсера «Изученіе соціологіи», — пишетъ Михайловскій, — [illegible]

---

1) «Что такое прогрессъ?» [illegible]

2) «Что такое прогрессъ?» [illegible]

объективной истинѣ тамъ, гдѣ цѣлый [illegible] условій, связанныхъ съ природой человѣка и съ внѣшними условіями, стоитъ препятствіемъ къ правильному пониманію фактовъ»... Спрашивается, какое заблужденіе можетъ быть горше [illegible] мнѣнія, что можно правильно понять общественные факты, если тому препятствуетъ цѣлый рядъ условій, связанныхъ съ природой человѣка? Одно изъ двухъ: или надо признать правильнымъ пониманіе, соотвѣтствующее условіямъ человѣческой природы, или надо вовсе отказаться отъ правильнаго пониманія... Человѣку науки не приходится такъ [illegible] свою собственную природу. Природа человѣка не заборъ, черезъ который можно перелѣзть и благополучно спуститься на чужомъ дворѣ[1]).

«Мысленно оторваться отъ всѣхъ [illegible], національныхъ и гражданскихъ привязанностей,—пишетъ Спенсеръ,—всѣхъ интересовъ, предубѣжденій, [illegible], предразсудковъ, которые порождены въ немъ жизнью его общества и его времени; смотрѣть на всѣ явленія, которыя совершались и совершаются въ обществѣ, безъ малѣйшаго отношенія къ [illegible] — это такія вещи, къ которымъ обыкновенный человѣкъ [illegible] способенъ только въ [illegible]» («[illegible] соціологіи», ч. I, стр. [illegible]).

«Представьте же удивленіе [illegible] — говоритъ по этому поводу Михайловскій: [illegible] бенъ перестать [illegible]... Спрашивается, имѣлъ ли бы я право убѣждать кого-нибудь: а вы все-таки постарайтесь [illegible]! [illegible] А между тѣмъ Спенсеръ дѣлаетъ [illegible] именно въ этомъ родѣ. Онъ многократно увѣряетъ читателя, что даже исключительный человѣкъ не можетъ, разсуждая о явленіяхъ соціологическихъ, оторваться отъ симпатій и антипатій, отъ почему-либо близкихъ ему интересовъ и только [illegible]... И столь же многократно тотъ же самый Спенсеръ совѣтуетъ остерегаться вліянія симпатій и антипатій, устранить, забывать всякіе общественные и личные интересы и только познавать. Да какъ же это сдѣлать, если это невозможно?... Развѣ это серьезный разговоръ? развѣ это наука?»[1]).

Таковы взгляды, которые развиваетъ Михайловскій въ своемъ [illegible] основномъ вопросѣ общественной науки. Согласно этому взгляду, не существуетъ и не можетъ быть общественной науки вообще, а существуютъ лишь общественныя науки различныхъ общественныхъ классовъ и партій: дворянская, буржуазная, соціалистическая. Устранить разницу [illegible], отъ которой зависитъ принадлежность даннаго общественнаго [illegible] къ той или другой категоріи, невозможно въ силу природы самого человѣка. Въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», [illegible] въ 1875 г. В. П. Безобразовымъ, [illegible] статья А. И. Васильчикова объ «Эмиграціи», гдѣ авторомъ [illegible]

---

[1]) [illegible]

[1]) [illegible]

ніе, что одно изъ главныхъ противорѣчій [illegible] въ крайне неправильномъ распредѣленіи [illegible] собственности [illegible] — въ господствѣ [illegible] элементовъ. Редакція «Сборника» [illegible] статью [illegible], въ которыхъ проводило ту мысль, что [illegible] западно-европейская [illegible] [illegible]

[illegible] Михайловскій [illegible]

[illegible]

[illegible] ²)

[illegible] Михайловскаго [illegible] Михайловскій [illegible] Спенсера. [illegible] «Соціальной Статикѣ». [illegible]

[illegible]

[illegible] ной апологіею¹).

Михайловскій разсматриваетъ [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] раздѣленіе труда, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] человѣка. Но такъ какъ машины, напр., одни [illegible] въ рукахъ [illegible] классовъ, то машины эти уже не могутъ отнять у кого-нибудь заработокъ. Или, такъ какъ нормальная [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и т. д.¹).

Итакъ, Михайловскаго [illegible] [illegible] [illegible] общественныхъ отношеній, [illegible] типа общественнаго устройства, [illegible] [illegible] Михайловскій, [illegible] [illegible] общественной жизни, [illegible] на преимущества [illegible] [illegible] [illegible] раздѣленія [illegible] [illegible] производства [illegible] [illegible] [illegible] общественнаго устройства [illegible] [illegible]

¹) [illegible]

¹) [illegible]

[illegible] организаціи, онъ опредѣляетъ: «Который изъ нихъ выше? Несомнѣнно: съ объективной точки зрѣнія выше низшій муравейникъ, потому что его части (муравьи) сильнѣе дифференцированы. Но съ субъективной точки зрѣнія самого муравья выше древній муравейникъ. [illegible] не повторять того, что было [illegible] много разъ, я только прошу замѣтить, что становлюсь на точку зрѣнія муравья. Пусть [illegible] усиліями полиморфизмъ индивидовъ [illegible] [illegible] и даже цѣлая муравьиная цивилизація,—это только [illegible] [illegible] развитія [illegible]»[1].

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣзче: «Я вполнѣ соглашаюсь съ [illegible] Поповымъ и другими изслѣдователями, что наша промышленность должна развиваться, я согласенъ и съ г. Орловымъ-Давыдовымъ, что наше сельское хозяйство подлежитъ развитію. Но наше согласіе немедленно прекращается, какъ только въ рамки развитія [illegible] [illegible] [illegible]. Я говорю [illegible] промышленность, наше сельское хозяйство [illegible] развитія, чѣмъ имъ развиваться дальше [illegible], по новымъ [illegible]»[2]. Или еще: «[illegible], [illegible] точки зрѣнія [illegible] [illegible], что всему промышленному или земледѣльческому предпріятію можно [illegible] [illegible] безопасность и [illegible]»[3].

[1] «Отеч. [illegible]» [illegible], т. 1, стр. 638.

[2] «Отечеств. [illegible]» [illegible]

Чтобы [illegible] [illegible] такой точки зрѣнія, надо вспомнить, что это [illegible] въ 70-е годы, когда русскіе [illegible] фактически предпринимали свое [illegible]. Подобно тому [illegible] 90-е годы, на общественной [illegible] фигурировали тогда двѣ программы: [illegible] съ [illegible] [illegible] наиболѣе [illegible] производительныхъ [illegible] [illegible] научный и соціалистическій. [illegible] субъективный, [illegible] характеръ [illegible] и [illegible] его [illegible] программу [illegible] [illegible]. Михайловскій [illegible] соціалистическую программу, [illegible] [illegible] уже [illegible] русскому читателю изъ статей Чернышевскаго принципы чисто [illegible] развитія, [illegible] соціалистическихъ требованій, оно прямо переходитъ [illegible] [illegible] устройства.

Надо замѣтить, что [illegible] возможность объективнаго построенія общественной науки Михайловскій, подобно Лаврову, [illegible]

[illegible] отстаиваетъ ту или иную сторону того влiянiя, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его желанiямъ. Если бы теченiе общественной жизни не зависѣло отъ проявленiя человѣческихъ стремленiй, если бы субъективный элементъ не игралъ никакой огромной роли въ рѣшенiи общественныхъ судебъ, то необходимость не приходилось бы подкрѣплять субъективными испытанiями. Тамъ, гдѣ воля человѣка безсильна, гдѣ теченiе событiй опредѣляется объективными условiями, не подлежащими его воздѣйствiю, тамъ не остается мѣста для симпатiй или антипатiй. Такимъ образомъ, субъективный методъ изслѣдованiя и рѣшающая роль субъективныхъ элементовъ въ процессѣ общественнаго развитiя неразрывно связаны одно съ другимъ. Что бы ни говорила объективная наука о необходимомъ ходѣ вещей въ области общественныхъ явленiй, этотъ необходимый ходъ вещей будетъ признанъ только тѣми, субъективнымъ стремленiямъ которыхъ онъ болѣе или менѣе удовлетворяетъ. «Наука не властна надъ моимъ желанiемъ, не властна и надъ моей совѣстью», — говоритъ Михайловскiй: «Если совѣсть моя не возмущается порядкомъ вещей, который обезпечиваетъ мнѣ праздную жизнь и побуждаетъ вести жизнь развратную, то, что бы ни говорила наука о праздной и развратной жизни, мои соцiологическiя понятiя не измѣнятся»[1]). А слѣдовательно, не измѣнится и направленiе общественной дѣятельности. Говоря о законѣ борьбы за индивидуальность, въ силу котораго высшая индивидуальность стремится поглотить низшую, какъ, напр., семья стремится поглотить личность, родъ — не только личность, но и семью, племя — и личность, и семью, и родъ, — Михайловскiй пишетъ: «Зачѣмъ отворачиваться отъ несомнѣнной логики установленной объективной научно цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части? Отчего не посмотрѣть ей прямо въ глаза? Теорiя борьбы за индивидуальность логична. Но именно стоя на точкѣ зрѣнiя этой борьбы, я и объявляю, что буду бороться съ грозящей поглотить меня высшей индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ — увидимъ»[5]).

Отсюда видно отношенiе Михайловскаго къ объективнымъ законамъ. Они, конечно, входятъ въ число условiй, которыми опредѣляется ходъ общественной жизни, но ея цѣлесообразность, ея стремленiе удовлетворить желанiямъ и потребностямъ человѣка, ея приближенiе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ — все это есть продуктъ усилiй самого человѣка: «Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторiи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила ставитъ цѣли въ исторiи и движетъ къ нимъ событiя сквозь строй препятствiй, поставляемыхъ ей стихiйными силами природы и историческихъ условiй»[6]).

---

[1]) Отечеств. Записки, т. [illegible], стр. 465.

[5]) Ibid., стр. 422—423.

[6]) Ibid., стр. 446.

На этомъ мы считаемъ возможнымъ закончить характеристику соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго. Непосредственное вліяніе на движеніе 70-хъ годовъ они имѣли преимущественно въ той своей части, которая касалась идеальнаго типа общественнаго устройства, хотя и связаннаго съ [illegible] его развитія. [illegible] стремленіямъ [illegible] Программа [illegible] была построена по значительной своей части на [illegible] [illegible] передъ рабочими массами — [illegible] [illegible] Послѣдняя тема, [illegible] съ Добролюбовымъ, [illegible] соціологической мысли, и развиваетъ со всей силой его публицистическаго таланта. [illegible] статью о [illegible] [illegible] антиподомъ [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] общественнаго [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] отъ всей общей [illegible] условій, и другое, — [illegible] въ зависимость результатъ общественнаго развитія отъ природы человѣческихъ желаній; [illegible] объективныхъ условій, только [illegible] общественной жизни [illegible] Такимъ образомъ [illegible] условія, [illegible] концепціи, [illegible] направленіе общественной работы на сторону тѣхъ или иныхъ [illegible] [illegible] формированія [illegible].

[illegible] отъ непосредственныхъ [illegible] философской школы, [illegible] Чернышевскимъ, который [illegible] субъективный характеръ, [illegible] научный [illegible] Лавровъ и Михайловскій [illegible].

III.

Генеалогія русской школы 70-хъ годовъ.

Къ [illegible] Чернышевскаго и Добролюбова [illegible]

[illegible] общественнаго дѣла. Это были лишь [illegible] [illegible] и строгой умственной дисциплины, по [illegible] Михайловскаго и [illegible].

Весной 1868 г. въ Петербургѣ начались студенческія волненія въ университетѣ, медико-хирургической академіи и технологическомъ институтѣ. Въ этихъ студенческихъ волненіяхъ играетъ видную роль Сергѣй Нечаевъ, сынъ мѣщанина, бывшій въ то время въ Петербургѣ учителемъ приходскаго Сергіевскаго училища. Нечаевъ стремился придать студенческимъ, по преимуществу корпоративнымъ [illegible] [illegible] характеръ [illegible] демонстраціи, но онъ встрѣтилъ [illegible] со стороны руководителей движенія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] была выпущена прокламація [illegible], [illegible] [illegible] петербургскаго университета В. [illegible]. Въ ней, [illegible] студентовъ, обществу предлагалось обратить вниманіе на [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]: «Мы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]» [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ университетѣ [illegible].

1) [illegible] стр. 281.

То же время, въ [illegible] Нечаевъ развивалъ мысль о необходимости [illegible] немедленное народное возстаніе, пріурочивая его къ 19 февраля 1870 г., когда по Положенію 1861 г. должны были прекратиться временно обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

На этомъ, [illegible] [illegible] [illegible] два направленія: одно, [illegible] [illegible] [illegible] Нечаева, [illegible] [illegible] возможность скораго народнаго возстанія; другое смотрѣло на дѣло иначе и [illegible], [illegible] [illegible] рѣшенія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] должны были [illegible], [illegible] для того, чтобы [illegible] [illegible] [illegible] въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ находиться. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Нечаева въ Петербургѣ были этимъ [illegible]. Вмѣстѣ съ тѣмъ были [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] самаго Нечаева, [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] марта 1869 г. Нечаевъ [illegible].

стямъ [1]). Нечаевъ явился къ Бакунину въ качествѣ представителя якобы существовавшей въ Россіи большой революціонной организаціи. Бакунинъ включилъ эту организацію какъ русскій отдѣлъ во «Всемірный Революціонный Союзъ», которымъ онъ былъ тогда занятъ, и написалъ для Нечаева нѣсколько прокламацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ издавать съ Нечаевымъ газету «Народная Расправа».

Въ сентябрѣ 1869 г. Нечаевъ вернулся въ Россію, снабженный бланками и печатями общества «Народной Расправы», а также прокламаціями Бакунина. Онъ пріѣзжаетъ въ Москву къ П. Г. Успенскому, завѣдывавшему книжнымъ магазиномъ Черкесова. Объ Успенскомъ онъ зналъ еще раньше, какъ человѣкѣ, пользовавшемся вліяніемъ среди студентовъ; онъ познакомился съ нимъ еще весной, передъ своимъ отъѣздомъ заграницу. Надо замѣтить, что передъ отъѣздомъ заграницу Нечаевъ съ большимъ искусствомъ распустилъ слухи о своемъ воображаемомъ арестѣ и бѣгствѣ изъ Петропавловской крѣпости [2]).

Такимъ образомъ онъ явился тогда къ Успенскому, уже окруженный ореоломъ революціоннаго героя. Явившись къ Успенскому по возвращеніи изъ-за границы, онъ увѣрилъ его въ существованіи большого тайнаго общества «Народной Расправы», раскинутаго по всей Россіи, и добился его присоединенія къ этому обществу, а затѣмъ, при его посредствѣ завербовалъ около 40 человѣкъ, преимущественно изъ студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Наиболѣе приближенными къ Нечаеву членами этой московской организаціи были, кромѣ Успенскаго, А. К. Кузнецовъ и И. Ивановъ, слушатели Петровской Академіи, литераторъ И. Г. Прыжовъ (40 лѣтъ) и семнадцатилѣтній мѣщанинъ Н. Н. Николаевъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. Кузнецовъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ ѣздили въ Петербургъ и тамъ присоединили къ организаціи около 80 человѣкъ изъ студентовъ Лѣсного и Технологическаго институтовъ и Медико-хирургической академіи.

Цѣль организаціи Нечаева заключалась въ подготовленіи народнаго возстанія, при чемъ характеръ предполагавшагося движенія виденъ изъ слѣдующихъ словъ одной изъ прокламацій, составлявшей какъ бы программу возникавшаго тайнаго общества: «Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени осно-

---

[1]) «Письма Бакунина къ А. И. Герцену, Н. П. Огареву и др.», изд. Драгомановымъ, Женева, 1896 г.

[2]) Жена полковника Е. Х. Томилова, знакомая Нечаева, показала, что въ началѣ февраля или въ концѣ января 1869 г., она увидѣла въ рукахъ знакомой своей Вѣры Засуличъ записку слѣдующаго содержанія: «Идя по мосту, я встрѣтилъ карету, въ какой возятъ арестованныхъ; изъ нея выбросили мнѣ клочекъ бумаги, и я узналъ голосъ дорогого мнѣ человѣка: если вы честный человѣкъ, доставьте...» Подписано: «Студентъ». При этой запискѣ была приложена другая отъ Нечаева, написанная карандашомъ на грязномъ клочкѣ бумаги, такого содержанія: «Меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, помните обо мнѣ! Дастъ Богъ свидимся». («Госуд. преступл.» т. I, стр. 315—316.)

вания московской государственной силы, не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ,—противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака-міроѣда. Мы соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача»[1]).

Организація Нечаева была фиктивной; она созидалась на предположеніи, что она уже существуетъ. Нечаевъ, опираясь на свое личное вліяніе разсчитывалъ такимъ искусственнымъ путемъ создать большую силу, которая находилась бы въ его распоряженіи и которую онъ могъ бы направить на разрушительную работу. Онъ прибѣгалъ ко всякимъ пріемамъ, чтобы поддержать иллюзію существованія большой организаціи и таинственнаго комитета, за агента котораго онъ выдавалъ себя: являлся переодѣтымъ въ офицерское платье, какъ будто возвратившись съ офицерской сходки, приводилъ съ собой на засѣданія членовъ организаціи неизвѣстнаго молчаливаго субъекта, въ качествѣ ревизора отъ комитета и т. д. Это былъ удивительный человѣкъ. По опредѣленію Бакунина, громадная энергія соединялась въ немъ съ значительной долей невѣжества: «Это фанатикъ,—писалъ Бакунинъ,—преданный, но въ то же время фанатикъ очень опасный, сообщничество съ которымъ можетъ быть только гибелью для всѣхъ... Онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и неразрушимое, надо взять за основу политику Маккіавеля и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ... Онъ странный честолюбецъ, самъ того не зная, потому что кончилъ тѣмъ, что отожествилъ вполнѣ революціонное дѣло со своей собственной персоной;—но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому страшно рискуетъ и ведетъ мученическую жизнь лишеній и неслыханнаго труда. Это фанатикъ, а фанатизмъ увлекаетъ его быть совершеннымъ іезуитомъ.... Вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ —сила, потому что это—огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи, и рѣдко встрѣчаешь ее такъ развитой, какъ у него»[1]).

«Не знаю, какъ тебѣ,—писалъ еще Бакунинъ о Нечаевѣ Огареву уже въ 1872 г.,—а мнѣ страшно жаль его. Никто не сдѣлалъ мнѣ, и сдѣлалъ намѣренно, столько зла, какъ онъ, а все-таки мнѣ его жаль. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой энергіи и, когда мы съ тобой его встрѣтили, въ немъ горѣло яркое пламя любви къ нашему бѣдному, забитому народу; въ немъ была настоящая боль по нашей исторической народной бѣдѣ»[2]).

Организація Нечаева была скоро разрушена. Ближайшимъ поводомъ къ этому было убійство И. Иванова, члена центральнаго московскаго кружка, совершенное остальными членами

[1]) «Государственныя преступленія», т. I, стр. 337.

[1]) «Письма Бакунина», стр. 291—293.
[2]) «Письма Бакунина», стр. 341.

этого кружка: Успенскимъ, Кузнецовымъ, Прыжовымъ и Николаевымъ совмѣстно съ самимъ Нечаевымъ. Убійство это было совершено по настоянію Нечаева, который, повидимому, хотѣлъ отдѣлаться отъ строптиваго человѣка, часто выражавшаго недовѣріе къ его словамъ о существованіи комитета. Убійство произошло 21 ноября 1869 г.; оно повело къ арестамъ всѣхъ членовъ организаціи. Самъ Нечаевъ успѣлъ уѣхать за границу, гдѣ скрывался до осени 1872 г., когда былъ арестованъ въ Цюрихѣ и выданъ швейцарскимъ правительствомъ Россіи. Приговоренный судомъ присяжныхъ къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, онъ былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ оставался до начала 80-хъ годовъ. Его необычайная сила характера сказалась и здѣсь. Онъ сумѣлъ подчинить своему вліянію сторожившихъ его крѣпостныхъ солдатъ. Около 20 человѣкъ изъ нихъ были безгранично преданы ему. Съ ихъ помощью и при посредствѣ сидѣвшаго тогда въ крѣпости народовольца Ширяева, онъ въ 1880 г. вошелъ въ сношеніе съ исполнительнымъ комитетомъ «Народной Воли». Онъ задумалъ устроить побѣгъ всѣхъ сидѣвшихъ тогда въ Алексѣевскомъ равелинѣ; но планъ этотъ столкнулся съ приготовленіями къ покушенію 1 марта и былъ имъ оставленъ. Въ 1882 г. переписка его съ народовольцами была случайно открыта во время одного обыска. Съ тѣхъ поръ его тюремное заключеніе значительно ухудшилось, надежда на свободу у него пропала, и онъ сталъ медленно умирать отъ чахотки. Онъ умеръ въ маѣ 1883 г.[1]).

[1]) «Былое», 1906 г., № 7.

IV.

Весь этотъ эпизодъ «нечаевщины» разыгрался на почвѣ сравнительно еще очень низкаго тогда средняго уровня политическаго развитія русской учащейся молодежи. Но среди нея къ концу 60-хъ годовъ стали выдѣляться группы, понимавшія положеніе Россіи во всемъ его цѣломъ и какъ бы бравшія на себя задачи общественой жизни, не имѣвшей офиціальныхъ представителей. Одной изъ такихъ группъ, игравшихъ значительную роль въ движеніи начала 70-хъ годовъ, былъ кружокъ чайковцевъ. Онъ сталъ формироваться какъ разъ въ моментъ появленія Нечаева, и основателями его были тѣ именно люди, которые весной 1869 г. противостали агитаціи Нечаева въ пользу немедленнаго революціоннаго возстанія. Какъ бы въ подтвержденіе теоріи Лаврова о происхожденіи чувства нравственнаго долга, эти люди ставили выше всего науку и умственное развитіе. Въ основу своей революціонной агитаціи они положили устройство кружковъ саморазвитія, задаваясь опредѣленной цѣлью, прежде чѣмъ перейти къ распространенію революціонныхъ идей среди рабочихъ массъ, подготовить достаточный контингентъ молодой интеллигенціи, воспитанной на преданности общественнымъ идеаламъ. Зимой 1870—71 г., кружокъ уже составлялъ тѣсную и замкнутую организацію. Въ него входили: М. Натансонъ, А. Сердюковъ, Н. Чайковскій, Ольга Шлейснеръ, Д. Клеменцъ, А. Франжоли, М. Купріяновъ, С. Перовская, А. и В. Корниловы, Н. Чарушинъ, Өеофанъ Лермонтовъ и др. Позднѣе 1872 къ нему присоединились Л. Шишко, С. Синегубъ,

С. Кравчинскій, П. Крапоткинъ. Д. Рогачевъ и др. Изъ московскихъ членовъ кружка, вначалѣ было трое: М. Антонова, С. Клячко и А. Иванчинъ-Писаревъ; потомъ присоединились Л. Тихомировъ, М. Фроленко, Наталія Армфельдъ, Н. А. Саблинъ, Варвара Батюшкова, Н. А. Морозовъ, Татьяна Лебедева и др. Къ одесскимъ членамъ кружка принадлежали Ф. Волховской, С. Чудновскій, М. Ланганс, А. Желябовъ, Вс. Лопатинъ и др. Къ кіевскимъ членамъ кружка принадлежали: Н. Лопатинъ, Н. Колоткевичъ, Павелъ Аксельродъ, и др.

Первымъ практическимъ дѣломъ кружка было распространеніе среди молодежи лучшихъ сочиненій того времени по естественно-научнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Для этого кружокъ бралъ на комиссію у нѣкоторыхъ издателей нужное ему число экземпляровъ книгъ, разсылалъ ихъ по провинціямъ и распространялъ среди петербургскихъ и московскихъ студенческихъ группъ, черезъ посредство своихъ представителей. Иногда онъ съ этой цѣлью покупалъ съ уступкой цѣлыя изданія, какъ напр., у извѣстнаго въ то время издателя Полякова; такимъ именно путемъ въ 1870 г. былъ очень быстро распространенъ по всей Россіи I т. Лассаля. Кружокъ предпринималъ самъ изданіе нѣкоторыхъ цѣнныхъ для него сочиненій, но, къ сожалѣнію, эти его изданія всѣ были задержаны цензурой и затѣмъ уничтожены (*Исторія 48 года* Луи Блана, *Рабочій вопросъ* Ланге, *Исторія Парижской Коммуны* Корьеза и Ланжоля, вторыя изданія *Положенія рабочаго класса* Флеровскаго и *Историческихъ писемъ* Лаврова).

Книги разсылались по уменьшенной цѣнѣ и въ кредитъ. Такимъ образомъ повсюду возникли хорошо подобранныя библіотеки, способствовавшія просвѣщенію молодежи[1]).

Вмѣстѣ съ развитіемъ книжнаго дѣла, въ 1871 г. кружокъ сталъ завязывать сношенія съ рабочими на заводахъ и фабрикахъ. Заводскимъ рабочимъ читались лекціи по русской исторіи и политической экономіи, при чемъ сообщались свѣдѣнія о международномъ рабочемъ движеніи. Надо замѣтить, что западноевропейское соціалистическое движеніе играло большую роль въ опредѣленіи взглядовъ кружка, какъ и вообще оказало большое вліяніе на характеръ русскаго революціоннаго движенія. Полный разрывъ съ буржуазными политическими программами и непосредственное обращеніе къ рабочимъ массамъ былъ въ значительной степени результатомъ знакомства съ событіями западноевропейской исторіи. Кружокъ чайковцевъ въ 1871 году вступилъ въ близкія сношенія съ русской секціи интернаціонала, находившейся въ Женевѣ[1]).

Среди фабричныхъ рабочихъ пропоганда носила болѣе элементарный характеръ. Члены кружка от-

---

[1]) Изъ переводныхъ сочиненій распространялись: первый томъ Лассаля; «Исторія цивилизаціи» Бокля, «Происхожденіе видовъ» Дарвина», первый томъ «Исторіи вел. франц. революціи» Луи Блана, сочиненія Милля, Берне, Спенсера, Дрепера, романы Шпильгагена. Изъ оргинальныхъ: сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Костомарова, Щапова, Лаврова, Флеровскаго, Сѣченова («Рефлексы головного мозга»).

[1]) Членами женевской секціи были тогда, Бакунинъ, Н. И. Жуковскій, Н. Утинъ: А. Серно-Соловьевичъ и др.

крывали у себя по квартирамъ вечерніе классы, на которые собирались рабочіе небольшими группами. Нѣкоторые изъ нихъ приходили сначала исключительно съ цѣлью научиться грамотѣ или ариѳметикѣ, и только послѣ ряда болѣе интимныхъ бесѣдъ знакомились съ революціонными задачами кружка. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ рабочихъ, извѣстный своей рѣчью, произнесенной на судѣ по дѣлу «Пятидесяти», Петръ Алексѣевъ, познакомился сначала съ Синегубомъ просто для того, чтобы учиться; особенно привлекала его почему-то геометрія. Встрѣчались иногда рабочіе, затронутые пропагандой еще въ воскресныхъ школахъ 1861—62 гг.; однимъ изъ такихъ былъ пожилой ткачъ Яковъ Ивановичъ. Изъ числа выдававшихся рабочихъ надо упомянуть изъ заводскихъ—В. Обнорскаго, будущаго сотрудника Халтурина по устройству Сѣвернаго рабочаго союза 1878 г.; изъ фабричныхъ—Г. Крылова, умершаго въ тюрьмѣ въ 1875 году.

Вмѣстѣ съ началомъ рабочей пропаганды кружокъ сталъ заботиться объ изданіи народныхъ книжекъ; у него была въ Швейцаріи своя типографія и была своя «граница». Въ 1872 г. появились первыя народныя изданія (передѣлка «Исторіи французскаго крестьянина» Эркмана и Шатріана и драматическая поэма Навроцкаго «Стенька Разинъ», появившаяся сначала въ «Вѣстникѣ Европы».

Къ веснѣ 1873 г. связи съ рабочими имѣлись у кружка во всѣхъ главныхъ заводскихъ и фабричныхъ центрахъ Петербурга: на Васильевскомъ Островѣ и на Выборгской сторонѣ, за Невской и за Московской заставами; изъ провинціальныхъ городовъ, систематическая пропаганда среди рабочихъ велась, начиная съ 1873 г. еще въ Одессѣ. Тамъ она велась кружкомъ Волховского, Чудновскаго, Лангапса и другихъ, вступившихъ въ федеративную связь съ кружкомъ чайковцевъ[1]).

Но это были отдѣльныя и небольшія группы рабочихъ, не имѣвшія еще никакого вліянія на фабричныя и заводскія массы. Такая изолированность и замкнутость пропаганды, при слабомъ развитіи промышленности, при отсутствіи достаточно подготовленной почвы, повела къ тому, что сами сознательные рабочіе начали чувствовать свою оторванность отъ окружавшей ихъ среды и стали заговаривать о деревнѣ. Первый толчокъ въ сторону перенесенія пропаганды изъ города въ деревню шелъ со стороны рабочихъ. Большинство членовъ кружка вначалѣ противилось этому, разсчитывая на возможность созданія въ Петербургѣ крѣпкой рабочей организаціи. Но вскорѣ въ широкихъ слояхъ учащейся молодежи поднялось движеніе, принявшее какъ бы стихійный характеръ и покрывшее собой строго-конспиративную и планомѣрную дѣятельность кружка.

Мысль о ненормальности и извращенности жизни образованнаго общества, воспитывающей людей, неспособныхъ перейти отъ словъ къ дѣлу, съ настойчивостью проводилась, какъ мы видѣли, еще Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Эти взгляды связы-

---

[1]) См. воспоминанія Лангапса, цитируемыя въ статьѣ П. Л. Лаврова «Народники-пропагандисты 1873—77 годовъ» («Матеріалы для исторіи рус. соц. револ. движенія» №№ 6—7, Женева, стр. 196 и слѣд.)

вались у нихъ съ идеалами трудовой жизни, соотвѣтствующей соціалистическому строю. Мы уже говорили, что идеи Чернышевскаго и Добролюбова понимались во всей ихъ полнотѣ лишь очень немногими изъ ихъ современниковъ. Но имена ихъ были окружены ореоломъ; эти имена всегда производили неотразимое впечатлѣніе, благодаря огромной умственной силѣ и нравственной высотѣ ихъ носителей. Чѣмъ болѣе распространялись и читались ихъ сочиненія, тѣмъ было глубже ихъ вліяніе. Къ началу 70-хъ годовъ насчитывалось уже не мало лицъ среди учащейся молодежи, находившихся всецѣло подъ обаяніемъ тѣхъ соціалистическихъ идеаловъ, которые были внесены въ литературу 60-хъ годовъ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Къ этому же времени стало также выясняться положеніе освобожденныхъ крестьянскихъ массъ,—чему особенно способствовала книга Флеровскаго (В. Берви) «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», вышедшая въ 1869 г. Преданность соціалистическимъ идеаламъ, вмѣстѣ съ представленіемъ о положеніи рабочаго класса создали те настроеніе, истолкователемъ котораго былъ Лавровъ, когда говорилъ о «цѣнѣ прогресса» въ своихъ «Историческихъ письмахъ». Народился типъ «кающагося дворянина». Большинство учащейся молодежи, входившей въ составъ тогдашнихъ кружковъ, принадлежало именно къ этому типу: 58% всѣхъ судившихся по двумъ большимъ процессамъ изъ эпохи «хожденія въ народъ», по процессамъ 50-ти и 193-хъ—состояло изъ дворянъ[1]). Главной чертой психологіи кающагося дворянина было сознаніе несправедливости привилегированнаго положенія нетрудящихся классовъ и преклоненія передъ рабочимъ человѣкомъ. Отсюда стремленіе освободиться отъ исторической неправды, тяготѣвшей надъ личностью.... и пріобщиться къ трудовой жизни. Несомнѣнно, что примѣръ имѣлъ въ этомъ случаѣ большое значеніе. Болѣе или менѣе опредѣленные слухи о существованіи кружковъ, стоявшихъ близко къ рабочимъ, дѣйствовали заразительно. Наконецъ, идея о служеніи народу какъ-бы носилась тогда въ воздухѣ; очень читавшійся въ то время романъ Мордовцева «Знаменіе времени» былъ весь проникнутъ этой идеей; многія молодыя женщины шли въ народныя учительницы; отдѣльные студенты стали бросать учебныя заведенія и поступать на заводы; настроеніе все болѣе и болѣе накоплялось и зимой 1873 г. достигло огромной степени напряженія. Собирались сходки, возникали кружки, устраивались мастерскія. Къ веснѣ 1874 г. довольно значительное число учащейся молодежи разъѣхалось по провинціямъ.

«Ничего подобнаго не было ни раньше, ни послѣ. Казалось, тутъ дѣйствовало скорѣе какое-то откровеніе, чѣмъ пропаганда... Точно какой-то могучій кличъ, исходившій неизвѣстно откуда, пронесся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія родины и человѣчества. И всѣ, въ комъ была живая душа, отзывались и шли на этотъ кличъ, исполненные тоски и

---

[1]) Остальные 42 процента распредѣляются такъ: семинаристовъ 16%, крестьянъ 10%, мѣщанъ 9,5%, купеческихъ дѣтей 5%, иностранныхъ подданныхъ 1,5%.

негодованія на свою прошлую жизнь, и оставляя свой родной кровъ, богатство, почести, семью, отдавались движенію съ тѣмъ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ препятствій, не мѣряетъ жертвы и для которой страданія и гибель являются самымъ жгучимъ, непреодолимымъ стимуломъ къ дѣятельности» [1]).

Кружокъ чайковцевъ къ этому времени уже покончилъ свое существованіе. Большинство его членовъ было арестовано; оставшіеся присоединились къ общему движенію. Изъ вновь выдѣлившихся иниціаторовъ движенія отличались своей энергіей Е. Брешковская, С. Коваликъ, П. Войнаральскій и Д. Рогачевъ. Въ Москвѣ, по инціативѣ Войнаральскаго, была приспособлена къ печатанію революціонныхъ изданій большая легальная типографія И. Мышкина. Съ этого именно момента Мышкинъ выступилъ на революціонное поприще. Страстная энергія, огромныя ораторскія способности и трагическая судьба этого замѣчательнаго человѣка извѣстны отчасти по напечатаннымъ воспоминаніямъ [2]).

Бурное и стремительное по своему общему характеру, сопровождавшееся большимъ энтузіазмомъ, движеніе въ народъ лѣта 1874 года охватило по офиціальнымъ источникамъ [3]) районъ 37 губерній; всѣхъ арестованныхъ за это лѣто насчитывалось отъ 1500—2000 человѣкъ; привлеченныхъ къ дознанію было 770 лицъ (612 мужчинъ и 158 женщинъ); остались неразысканными 53 человѣка. Но непосредственныхъ результатовъ это движеніе дало немного. Почти всѣ сознательные рабочіе этого періода были подготовлены въ кружкахъ, существовавшихъ ранѣе 1874 г. и продержавшихся болѣе долгое время. Большое значеніе имѣло лишь открытое проявленіе движенія, таившагося до того времени въ очень замкнутыхъ, конспиративныхъ группахъ,—неожиданное выступленіе на сцену новой общественной силы, которая скоро сосредоточила на себѣ исключительное вниманіе правящихъ классовъ и придала совершенно опредѣленное направленіе ихъ внутренней политикѣ. Съ этого именно момента все болѣе и болѣе разрастается борьба съ революціоннымъ теченіемъ, скоро охватившая всѣ отрасли государственной жизни.

Необходимо отмѣтить, что еще ранѣе хожденія въ народъ лѣта 1874 г. первый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ небольшой группой А. Долгушина, И. Папина и Н. Плотникова. Отпечатавъ весной 1873 г. въ своей тайной типографіи нѣсколько горячо и талантливо написанныхъ прокламацій, они пошли съ ними по деревнямъ Московской губерніи, призывая крестьянъ къ возстанію во имя лучшей жизни «по закону природы и правды». Всѣ они были скоро арестованы и осуждены въ каторжныя работы.

Вслѣдъ за массовымъ движеніемъ въ народъ осенью 1874 г. сталъ формироваться большой московскій кружокъ 50-ти. Это было то же самое хожденіе въ народъ, но только мо-

---

[1]) С. Кравчинскій, «Подпольная Россія», Лондонское изданіе, 1893 г., стр. 14.

[2]) «Былое», 1906 г., № 2.

[3]) «Записки мин. юстиціи гр. Палена», перепечатана была въ газетѣ «Впередъ», № 15.

сковскій кружокъ стремился придать своей дѣятельности болѣе устойчивый и организованный характеръ, разсчитывая путемъ строго-конспиративной организаціи раскинуть постепенно свою пропаганду на всѣ главные фабричные центры и создать большую рабочую соціалистическую партію. По своему составу, кружокъ отличался крупными силами. Къ нему примкнулъ цѣликомъ цюрихскій кружокъ учащихся женщинъ, въ числѣ которыхъ находились С. Бардина, Лидія Фигнеръ, О. Любатовичъ и др., къ нему принадлежали петербургскіе студенты И. Джабадари, Г. Здановичъ, М. Чеконидзе, И. Злобинъ; въ его составъ вошли выдающіеся рабочіе, подготовленные предыдущимъ движеніемъ: П. Алексѣевъ, И. Союзовъ и Н. Васильевъ. Пропаганда очень успѣшно велась этимъ кружкомъ сначала на многихъ московскихъ фабрикахъ, а затѣмъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ и Тулѣ, при чемъ члены кружка сами обращались въ работницъ или работниковъ и поступали на фабрики. Но вниманіе охранителей было уже привлечено движеніемъ 1874 г.; вести пропаганду среди рабочихъ стало гораздо опаснѣе, чѣмъ это было въ періодъ 71—73 гг., и въ очень скоромъ времени въ кружкѣ 50-ти начались аресты: 4 апрѣля 1875 г. были арестованы первые 9 человѣкъ, а къ октябрю 1875 г. вся организація была уничтожена [1]).

Кромѣ уже упомянутыхъ группъ, пропаганда среди рабочихъ велась, за время 1874-75 гг., въ Петербургѣ кружкомъ В. Дьякова и А. Сирякова и кружкомъ Е. Семяновскаго, а въ Одессѣ—кружкомъ Заславскаго, пытавшагося создать «Южно-русскій рабочій союзъ». Всего судилось по дѣламъ, возникшимъ за время 1871—75 г., насколько имѣются данныя въ напечатанныхъ отчетахъ, около 300 человѣкъ, при чемъ около 30 человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ. При этомъ надо принять во вниманіе значительное число умершихъ въ періодъ предварительнаго заключенія и не попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Изъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ по дѣлу 193-хъ, число умершихъ въ предварительномъ заключеніи доходило до 75 человѣкъ (предварительное слѣдствіе тянулось 4 года) [1]).

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи», изд. Базилевскаго, т. III.

[1]) «Подпольная Россія», стр. 20.

Идейные руководители движенія 1874—75 гг.

Переходя къ теоретическому обоснованію движенія начала 70-хъ годовъ или, скорѣе, періода «хожденія въ народъ», надо замѣтить, что главными теоретическими руководителями его были Бакунинъ и Лавровъ.

П. Л. Лавровъ, бѣжавшій въ 1870 году изъ Кадникова за границу, получилъ въ 1872 году предложеніе изъ Россіи стать во главѣ изданія русскаго заграничнаго соціалистическаго журнала [2]). Съ этою цѣлью онъ переѣхалъ изъ Парижа въ Цюрихъ, гдѣ собралось тогда много русской учащейся молодежи (болѣе 200 человѣкъ). Туда же переѣхали къ тому времени

[2]) «Народники-пропагандисты»: «Матеріалы для исторіи русскаго соц. револ движенія», № 5, стр. 50.

представители Бакунина [1]), который самъ жилъ въ Локарно. Въ августѣ 1873 года появилась первая книжка лавровскаго журнала «Впередъ», одновременно съ бакунинскими изданіями: «Государственность и Анархія» и «Историческое развитіе Интернаціонала». Послѣднее представляло собою сборникъ статей и рѣчей Бакунина, относившихся къ 1868—69 гг. Какъ въ лавровскомъ «Впередъ», такъ и въ бакунинскихъ изданіяхъ проводились тѣ именно идеи, которыя служили теоретическимъ обоснованіемъ для движенія, вспыхнувшаго лѣтомъ 1874 г.

Разногласіе между сторонниками Лаврова и бакунистами замѣчалось не въ основной мысли о необходимости «итти въ народъ»; въ этомъ отношеніи оба направленія были тождественны между собой. «Въ одномъ народѣ есть достаточно силы, достаточно энергіи, достаточно свѣжести, чтобы совершить революцію, которая улучшила бы положеніе Россіи,—писалъ Лавровъ во «Впередъ»: Но народъ не знаетъ своей силы, не знаетъ *возможности* низвергнуть своихъ экономическихъ и политическихъ враговъ. Надо его поднять. На живомъ элементѣ русской интеллигенціи лежитъ обязанность разбудить его, поднять его, соединить его силы, повести его на битву» [2]).

Но въ то время какъ Лавровъ признавалъ необходимымъ для революціоннаго переворота болѣе или менѣе продолжительный *подготовительный* періодъ, Бакунинъ отрицалъ эту необходимость.

«Лишь строгой и усиленной личной подготовкой,—писалъ Лавровъ,—можно выработать въ себѣ *возможность* полезной дѣятельности среди народа... Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, можно считать себя *въ правѣ* призвать народъ къ осуществленію этого переворота» [1]).

Подъ личной подготовкой Лавровъ понималъ, кромѣ нравственной выработки, также и расширеніе знаній; онъ придавалъ большое значеніе распространенію научныхъ свѣдѣній въ тѣхъ рабочихъ массахъ, среди которыхъ велась пропаганда [2]).

Бакунинъ, напротивъ того, отрицалъ значеніе научной подготовки для народа, при современномъ его положеніи, признавалъ рабочія массы уже обладавшими извѣстнымъ общественнымъ идеаломъ, могущимъ лечь въ основу новаго соціальнаго строя: «Самые прославленные геніи,—писалъ онъ,—ничего или очень мало сдѣлали до сихъ поръ собственно для народа, т.-е. многомилліоннаго чернорабочаго пролетаріата. Народная жизнь, народное развитіе, народный прогрессъ принадлежатъ исключительно самому народу. Этотъ прогрессъ совершается, конечно, не путемъ книжнаго образованія, а путемъ естественнаго нарастанія опыта и мысли, передаваемаго изъ рода въ родъ и необходимымъ образомъ расширяющагося, углубляющагося по содержанію, усовершен-

---

[1]) Изъ представителей Бакунина самымъ выдающимся былъ М. П. Сажинъ (жившій за границей подъ фамиліей Россъ).

[2]) «Впередъ», № 3, стр. 185.

[1]) «Впередъ», № 1, стр. 14.

[2]) См. его статью «Знаніе и Революція» въ первомъ номерѣ «Впередъ».

ствующагося и обновляющагося въ свои формы—разумѣется, чрезвычайно медленно, путемъ безконечнаго ряда тяжкихъ и горькихъ историческихъ испытаній, доведены, наконецъ, въ наше время народныя массы, можно сказать всѣхъ странъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ европейскихъ странъ, до сознанія, что имъ отъ привиллегированныхъ классовъ и отъ нынѣшнихъ государствъ, вообще отъ политическихъ переворотовъ, ждать нечего и что они могутъ освободиться только собственнымъ усиліемъ своимъ, посредствомъ соціальной революціи. Это самое опредѣляетъ всеобщій идеалъ, нынѣ въ нихъ живущій и дѣйствующій»)[1].

Отсюда вытекаетъ единственно раціональный съ этой точки зрѣнія взглядъ на народное движеніе: «Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но хотя и всякій бунтъ, какъ бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ, однако частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя, подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ дѣйствительно идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремится, а изъ неудачъ мы заключаемъ, что въ этомъ идеалѣ есть существенные недостатки, которые мѣстами и мѣшаютъ успѣху»[2]).

Главными изъ этихъ недостатковъ являлись «замкнутость общинъ, уединеніе и разъединеніе крестьянскихъ мѣстныхъ міровъ»—съ чѣмъ и была призвана бороться революціонная интеллигенція.

Эта убѣжденность въ существованіи въ рабочихъ массахъ высокаго по типу общественнаго идеала, сложившагося подъ вліяніемъ трудовой жизни, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала настроенію революціонной интеллигенціи того времени, «исполненной тоски и негодованія на свою прошлую жизнь». Къ этому присоединялось отрицательное отношеніе къ буржуазному обществу даже въ его свободныхъ политическихъ формахъ. Рѣзкое отношеніе Бакунина къ буржуазному государству, находившее себѣ подтвержденіе въ событіяхъ западноевропейской исторіи, значительно способствовало его огромному вліянію на тогдашнюю молодежь, такъ какъ заключало въ себѣ зерно истины. Мы видѣли, что уже Чернышевскій выражалъ полное равнодушіе къ политическимъ перемѣнамъ, разъ онѣ не выходили изъ рамокъ буржуазнаго господства. Бакунинъ шелъ далѣе и указывалъ на *отрицательныя* стороны буржуазнаго государства, на тотъ опасный путь, на который оно становилось въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи,—а именно онъ доказывалъ, что буржуазное государство должно было итти по пути крайняго развитія милитаризма и военнаго могущества: «Буржуазно-образованный міръ,—писалъ онъ,—долженъ укротить и поработить бунтующую народную стихію, дабы силой штыковъ, кнута и палки, благословенныхъ, разумѣется, какимъ-нибудь богомъ и объясненныхъ нау-

---

[1]) «Государственность и анархія». Прибавленіе А, стр. 9. (Изд. 1873 г.).

[2]) Ibid., стр. 19.

ной, оставивъ нерабочія массы работать покорными, — что ведетъ прямо къ Бисмарковскому возстановленію государства въ его [illegible] формѣ, которая одна возможна въ настоящее время, т.е. въ формѣ военной диктатуры или Императорства»[1].

Представительницей военнаго буржуазнаго государства является въ глазахъ Бакунина Германская имперія: «Теперь Франція очистила мѣсто — пишетъ онъ — и его заняло Германское государство, по нашему убѣжденію — нынѣ единственно настоящее государство въ Европѣ»[2]. Въ немъ, именно въ этомъ германскомъ государствѣ, онъ видѣлъ главный оплотъ европейской реакціи; Англію же не считалъ даже государствомъ въ строгомъ и новѣйшемъ смыслѣ этого слова, т.е. въ смыслѣ военной, политической и бюрократической централизаціи»[3].

«Фридрихъ II, — писалъ онъ еще, — ругался надо всѣмъ, надъ Богомъ и людьми... и вѣрилъ только въ свой государственный разумъ, опиравшійся притомъ на божественную силу многочисленныхъ батальоновъ (Богъ всегда на сторонѣ сильныхъ батальоновъ, говорилъ онъ)... Въ этомъ по его, да также и по нашему мнѣнію, заключается дѣйствительно вся суть государства. Все же остальное лишь невинная фіоритура, имѣющая цѣлью обмануть нѣжныя чувства людей, неспособныхъ вынести сознанія суровой истины»[4].

Такимъ образомъ, Бакунину принадлежала заслуга того, что онъ указалъ на внутреннюю необходимость развитія буржуазнаго государства въ сторону развитія милитаризма. Въ развитіи военнаго могущества буржуазія какъ-бы дѣйствительно находила форму самосохраненія отъ опасности соціальной революціи. Въ XIX вѣкѣ, въ вѣкъ раціонализма и просвѣщенія, она создала почти фантастическій ростъ армій, проникавшій даже въ такихъ передовыхъ по буржуазной культурѣ странахъ, какъ Франція и Германія.

На этой исторической основѣ, въ соединеніи буржуазнаго господства съ военнымъ могуществомъ — на этой послѣдней стадіи развитія буржуазнаго государства, Бакунинъ строилъ свой анархизмъ, свое отрицательное отношеніе къ государственной формѣ вообще. Въ приложеніи къ русскому революціонному движенію, его анархическое вліяніе выразилось въ отрицаніи тѣхъ политическихъ переворотовъ, которые не сопровождались бы одновременно полнымъ экономическимъ переустройствомъ. Боязнь буржуазнаго государства преслѣдовала въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ большинство русской революціонной интеллигенціи, и въ этомъ именно всего сильнѣе отразилось вліяніе идей Бакунина. Что же касается собственно его программы бунтарства, его теоріи возбужденія народныхъ массъ путемъ практики частичныхъ возстаній, то она не имѣла никакого практическаго значенія, такъ какъ для проведенія ея не имѣлось въ наличности почвы. «Большинство бунтарей, признававшихъ въ теоріи бунтарскую программу — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ

1) «Государственность и анархія», стр. 14.
2) Ibid., стр. 19.
3) Ibid., стр. [illegible].
4) Ibid., стр. 9.

Григорій Моисеевичъ, — [1] потомъ, когда двинулись въ народъ, на практикѣ своей дѣятельностью нисколько не отличались отъ пропагандистовъ и, подобно имъ, занимались распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народѣ.

---

[1] Воспоминанія, часть I, стр. 17.